

Russ. 332 $\pm$ (1)

МОСКВА

И

МОСКВИЧИ

ИЗ КНИГ
Б. Н. БОЧКАРЕВА

Русс. 332 X-1

226

FgT 187/4777

17

1771

1771

1771

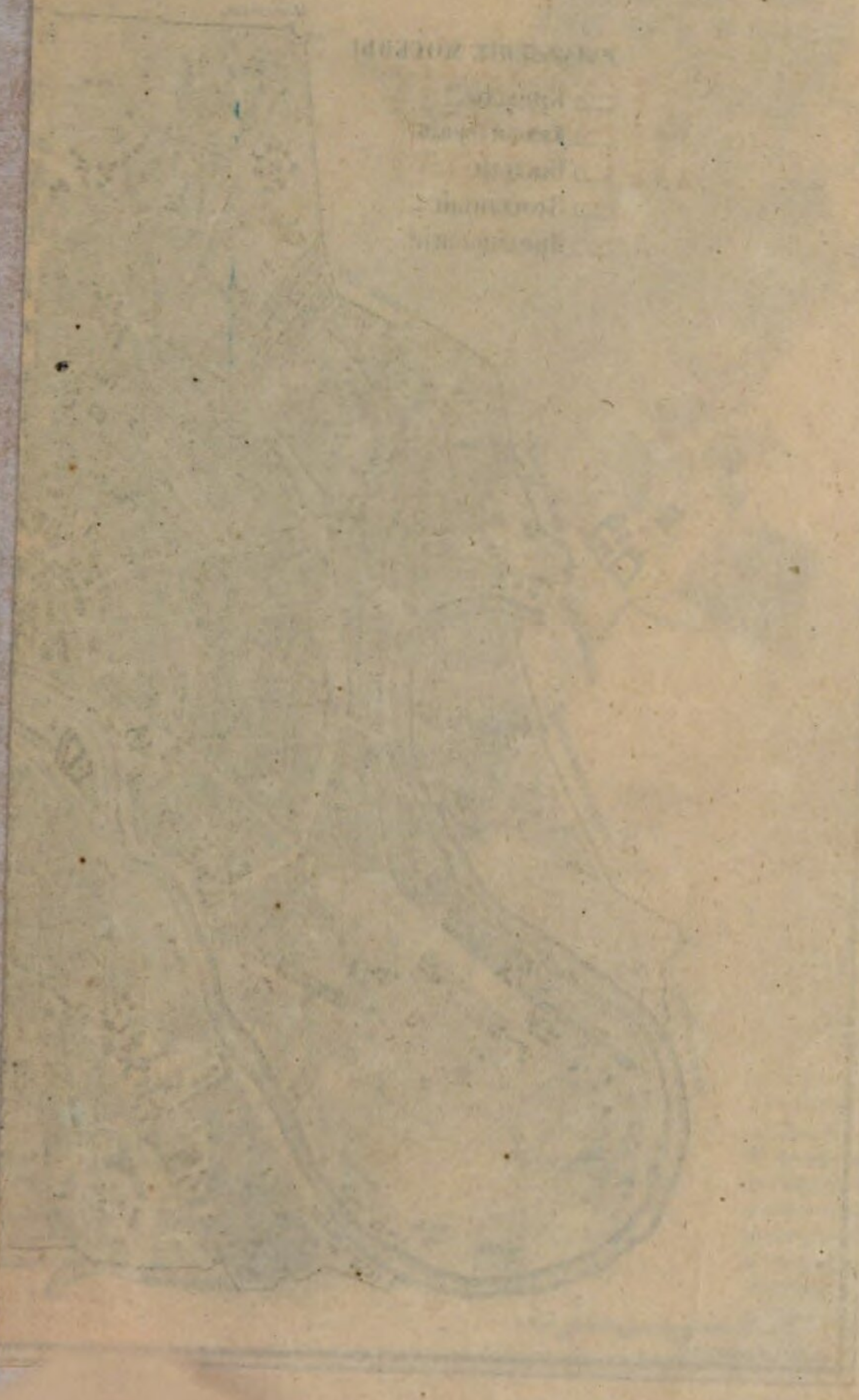
1771

1771

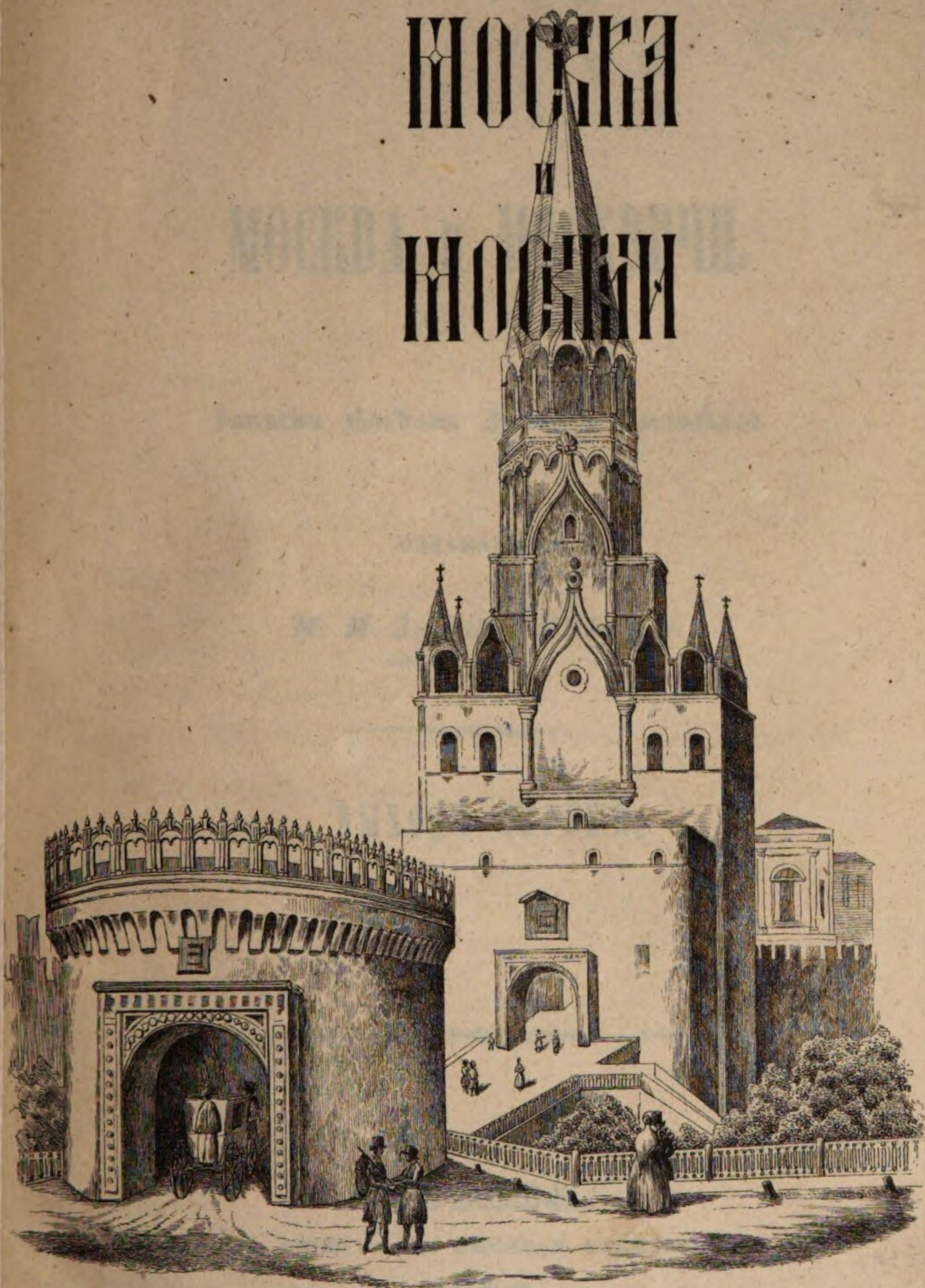
1771

1771

1771

МОСКВА И МОСКВИ

Башня Кушафья

ВЫХОДЪ ПЕРЬКЫЙ

АѦМЪ.

17

Russ. 332⁴/₁

МОСКВА и МОСКВИЧИ.

Записки Богдана Хлыча Бѣльскаго,

ИЗДАВАЕМЫЯ

М. Н. ЗАГОСКИНЫМЪ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1842.

МОСКВА И МОСКВИЧЪ

Въ Московскомъ Университетѣ

Л.

ВЫДАВАЕТСЯ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 6 дня 1842 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

1842

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

1842

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Я не люблю читать предисловій, очень рѣдко пишу ихъ самъ, и всегда стараюсь, чтобъ онѣ были какъ можно короче; но на этотъ разъ долженъ поневолѣ отступить отъ моего правила, и начать эту книжку слѣдующимъ предисловіемъ, или, какъ говорилось въ старину, краткимъ *возглашеніемъ*.

Любезнѣйшіе читатели и почтеннѣйшія читательницы!

Хотя на заглавномъ листѣ этой книжки напечатано, что я только издатель, а сочинитель ея Богданъ Ильичъ Бѣльскій; но можетъ-быть вы примите это за шутку. Чтобъ увѣрить васъ въ противномъ, мнѣ должно рассказать, по какому случаю я сдѣлался издателемъ этихъ записокъ.

ИЗ КНИГ
Б. Н. БОЧКАРЕВА

Русс. 332 X-1

226

FgT 187/4777

17

MANUSCRIPT NO. 1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

1000

МОСКВА И МОСКВИ

Вашня Кушафья

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ

АВМБ.

Russ. 332⁸ / 1

МОСКВА и МОСКВИЧИ.

Записки Богдана Ильича Бѣльскаго,

ИЗДАВАЕМЫЯ

М. Н. ЗАГОСКИНЫМЪ.

ВЫХОДЪ ПЕРВЫЙ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА.

1842.

МОСКВА И МОСКВИЧЪ

Въ Цѣнзурномъ Комитетѣ

✓

ПРИКАЗАНІЕ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Ноября 6 дня 1842 года.

Ценсоръ и Кавалеръ И. Снегиревъ.

МОСКВА

Въ Цѣнзурномъ Комитетѣ

1842

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Я не люблю читать предисловій, очень рѣдко пишу ихъ самъ, и всегда стараюсь, чтобъ онѣ были какъ можно короче; но на этотъ разъ долженъ поневолѣ отступить отъ моего правила, и начать эту книжку слѣдующимъ предисловіемъ, или, какъ говорилось въ старину, краткимъ *возглашеніемъ*.

Любезнѣйшіе читатели и почтеннѣйшія читательницы!

Хотя на заглавномъ листѣ этой книжки напечатано, что я только издатель, а сочинитель ея Богданъ Ильичъ Бѣльскій; но можетъ-быть вы примите это за шутку. Чтобъ увѣрить васъ въ противномъ, мнѣ должно рассказать, по какому случаю я сдѣлался издателемъ этихъ записокъ.

Мѣсяца три тому назадъ, возвратясь домой, послѣ обыкновенной моей утренней прогулки, я нашелъ на своемъ письменномъ столѣ огромный запечатанный пакетъ безъ надписи; по словамъ моего челоѣка, его принесъ незнакомый слуга, весьма опрятно одѣтый, но какой-то грубіянь, потому-что на всѣ распросы моего андрея: кто онъ таковъ и отъ кого присланъ — отвѣчалъ только: «велѣно отдать твоему барину.» — Наружная форма и толщина этаго пакета ничего добраго не предвѣщали. — «Ахти!» — вскричалъ я, — «вѣрно какая-нибудь переводная мелодрамма или комедія, передѣланная на русскіе нравы! — Да неужели я долженъ публиковать въ газетахъ, что это уже вовсе до меня не касается и что я не обязанъ, *по долгу службы*, читать почти каждый день драматическія произведенія семинаристовъ, гимназистовъ и даже глубокомысленныхъ московскихъ гегелистовъ, изъ которыхъ нѣкоторые весьма усердно

занимаются театромъ!»—Я распечаталъ пакетъ: письмо на мое имя и кругомъ исписанная тетрадь; однако-жъ не драматическое сочиненіе, а записки какого-то Богдана Ильича Бѣльскаго. — Прочтемъ, что онъ ко мнѣ пишетъ.

«Милостивый Государь! (я не прибавляю *мой*, потому-что вы старѣе меня чиномъ).

— «Ого!» — подумалъ я, — «да это какой-то старовѣръ! Онъ еще держится правила: «чинъ чина да почитаетъ». — Посмотримъ, чего онъ отъ меня хочетъ.»

«Я васъ давно уже знаю; мнѣ случалось иногда встрѣчаться съ вами въ разныхъ обществахъ; вѣроятно и вы также меня знаете, но только подъ настоящимъ моимъ именемъ. Хотя принятое мною въ этѣхъ запискахъ прозваніе *Бѣльскаго* могло-бы, по всей справедливости, принадлежать мнѣ, какъ единственному и прямому наслѣднику этаго знаменитаго историческаго имени; но я рѣшился остаться при моемъ,

весьма обыкновенномъ, которое ни разу не упоминается въ русскихъ лѣтописяхъ; следовательно весьма прилично человѣку съ умѣреннымъ состояніемъ и вовсе не чиновному, потому-что у насъ — да, я думаю и вездѣ — для поддержанія знаменитаго имени необходимы или богатство или чины. Ну разсудите сами, какую жалкую роль играетъ человѣкъ съ громкимъ историческимъ именемъ, если онъ самъ по себѣ ровно ничего не значитъ? Представьте, какъ смѣшно, или лучше сказать, грустно было-бы видѣть отставнымъ коллежскимъ регистраторомъ Скопина Шуйскаго, или становымъ приставомъ какого-нибудь Князя Пожарскаго!—Но я, можетъ быть, надоѣлъ вамъ моею болтавнею, а мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ весьма важномъ для меня предметѣ. Вотъ въ чемъ дѣло: я давно уже веду записки, — не о домашней моей жизни: въ ней не было ничего особенно замѣчательнаго, — но о всемъ томъ,

что касается до Москвы и ея жителей, относительно къ ихъ частному, политическому и историческому быту. Я изучалъ Москву слишкомъ тридцать лѣтъ и могу сказать рѣшительно, что она не городъ, не столица, а цѣлый міръ — разумѣется русскій. Въ ней сосредоточивается вся внутренняя торговля россіи; въ ней процвѣтаетъ наша ремесленная промышленность. Какъ тысячи солнечныхъ лучей соединяются въ одну точку, проходя сквозь зажигательное стекло, такъ точно въ Москвѣ сливаются въ одинъ національный обликъ всѣ отдѣльныя черты нашей русской народной физіономіи. Европейское просвѣщеніе петербурга; не вовсе чуждое тщеславія хлѣбосоличество нашихъ великороссійскихъ дворянъ; простодушное гостепріимство добрыхъ сибиряковъ; ловкость и досужество удалыхъ ярославцевъ, костромитянъ и володимирцовъ; способность къ письменнымъ дѣламъ и не-

обычайное умѣнье скрывать, подъ простой и тяжелой наружностью, умъ самый смѣтливый и хитрый — нашихъ, нѣкогда воинственныхъ, малороссіянъ; неуклюжество и тупость бѣлорусцевъ; страсть къ псовой охотѣ степныхъ помѣщиковъ; щегольство богатыхъ купцевъ отличными рысаками; безусловное обожаніе всего чужеземнаго нашихъ русскихъ европейцевъ, и въ то же время готовность ихъ умереть за славу и честь своей родины; безотчетная ненависть ко всему заморскому нашихъ запоздалыхъ старовѣровъ, которые, не смотря на это, не могутъ прожить безъ нѣмецкой мадамы или французскаго мусью; ученость и невѣжество, безвкусіе и утонченная роскошь; однимъ словомъ, вы найдете въ Москвѣ сокращеніе всѣхъ элементовъ, составляющихъ житейскій и гражданскій бытъ россіи, этого огромнаго колосса, которому Петербургъ служитъ головою, а Москва сердцемъ. Москва, бога-

тый, неисчерпаемый рудникъ для каждаго наблюдателя отечественныхъ нравовъ. Можетъ быть, во мнѣ не достало умѣнья разработать, какъ слѣдуетъ, этотъ богатый рудникъ; впрочемъ и то хорошо, если мнѣ удалось открыть его и указать чело-вѣку болѣе меня искусному, гдѣ долженъ онъ искать не одной руды, вовсе не походящей на металлъ, который въ ней скрывается; но чистыхъ самородковъ, не всегда золотыхъ — это правда; но вѣдь золото вездѣ рѣдко, а томпакъ, семилѣрь и всякая другая блестящая композиція, которую иногда стараются выдавать намъ за пробное червонное золото, право, не стоятъ нашего простаго желѣза.... Да объ этомъ послѣ; дѣло состоитъ въ томъ, что я рѣшился напечатать мои записки.

«Я чело-вѣкъ не очень богатый, такъ прежде всего долженъ былъ подумать о томъ, во что мнѣ обойдется изданіе этой книги, а для этого мнѣ нужно было по-

совѣтоваться съ человѣкомъ знающимъ и опытнымъ. Вы, вѣроятно, слышали о книгопродавцѣ Иванѣ Тихоновичѣ Корешковѣ; мы съ нимъ люди знакомые—я даже прошлаго года крестилъ у него сына.—«Чего-жъ лучше»—подумалъ я; — «мой куманёкъ тридцать лѣтъ занимается книжной торговлею, такъ ужъ вѣрно сочтеть мнѣ по пальцамъ, что будутъ стоить бумага, печать, обвертка, однимъ словомъ, все; а можетъ статья, и манускриптъ у меня купить: это было-бы всего лучше.» — Лишь только я хотѣлъ послать за Иваномъ Тихоновичемъ, а онъ ко мнѣ и въ двери. — «А, любезный куманёкъ!» вскричалъ я. — «Милости просимъ! — очень кстати! — Вѣдь у меня есть до тебя дѣльце.»

— «Ради служить, Богданъ Ильичъ! — Что прикажете?» — сказалъ Корешковъ съ низкимъ поклономъ.

— «Садись-ка, любезный!... Вотъ изволишь видѣть: ты знаешь мои записки?»

— «Какъ-же, батюшка! вы мнѣ еще прошлаго года читали изъ нихъ разныя этакія штучки — очень интересно!»

— «Я хочу ихъ напечатать.»

— «Ну что-жъ, сударь, съ Богомъ!»

— «Да вотъ что: я человѣкъ непривычный, до смерти боюсь всякихъ хлопотъ. Знаешь-ли что, любезный? купи у меня манускриптъ въ вѣчное и потомственное владѣніе: я дешево продамъ.»

— «Нѣтъ, Богданъ Ильичъ — извините! Мы этимъ не занимаемся. Дѣло другое на комиссію....»

— «Впрочемъ» — продолжалъ я съ видомъ совершеннаго равнодушія — «для меня все равно: книга моя не залежится. Ужъ одно названіе этѣхъ записокъ разлакомитъ покупателей: «Москва и Москвичи!»

— «Да-съ! названье бенефисное.»

— «А какъ ты думаешь, куманѣкъ: до-

рого мнѣ будетъ стоять напечатать эту книгу?»

— «Да если всю, такъ не дешево-съ.»

— «Какъ всю? Да развѣ можно будетъ печатать ее по частямъ?»

— «А почему-же нѣтъ, Богданъ Ильичъ? — Вѣдь если я не ошибаюсь, такъ книга ваша, такъ сказать, отрывочная; то-есть: не то чтобъ какой-нибудь романчикъ, или исторія, а вотъ въ родѣ тѣхъ, которыя выдаются теперь въ Петербургѣ «Сто писателей», «Сказка за сказкою» и прочія другія. Вы не извольте только выставять на заглавномъ листѣ: «часть первая», а просто: выходъ или выпускъ первый.»

— «Да развѣ это не все равно?»

— «Помилуйте! Ужъ кто написалъ часть первая, тотъ какъ будто-бы общаетъ вторую часть непременно; а выпускъ что значитъ? ... Будетъ-дескать время, такъ выпущу другую; а нѣтъ, такъ не прогибайтесь!...

— «А что ты думаешь? Вѣдь это правда.»

— «Какъ-же, батюшка!... Одну книжку напечатать не фигура, и можно дешевле пустить, такъ авось и поразберутъ; а тамъ если она понравится, да пойдетъ, такъ и выпускайте себѣ вторую, третью — сколько душѣ вашей угодно.»

— «Спасибо, куманѣкъ, за добрый советъ. И такъ, рѣшено: я буду выдавать мои записки отдѣльными книжками; ихъ число и время ихъ выходовъ будутъ совершенно зависеть отъ моей воли и отъ пріема, который сдѣлаетъ имъ публика.»

— «Да-съ! Только смѣю васъ спросить: вы объявите свое имя?»

— «Нѣтъ, я хочу назваться въ моихъ запискахъ Бѣльскимъ.»

— «А, понимаю-съ! Это нынче въ модѣ-съ. Вамъ угодно быть вотъ этимъ.... какъ-бишь они называются?»

— «Псевдонимы.»

— «Да-съ! точно такъ-съ. Только, воля ваша, Богданъ Ильичъ, напрасно-съ! это не дастъ ходу вашей книжкѣ.»

— «Такъ ты думаешь, что лучше выставить на заглавномъ листѣ мое настоящее имя?»

— «Оно, если хотите, сударь, все равно. Не прогнѣвайтесь, батюшка! вы по книжному дѣлу человѣкъ вовсе неизвѣстный. Вотъ если-бы вы ужъ печатали, да васъ разика два похвалили въ Библіотекѣ, въ Сынѣ Отечества, въ Сѣверной Пчелѣ, или въ Русскомъ Вѣстникѣ, такъ это-бы другое дѣло; а то хоть будьте вы человѣкъ разпреумный, съ большимъ талантомъ....»

— «Да что-жъ еще надобно?»

— «Имя, сударь — имя! Это всего нужнѣе въ нашей книжной коммерціи.»

— «Да гдѣ-жъ мнѣ прикажешь его взять?....»

— «Вотъ то-то и дѣло! Не знакомы-ли вы съ какимъ-нибудь сочинителемъ, который въ ходу; то-есть: котораго всѣ знаютъ?... Попросите его....»

— «Что, что?»—вскричалъ я, вскочивъ съ моихъ волтеровскихъ креселъ. — «Да неужели ты думаешь, что я допущу, кого-бы то ни было, называться сочинителемъ моихъ записокъ?»

— «Позвольте!...»—перервалъ Корешковъ, вставая также съ своего стула.

— «Чего тутъ позвольте!»—продолжалъ я весьма равнодушно. — «Стану я изъ подлыхъ барышей прибѣгать къ такимъ средствамъ!... Я трудился, писалъ и, надѣюсь, не вовсе дурно; а кто-нибудь другой....»

— «Да выслушайте, Богданъ Ильичъ....»

— «Полно, кумъ! Вы всѣ, торгаши, на одинъ покрой. Что такое для васъ книга? — товаръ! — и больше ничего. Для васъ произведеніе высокаго таланта, твор-

ческое созданіе генія и какой-нибудь новѣйшій пѣсенникъ, одно и то-же....»

— «Нѣтъ, сударь, иногда пѣсенникъ и лучше, если онъ ходчее идетъ. Да дѣло не въ томъ. За что вы изволите гнѣваться? Вѣдь я хотѣлъ вамъ сказать: попросите какого-нибудь извѣстнаго автора, чтобъ онъ назвался не сочинителемъ, а издателемъ вашихъ записокъ....»

— «Какой вздоръ! Да развѣ имя издателя ручается за достоинство сочиненія?»

— «А какъ-же, сударь? Всякой скажетъ: «видно — дескать отличная книжка, если издаетъ ее извѣстный писатель.»

— «Ну, ну! — хорошо!» — сказалъ я, когда встревоженное мое самолюбіе поуспокоилось. — «Можетъ быть, куманѣкъ, ты и дѣло говоришь. Да кого-же я стану просить объ этомъ?»

— «Мало-ли, сударь, въ Москвѣ сочинителей. Да вотъ хоть, не далеко идти: г-нъ Загоскинъ.... не то чтобъ онъ былъ

какой-нибудь знаменитый писатель — нѣтъ! есть, батюшка, гораздо почище его; да ему какъ-то посчастливилось: выдалъ Юрія Милославскаго, попалъ въ народность, да и пошелъ пописывать разные романчики; а тамъ опера Аскольдова Могила.... Что за опера такая!... Вы изволили ее видѣть?»

— «Какъ-же!... И ты думаешь, что г-нъ Загоскинъ согласится?...

— «А почему знать? — попробуйте!... »

— «Я напишу къ нему письмо.»

— «Да знаете-ли, этакъ, повѣжливѣе — польстите ему.... «Позвольте-дескать украсить вашимъ знаменитымъ именемъ....»

— «Куманѣкъ! а не ты-ли сей-часъ говорилъ....»

— «И, батюшка! да развѣ вы не знаете, что ложь бываетъ иногда во спасеніе? Хвалите его на убой — ну что за дѣло? бумага все терпитъ!...»

— «А если онъ подумаетъ, что я надъ нимъ смѣюсь?...»

— «Не подумаетъ, батюшка!... Знаемъ мы этихъ сочинителей! — Иной ломается такъ, что не приведи Господи — «мы да мы!» — а что сдѣлалъ? Водевильчикъ перевелъ или статейку напечаталъ въ журналъ!... Я много съ ними обращался, Богданъ Ильичъ. Случалось иногда — по надобности — начнешь хвалить инаго въ глаза — русскимъ Валтеромъ Скотомъ назовешь.... Вѣрителъ Богу, самому стыдно — а онъ лишь только ухмыляется. Ужъ видно они всѣ родомъ такъ, батюшка!»

«Вотъ вамъ, Милостивый Государь, слово отъ слова мой разговоръ съ Иваномъ Тихоновичемъ Корешковымъ. Я не скрылъ даже отъ васъ, что онъ не слишкомъ высокаго мнѣнія о вашемъ талантѣ. Изъ этого вы можете заключить, что я не въ точности исполнилъ его совѣтъ, то-есть не прибѣгалъ къ лести, чтобъ склонить васъ быть издателемъ моихъ записокъ. Если вы на это не согласитесь, то я поневолѣ дол-

женъ буду подумать, что мой кумъ лучше моего знаетъ, чѣмъ можно угодить вообще всѣмъ писателямъ и въ особенности вамъ, Милостивый Государь.

«Съ чувствомъ истиннаго почтенія честь имѣю остаться вашимъ покорнѣйшимъ слугою

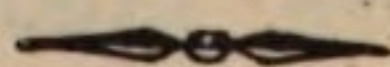
Богданъ Бѣльскій.»

Теперь вы видите, любезные читатели, въ какое затруднительное положеніе поставилъ меня г-нъ Бѣльскій. Принять его предложеніе мнѣ вовсе не хотѣлось, а не принять его — я не смѣлъ: г. Бѣльскій могъ-бы подумать, что я разсердился на его кума за то, что онъ не хочетъ признать меня знаменитымъ писателемъ. Конечно, это очень обидно; но вы понимаете, любезные читатели, что я ни въ какомъ случаѣ не долженъ показывать, до какой степени огорчаетъ меня это мнѣніе почтеннаго г-на Корешкова, а для этого я дол-

женъ былъ непременно согласиться на сдѣланное мнѣ предложеніе. Но еще разъ говорю, что не намѣренъ брать на себя чужихъ грѣховъ и быть отвѣтчикомъ за г-на Бѣльскаго, съ которымъ во многомъ я даже не согласенъ. Онъ говоритъ иногда слишкомъ рѣзко правду, а я этаго терпѣть не могу. Ну что за-охота называть въ глаза горбатаго горбатымъ, криваго кривымъ? Вѣдь и того и другаго исправить одна только могила — такъ зачѣмъ же ихъ и дразнить? Впрочемъ, я долпомъ считаю прибавить, что г-нъ Бѣльскій человѣкъ не злой; онъ только немного крутенецъ, подъ часъ бываетъ слишкомъ откровененъ, да любитъ иногда придерживаться извѣстнаго правила.

Что вовсе не грѣшно

Надъ тѣмъ смѣяться, что смѣшно.

I.

МОСКОВСКИЙ СТАРОЖИТЕЛЬ.

Воскреснемъ-ли когда отъ чужевластна модъ,
Чтобъ умный, добрый нашъ народъ,
Хотя по языку, насъ не считалъ за Нѣмцевъ.

Грибоедовъ.

Если-бъ я писалъ романъ, то конечно не имѣлъ-бы никакой надобности знакомить съ собою моихъ читателей; но въ этѣхъ запискахъ я говорю прямо отъ своего лица, описываю собственныя мои дѣйствія, замѣчанія и даже приключенія: слѣдовательно долженъ прежде всего сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ, моимъ — надѣюсь, снисходительнымъ и, безъ всякаго сомнѣнія, многочисленнымъ читателямъ. »Многочисленнымъ!...« — Да, милостивые,

государя! я въ этомъ совершенно увѣренъ, какъ и всякой начинающій писатель; разница только въ томъ, что другіе это думаютъ про себя, а я говорю вслухъ. Безъ этой увѣренности, которую не всегда могутъ поколебать даже и постоянныя неудачи, ни кто не сталъ-бы печатать своихъ сочиненій. Повѣрьте мнѣ: всѣ эти ссылки на друзей, *по настоятельной просьбѣ* которыхъ будто-бы книга печатается, одно жеманное пустословіе. Мы обыкновенно печатаемъ для *вспѣхъ* — и очень-бы оскорбились, если-бъ насъ прочли одни только пріятели.

Кто изъ Москвичей не знаетъ Прѣсенскихъ прудовъ; но, можетъ быть, не всякому случалось бывать по ту сторону этихъ прудовъ, въ узкихъ и кривыхъ переулкахъ, которые довольно круто поднимаются въ гору. Въ одномъ изъ нихъ, недалеко отъ обсерваторіи, стоитъ на полугорѣ небольшой деревянный домикъ, о-

стенный спереди нѣсколькими кустами бузины и акацій. Изъ оконъ надворной стороны дома видна внизу, подъ самой горою, часть города, примыкающая къ тремъ холмамъ, знаменитымъ во всей Москвѣ своей *трехъ-горной* водою. Когда вы смотрите въ окно, вашъ взоръ, быстро пробѣжавъ по кровлямъ домовъ, невольно останавливается на обширномъ поемномъ лугу, по которому змѣится наша изгибистая Москва-рѣка; прямо за ней чернѣются рощи воровьевыхъ горъ, на лѣво подымается колокольня новодѣвичьяго монастыря, а еще лѣвѣе — какъ сквозь туманъ, мелькаютъ кровли домовъ и кресты церквей отдаленнаго замоскворѣчья. Этотъ видъ вездѣ-бы назвали прекраснымъ; но въ Москвѣ ужъ вѣрно никто не придетъ имъ любоваться. Мы, Москвичи, избалованы прекрасными видами; мы встрѣчаемъ ихъ на каждомъ шагу и привыкли смотрѣть равнодушно на этъ великолѣп-

ныя панорамы, которыя плѣniąть всѣхъ иностранцевъ своею роскошною красотою и дивнымъ разнообразіемъ. Маловодная Москва-рѣка и ничтожная рѣчка Яуза во-все незамѣчательны какъ рѣки, но за то какіе у нихъ живописные берега!

Въ этомъ-то уединенномъ домикѣ, я, Богданъ Ильичъ Бѣльскій, живу почти безвыѣздно съ 1814 года, то-есть двадцать восемь лѣтъ сряду. Я никогда не могъ назваться богатымъ человѣкомъ, однако-жъ было время, что и у меня былъ каменный домъ на Никитской, что и я не понималъ, какъ можетъ порядочный человѣкъ жить за Прѣсенскими прудами въ какомъ-нибудь кривомъ переулкѣ, въ глуши, гдѣ каждый проѣзжающій экипажъ обращаетъ на себя всеобщее вниманіе. Я началъ служить довольно рано и вышелъ въ отставку ротмистромъ. Въ 1812 году вступилъ снова въ службу; участвовалъ въ Бородинскомъ сраженіи, былъ въ

дѣлъ подѣ Тарутинымъ и едва остался живъ послѣ сраженія подѣ Малымъ Ярославцемъ, гдѣ разбитый непріятель долженъ былъ, къ явной своей гибели, вмѣсто сытной и привольной Калужской дороги, продолжать свое отступленіе по Смоленской, совершенно опустошенной и своими и чужими. Я былъ такъ тяжело раненъ, что пролежалъ безъ чувствъ почти цѣлый день между убитыми, безъ всякаго пріюта и помощи. Къ счастью, зимніе холода еще не наступали — не смотря на то, что побѣжденный непріятель бѣжалъ уже изъ Россіи, совершенно разбитый и разстроенный. Это обстоятельство противурѣчитъ нѣсколько мнѣнію иностранцевъ, которые стараются доказать, что одна зима спасла Россію. Я имѣю большую вѣру ко всему тому, что пишутъ о насъ чужеземцы, и въ особенности уважаю извѣстное всему міру безпристрастіе французскихъ писателей; но

въ этомъ случаѣ не могу даже согласиться и съ ними, потому что непременно-бы замерзъ подъ Малымъ Ярославцемъ, если-бъ Французовъ побѣдилъ и выгналъ изъ Россіи одинъ только зимній холодъ. Вѣроятно многіе, подобно мнѣ, имѣютъ неограниченную вѣру ко всему, что пишутъ Французы, а межъ тѣмъ не были также, какъ я, подъ Малымъ Ярославцемъ, то легко, можетъ быть, иной подумаетъ, что я изъ патріотизма, который онъ, безъ всякаго сомнѣнія, назоветъ *кваснымъ*, говорю неправду; въ такомъ случаѣ я попрошу его прочесть, что пишетъ объ этомъ нашъ знаменитый партизанъ Д. В. Давыдовъ. Онъ доказываетъ *фактами* и словами самихъ непріятелей, что первые и весьма легкіе морозы начинались спустя три дня послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, слѣдовательно Французовъ гналъ изъ Россіи русской штыкъ, а не русской морозъ, который помогалъ только въ

послѣдствіи нашимъ казакамъ истреблять отсталыхъ солдатъ непріятельской арміи, когда она уже не дралась, и даже не отступала, а просто — безъ оглядки бѣжала вонъ изъ Россіи.

Уволенный за ранами въ отставку съ чиномъ подполковника, я отправился прямо въ Москву. Я зналъ, что она горѣла; но никакъ не воображалъ увидѣть то, что увидѣлъ, когда подъѣхалъ къ Дорогомиловской заставѣ!... Москва! — да гдѣ же она? — спросилъ я съ удивленіемъ. — »Вотъ, батюшка!» — отвѣчалъ ямщикъ, указывая передъ собою. Представьте себѣ ребенка, который, разставшись на нѣсколько дней съ своею матерью, цвѣтущею здоровьемъ и красотою, возвращается домой, спѣшитъ обнять ее, спрашиваетъ, гдѣ его родная — и ему, указывая на каменную плиту, отвѣчаютъ: »ты ищешь своей матери — вотъ она! подъ этимъ камнемъ.« — О, увѣрю васъ, этотъ ребенокъ не заплакалъ-бы

горчее того, какъ заплакалъ я, окинувъ испуганнымъ взглядомъ этѣ безпредѣльныя развалины... Развалины! — Нѣтъ! подъ этимъ словомъ мы привыкли разумѣть что-то величественное, прекрасное, или, по крайней-мѣрѣ, живописное. Мы украшаемъ искусственными развалинами сады наши; а это огромное пепелище, которому не видно было и конца, этѣ безобразныя кучи кирпичей и обгорѣлыхъ бревенъ, которыя, казалось, еще дымились; этотъ безконечный лѣсъ, изъ одинокихъ, почернѣвшихъ трубъ, и кой-гдѣ закопченные дома безъ кровель съ обвалившимися стѣнами.... развалины! Мы любуемся остатками языческаго рима; развалины пальмиры или бальбека, съ цѣлыми рядами гранитныхъ колоннъ, обвитыхъ плющемъ и дикимъ виноградомъ, полуразрушенные портики, изъ-за которыхъ весело поднимаются высокія пальмы — да это прелесть! — Видъ этѣхъ развалинъ не возмутитъ души вашей, не омрачитъ ее

ни какимъ грустнымъ чувствомъ; надъ ними пролетѣли вѣка, и тѣ, которые жили въ нихъ, давно уже не существуютъ. Вы смотрите на этѣ развалины, какъ на древній могильный памятникъ, заросшій травою; онъ нравится вамъ своею формою, возбуждаетъ ваше любопытство; но глядя на него, вы не думаете о смерти, вамъ не представляется трупъ чловѣка, который вчера былъ живъ, а теперь спитъ непробуднымъ сномъ.... А Москва? О! Москва показалась мнѣ свѣжей, еще не засыпанной могилою!... Но что говорить объ этомъ! Благодаря Бога, Москва стала краше прежняго, а слава и честь остались при ней. Она сгорѣла, это правда — да за то подпалила крылья хищному орлу, который хотѣлъ забрать весь міръ въ свои когти.

Когда я доѣхалъ до Кудрина, сердце мое сильно забилося. «Что-то мой домикъ на Никитской?» — думалъ я. — «Почему знать?

можетъ быть и уцѣлѣть!» — Вотъ ужъ я
 проѣхалъ Никитскія ворота — вонъ мой
 приходъ.... Церковь цѣла, быть можетъ и
 мой домъ.... Нѣтъ! вотъ онъ, голубчикъ,
 безъ кровли! вотъ венеціанское окно, ко-
 торымъ освѣщалась моя парадная гости-
 ная.... оно безъ рамъ.... кругомъ все по-
 крыто копотью.... Эхъ, если-бъ уцѣлѣлъ
 хоть нижній этажъ, въ которомъ я жилъ!...
 Подъѣзжаю поближе.... Гляжу — и что-жъ?
 Господи Боже мой!... передняя стѣна до-
 ма въ развалинахъ, почти всѣ комнаты
 нижняго этажа раскрыты, какъ на показъ!
 Вотъ столовая съ узорчатымъ лѣпнымъ
 карнизомъ; вотъ диванная съ двумя колон-
 нами подъ мраморъ, а вотъ — такъ точно!
 мой кабинетъ.... Праведное небо! каби-
 нетъ, въ которомъ стѣны такъ искусно
 были расписаны моимъ домашнимъ живо-
 писцемъ Стѣпкою.... въ немъ пріютились
 извошки!... Онъ служитъ имъ биржею —
 и лошади ихъ преспокойно кушаютъ сти-

цо изъ моего камина!... «Разбойники!» закричалъ я. — «Да знаете-ли, что въ этомъ кабинетѣ бывали литературные вечера, что въ немъ читались творенія русскихъ поэтовъ, что одинъ изъ нихъ назвалъ даже этотъ кабинетъ Московскихъ Атенеемъ — а вы сдѣлали изъ него конюшню!...» Извошки скинули шапки, выпучили на меня глаза, разинули рты, и когда я закричалъ неистовымъ голосомъ: «вонъ отъ-сюда!» — они кинулись къ своимъ лошадямъ и начали ихъ взнуздывать. Но горе меня одолѣло: я махнулъ рукою, велѣлъ ѣхать на постоянный дворъ, и на другой день отправился въ мою подмосковную. Хотя она была не близко отъ большой дороги, однако-жъ Французы въ нее завертывали; изъ двадцати избъ осталось пять и большая часть мужичковъ жила въ землянкахъ. На барскомъ дворѣ уцѣлѣла какъ-то баня съ передбанникомъ. На первый случай я расположился въ немъ. Со мною было нѣ-

сколько денегъ; я, сколько могъ, посо-
билъ крестьянамъ обзавестись всѣмъ не-
обходимымъ, прожилъ въ передбанникѣ цѣ-
лый годъ, продалъ двѣ трети моего и-
мѣнья, чтобъ привести въ порядокъ дѣла
и поправить остальныхъ мужичковъ; по-
томъ промѣнялъ мой сгорѣвшій камен-
ный домъ на деревянный домикъ за Прѣ-
сенскими прудами и переѣхалъ на житье
въ Москву. — Теперь, любезные читатели,
когда уже вамъ извѣстны всѣ важнѣйшія
приключенія моей жизни, позвольте мнѣ
сказать нѣсколько словъ о самомъ себѣ.

Изо всего предъидущаго вамъ не трудно
заклучить, что для меня наступила эта
грустная эпоха жизни, въ которую насъ
перестаютъ уже называть молодыми и да-
же зовутъ иногда стариками, но только
еще не въ глаза. Я не сталъ-бы жеманить-
ся и сказалъ-бы вамъ прямо, сколько мнѣ
лѣтъ отъ роду, да боюсь огорчить моихъ
ровесниковъ, тѣмъ болѣе, что въ числѣ ихъ

найдутся черноволосые молодцы, у которыхъ въ головахъ нѣтъ ни одной сѣдинки, и которые до сихъ поръ еще смотрятъ такими губителями сердецъ, что упаси Господи! — Правда, и они не всегда скрываютъ свои лѣта. Вотъ одинъ изъ этихъ господъ, который ужъ лѣтъ тридцать восемь служить въ офицерскомъ чинѣ, очень часто и даже при дамахъ, горюетъ о своей прошедшей молодости, приговаривая: «скоро уже, скоро стукнетъ мнѣ сорокъ лѣтъ!» Но однако-жъ, все-таки лучше поберечь ихъ и не сказать вамъ ничего положительнаго о моихъ годахъ. Не знаю, долженъ-ли говорить о своей наружности тотъ, кто въ 1812 году былъ ужъ ротмистромъ; впрочемъ, почему-жъ и нѣтъ? Развѣ мы не любимся прекрасными развалинами? Развѣ этѣ развалины — если-бъ только онѣ могли говорить — не имѣли-бы права сказать съ гордостію: «посмотрите, какой я былъ великолѣпный

городъ!» — Да! было время, что и меня называли прекраснымъ мужчиною; и теперь еще, современницы мои, московскія старушки, не шутя говорятъ, что я очень моложавъ, и если-бъ только побольше стягивался, красилъ волосы, да одѣвался по модѣ, такъ могъ-бы еще — этакъ въ сумерки — показаться весьма пріятнымъ мужчиною. Теперь мнѣ осталось вамъ сказать одно, что я человекъ совершенно одинокой, близкихъ родныхъ у меня нѣтъ, а женатъ я никогда не былъ — не потому, чтобъ я не хотѣлъ жениться, да какъ-то все не случалось. Одинъ знаменитый англійскій философъ сравниваетъ холостаго человека, который вступаетъ въ законный бракъ, съ глупцемъ, опускающимъ руку въ мѣшекъ, чтобъ вытащить изъ него угря, который лежитъ одинъ-одинехонекъ въ этомъ мѣшкѣ, съ цѣлою сотнею змѣй. Боже меня сохрани повѣрить этому грубіяну! Нѣтъ, любезныя читательницы, если

я не женатъ, такъ на это есть совсѣмъ другія причины. Мнѣ всегда хотѣлось, чтобъ будущая моя супруга соединяла въ себѣ нѣсколько качествъ, которыя казались мнѣ необходимыми для общаго нашего счастья. Во-первыхъ, я желалъ, чтобъ моя жена принадлежала къ тому-же самому разряду общества, къ которому и я принадлежу, то-есть, чтобъ она была дворянкою: за этимъ, кажется, у насъ дѣло не станетъ; во-вторыхъ, чтобъ она была женщина съ образованіемъ—и это бы еще ничего: у насъ хорошо воспитанныхъ благородныхъ дѣвицъ довольно; да вотъ что бѣда: я хотѣлъ, чтобъ дѣвица, которой я отдамъ мою руку, не походила ни на французскую *мудемуазель*, ни на нѣмецкую *фрайлейнъ*, ни на англійскую *миссъ*, а была-бы просто образованная, просвѣщенная *русская барышня*, которая любила-бы свое отечество, свой языкъ и даже свои обычаи. Вещь, кажется, самая

простая: я хотѣлъ, чтобъ русская барышня была Русская; а вотъ тутъ-то именно и вышелъ грѣхъ! — Ужъ я искалъ, искалъ! — сначала въ Москвѣ — что за странность такая? Встрѣчался я съ дѣвушками, очень любезными, милыми; посмотришь, иная по всему мнѣ пара: я охотникъ до музыки — она большая музыкантша; я порядочный знатокъ въ живописи — она отъ нее безъ памяти; я люблю словесность — она знаетъ всѣхъ французскихъ поэтовъ и выписываетъ въ свой альбомъ цѣлыя страницы изъ Новой Элоизы; я страстенъ къ Исторіи — она читала Анахарсиса, Гибона и даже Боссюэта. Все это прекрасно, да вотъ что худо: начну говорить по-русски, мнѣ отвѣчаютъ по-французски; заведу рѣчь о русскихъ художникахъ, и на розовыхъ губкахъ появляется такая презрительная улыбка, что я съ досады готовъ сквозь землю провалиться. Нашихъ родныхъ писателей она знать не хочетъ, а объ русской исторіи и

не заикайся — какъ разъ назоветъ Влади-
 міра Мономаха святымъ, да и то потому
 только, что у папеньки ее владиміра на
 шеѣ. Одна умираетъ отъ нашего климата
 и вздыхаетъ объ Италіи; другая была уже
 въ Парижѣ и все русское сдѣлалось для
 нее противнымъ; третья собирается еще
 только въ Парижѣ, а ужъ къ ней и при-
 ступу нѣтъ. «Постой!» подумалъ я, «дай
 поищу русскую барышню въ провинціи.»
 Чтò-жъ вы думаете? и тамъ то-же самое.
 Правда, случалось иногда, въ какомъ-ни-
 будь уѣздномъ городкѣ, познакомиться съ
 дѣвушкою, которой и наружность мнѣ
 понравится и обычай придетъ по сердцу:
 съ ногъ до головы русская. Хвалить все
 свое, любить въ морозъ прокатиться на
 лихой тройкѣ, лѣтомъ въ горѣлки поиграть,
 объ святкахъ золото хоронить, и не толь-
 ко не жалуется Французовъ, а особливо
 Наполеона; но ругаетъ ихъ на чемъ свѣтъ
 стоитъ. Чего-же, кажется, не достаетъ? А

вотъ чего: она, конечно, говоритъ со мною всегда по-русски; да это потому, что не знаетъ ни какого другаго языка; не просится въ Италію, да за то едва-ли и слышала, что есть на свѣтѣ такая земля. Побесѣдуешь съ ней разъ, другой, а тамъ и скучно. О чемъ не заговоришь, все не впопадъ: заведешь рѣчь объ изящныхъ художествахъ, она начнетъ посматривать то на право, то на лѣво; перейдешь къ словесности, она и ротикъ разинетъ, да примется зѣвать — очень мило — это правда, но вѣдь зѣвота вещь прилипчивая. Да и что это за барышня? чѣмъ она отличается отъ своей горничной? Развѣ только тѣмъ, что носить декосовое, а не затрапезное платье? «Ахъ, Боже мой!» думалъ я, «что-жъ это за неуловимое существо такое русская барышня? Ужъ полно есть-ли на свѣтѣ русская барышня?... Не миѡ-ли это какой? Или ужъ правду говоритъ мой слуга Никифоръ: «у русскаго-де народа натура та-

кая: немножко дай форсу, тотъ-часъ и зазнается.» Вотъ напимѣрь: эта-же самая дѣвица, о которой была рѣчь, получи она какое-нибудь образованье, выучись болтать по-французски, умѣй только кста-ти сказать: «кесексе — киселя?» такъ ужъ все русское будетъ ей ни почемъ. Ну, дѣ-лать нечего, видно пришлось сидѣть у мо-ря и ждать погоды.

Надобно вамъ сказать, что все это про-исходило лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Вотъ я жду-пожду, а время идетъ да идетъ. Я живу на своихъ Прѣсненскихъ прудахъ, хотъ очень смирно, однако-жъ не вовсе отшельникомъ: и у меня бываютъ люди и я выѣзжаю въ свѣтъ; посматриваю, замѣчаю, прислушиваюсь: худо, очень ху-до! все по старому. Одна мода смѣняетъ другую, а эта проклятая мода парижанить, да вторить во всемъ Французамъ, словно корни пустила въ русскую землю. Но что всего досаднѣе, съ нѣкотораго

времени стали мнѣ встрѣчаться русскія барыни съ умомъ, съ образованіемъ, а межѣтъмъ чисто русскія; слѣдовательно мой идеаль русской барышни существуетъ, да мнѣ-то онъ какъ кладъ не дается, а время летитъ да летитъ. Вотъ наконецъ сталъ я замѣчать, что въ нашемъ хорошемъ обществѣ начинаютъ, гораздо чаще прежняго, похваливать и произведенія русскихъ художниковъ и стихи русскихъ поэтовъ. Ужъ нѣсколько разъ удавалось мнѣ слышать, что наши барыни и барышни разговариваютъ минутъ по пяти сряду на русскомъ языкѣ. Жуковскій, Батюшковъ, Пушкинъ лежатъ уже на дамскихъ столикахъ рядышкомъ съ Ламартиномъ, Викторомъ Юго и Казимиромъ Делавинъ. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и въ нашей словесности стала проявляться необычайная дѣятельность: начали писать не только стихами, но и прозою; рабское подражаніе иностранцамъ, по-крайней-мѣрѣ

въ словесности, примѣтно ослабѣвало; стали появляться сочиненія совершенно русскія, народныя; любовь къ чтенію русскихъ книгъ быстро распространялась во всѣхъ классахъ общества; однимъ словомъ, все предвѣщало, что эта безусловная страсть ко всему иностранному, это второе татарское иго, скоро будетъ сброшено. У меня были еще и другія примѣты, которыя очень поддерживали эту надежду. Однажды, кажется на какомъ-то гуляньѣ, осанистый русскій купецъ шелъ вмѣстѣ съ своею дочкою, разодѣтою по послѣдней модѣ. Около нее увивался франтикъ съ козлиной бородкою, въ короткомъ сюртукѣ и бѣлой шляпѣ. Я вспомнилъ, что видалъ его въ рядахъ за прилавкомъ. Этотъ левъ суровской линіи изъяснялся съ купеческой дочкою на французскомъ діалектѣ, и называлъ ее попеременно то мадемуазель, то Матреной Карповной; они начали спорить, и Матрена Карповна отпустила

нижеслѣдующую фразу: «Финисе, финисе! «кель гонтъ! — Ужъ вы и этаго не знаете, «что это не клѣкъ, а бурнусъ. . . . ахъ «ву!» — Я готовъ былъ прыгать отъ радости, а особливо когда вскорѣ послѣ этаго узналъ, что большая часть секретарскихъ и купеческихъ дочекъ не только говорятъ по-французски и толкуютъ о Парижѣ; но даже, потихоньку отъ своихъ стариковъ, безъ милосердія позорятъ матушку Святую Русь. «Славно!» говорилъ я, потирая руки; «славно! дѣло идетъ отлично хорошо! Видно эта французская дурь выходитъ изъ моды, если начала уже пробираться въ нижніе слои нашего общества.» Вы можете представить послѣ этого, въ какой пришелъ я восторгъ, когда русскіе стихи и проза, обличающіе не только истинный талантъ, но даже совершенное познаніе языка, начали появляться въ печати, за подписью дамъ, принадлежащихъ къ лучшему нашему обществу.

Однажды, поутру, думая объ этомъ, я сказалъ вслухъ: «Ну, кажется, теперь пора! теперь я найду для себя невѣсту!»—«Что вы это, батюшка Богданъ Ильичъ! Богъ съ вами!» сказалъ мой Никифоръ, устанавливая противъ меня зеркало и бритвенный ящикъ. «Гдѣ ужъ намъ съ вами думать о невѣстахъ.» Я взглянулъ въ зеркало, и руки у меня опустились. «Честью имѣю васъ поздравить» прибавилъ этотъ злодѣй «со днемъ вашего рожденья! вамъ сего-дня ровно стукнуло...»

— «Знаю, братецъ, знаю!» перервалъ я съ досадою.—«Да извольте, сударь, бриться,» сказалъ помолчавъ Никифоръ; «вода простынетъ. Волосы-то у васъ больно жестки стали.... съ тѣхъ поръ, какъ у васъ борода посѣдѣла....» — «Да отвяжись!» закричалъ я; «ну что ты присталъ? Я не хочу бриться!» И чтобъ доказать это, взялъ со стола басни крылова, съ которыми никогда не расстаюсь. «Впрочемъ,» продолжалъ я

въ полголоса, разгибая книгу, «полно не лучше-ли, что я остался холостымъ? Всѣ этѣ женщины такія капризныя, своевольныя созданія, такія....» Я готовъ былъ произнести ужаснѣйшую клевету, готовъ былъ назвать женщинъ кокетками, какъ вдругъ языкъ мой онѣмѣлъ. Представьте себѣ: книга раскрылась какъ будто-бы нарочно на извѣстной баснѣ: «Лисица и Виноградъ». Ну ужъ, если-бъ я меньше уважалъ и любилъ Ивана Андреевича Крылова, быть-бы этой книгѣ подъ столомъ!

Теперь вы знаете, любезные читатели, что я за-человѣкъ, какого чина, какихъ лѣтъ, какая у меня наружность, почему я не женатъ и что дѣлалъ прежде; а что дѣлаю и чѣмъ занимаюсь теперь, вы также узнаете, если не полѣнитесь прочесть эту книжку.

II.

ВЗГЛЯДЪ НА МОСКВУ.

Но вотъ ужъ близко. Передъ нами

Ужъ бѣлокаменной москвы,

Какъ жаръ, крестами золотыми

Горятъ старицныя главы.

А. Пушкинъ

У кого изъ насъ нѣтъ любимой, если не страсти, то по-крайней-мѣрѣ, маленькой страстишки или слабости, которую мы лелѣемъ и тѣшимъ, какъ избалованное дитя? Одинъ любить похвастаться своимъ домомъ, по милости котораго у него все имѣнье въ закладъ. Другой платитъ въ три-дорога за какую-нибудь золотую табакерку, величиною въ сундукъ, изъ которой онъ никогда не будетъ нюхать, но которая ему необходима, потому-что у не-

го цѣлая коллекція точно такихъ-же уродливыхъ и неуклюжихъ табакерокъ. Третій разоряется на рысакахъ, прославляющихъ его имя на бѣгу, а ѣздитъ самъ на клячахъ, которыя, по-крайней-мѣрѣ, выполняютъ свое лошадиное назначеніе, то-есть, возятъ того, кто ихъ кормитъ. Четвертый щеголяетъ необыкновеннымъ покроемъ своихъ платьевъ, и готовъ нарядиться шуткомъ для того только, чтобъ не походить на другихъ. Пятый любитъ ѣздить по гостямъ, съ утра до вечера таскается съ визитами, а такъ-какъ въ Москвѣ инаго визита нельзя сдѣлать безъ подставныхъ лошадей, то онъ убиваетъ послѣднюю копейку на то, чтобъ держать лишнюю четверню и каждый годъ мѣнять свой экипажъ. Шестый не ѣздитъ въ гости ни къ кому, но за то не пропуститъ ни одного публичнаго собранія, ни одного гулянья, ни одного народнаго сходбища и—даже трудно повѣрить, однако-жъ это правда — ни

однѣхъ похоронѣ. Вы встрѣтите его вездѣ, гдѣ только есть люди, для чего-бы они ни собрались, веселиться или горевать — ему все равно. Этотъ жить не можетъ безъ театра — не то, чтобы онъ очень любилъ театръ, а потому-что привыкъ къ своимъ абонированнымъ кресламъ, потому-что можетъ сказать съ гордостію: «я сижу на нихъ пятнадцать лѣтъ сряду!» Посадите его на другія, и онъ не станетъ узнавать актеровъ, не будетъ понимать, что они говорятъ, зачахнетъ, умретъ со скуки. Тотъ любить каждый день приѣхать въ Англійскій или Дворянскій клубъ, походить по комнатамъ, посидѣть попеременно подлѣ каждаго карточного стола, посмотреть, какъ играютъ на биліартѣ, вздремнуть въ газетной комнатѣ за Инвалидомъ и ѣхать въ первомъ часу домой, съ усладительной надеждою, что завтрашній день пройдетъ для него также пріятно, какъ прошелъ этотъ настоящій и

какъ, вѣроятно, прошли и всѣ прочіе дни его дѣятельной и полезной для общества жизни. Я думаю, не трудно догадаться, что я говорю все это для того только, чтобъ приготовить читателей къ собственной моей исповѣди. Что грѣхъ таить! и у меня также есть господствующая слабость: я люблю.... показывать Москву, — да еще съ какимъ кокетствомъ, съ какою шаровкою! О, въ этомъ умѣньи *выказать товаръ лицомъ* я не уступлю не только самому бойкому гостинодворцу, но даже любой московской барынѣ, когда она въ первый разъ знакомить съ свѣтомъ свою милую Зеничку, Катишь или Мими, которая была-бы очень завидная невеста, если-бъ у нее не было четырехъ сестеръ и пяти братьевъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я забочусь о томъ, чтобъ показать Москву съ самой выгодной для нее стороны; какъ стараюсь соблюдать эту необходимую постепенность, посредствомъ

которой возбуждается сначала вниманіе, потомъ любопытство, а тамъ удивленіе и наконецъ полный восторгъ. Конечно, все это стоить мнѣ большихъ хлопотъ; но зато какъ я бываю счастливъ, когда достигну моей цѣли, съ какимъ восхищеніемъ, съ какою гордостію смотрю я на иноземца, пораженного красотою и величіемъ моей москвы. Да, моей! — Въ эту минуту мнѣ кажется, что Москва моя, что я самъ Москва, что онъ удивляется мнѣ! Вообще я показываю Москву охотнѣе иностранцамъ, чѣмъ своимъ. Если свой приѣхалъ изъ провинціи, а особливо изъ Казани или Одессы, то онъ не слишкомъ восхищается Москвою, во-первыхъ потому, чтобъ не уронить своего собственного достоинства; а во-вторыхъ потому, чтобъ не выказать себя провинціаломъ, который всему удивляется. Если-же онъ приѣхалъ изъ Петербурга, то, разсудите сами, можетъ-ли онъ любоваться Москвою? Конечно, Мо-

сква называется столицею, она многолюднѣе Новгорода, побольше Твери, покрасивѣе Торжка, а все-таки провинціальный городъ. Правда, есть много изключеній, не всѣ такъ думаютъ; но мнѣ какъ-то чаще удавалось встрѣчаться съ людьми, которые весьма легко поговариваютъ о нашей бѣлокаменной и даже не вѣрятъ, что мы въ Москвѣ, ни дать, ни взять, какъ они въ Петербургѣ, пьемъ цѣльное шампанское вино, нюхаемъ неподдѣльный французскій табакъ, и точно также, какъ они, ѣдимъ прескверныя устрицы.

Въ прошедшій понедѣльникъ, рано утромъ, получилъ я, отъ моего стариннаго пріятеля, живущаго въ Смоленскѣ, письмо; онъ рекомендуетъ мнѣ въ этомъ письмѣ одного путешественника, г-на Дюверніе, который ѣдетъ взглянуть на Москву. Тутъ же приложена была небольшая записка на французскомъ языкѣ отъ самаго г-на Дюверніе: онъ увѣдомлялъ меня, что вчераш-

няго числа, поздно ночью, не доѣхавъ до Москвы, остановился въ Кунцовѣ у своего единосемца г-на Д****, который нанимаетъ тамъ дачу. Въ заключение своей записки онъ просилъ меня увѣдомить его, когда можетъ ко мнѣ приѣхать. «Вотъ,» подумалъ я, «прекрасный случай пощеголять Москвою! Этотъ Французъ приѣхалъ ночью, не видѣлъ еще Москвы, слѣдовательно увидить ее такъ, какъ я хочу. Да только вотъ бѣда: смоленской-то вѣздъ болѣе плохъ: что за улица, какіе пустыри!... Виду никакого, дома прескверные. Первое впечатлѣніе будетъ самое невыгодное, а для Француза это все! Нѣтъ, ужъ такъ и быть! лошади у меня добрыя, прокачу его порядкомъ.» Я отдалъ кой-какія приказанія моему Никифору, велѣлъ заложить коляску четверней въ рядъ и отправился.

Я засталъ г-на Дюверніе за утреннимъ туалетомъ; онъ очень извинялся, что позволилъ себя предупредить, и вообще по-

казался мнѣ весьма умнымъ и любезнымъ человекомъ. Я пригласилъ его къ себѣ на русской столъ и предложилъ отправиться до обѣда вмѣстѣ со мною смотрѣть Москву. Когда мы выѣхали на смоленскую дорогу и стали приближаться къ заставѣ, я сказалъ ему: «Знаете-ли что? теперь еще рано, утро прекрасное: чѣмъ намъ ѣхать прямо въ городъ, не лучше-ли взглянуть на его окрестности? Здѣсь-же пойдутъ мѣста гористыя, съ которыхъ весьма пріятный видъ на Москву.»

— «Очень радъ!»—отвѣчалъ Французъ.— «Я совершенно въ вашихъ приказаніяхъ.»

— «Ступай на право!» — закричалъ я кучеру.

Мы свернули съ большой дороги, проѣхали шибкой рысью мимо *Скотнаго двора* (*), переправились подлѣ мельницы черезъ рѣчку Сѣтунь, которая въ этомъ мѣ-

(*) Загородный домъ, принадлежащій Воспитательному дому.

ствъ впадаетъ въ Москву-рѣку, и стали подыматься въ гору. Сначала мы не видѣли ничего, кромѣ мелкаго кустарника и глинистыхъ бугровъ, посреди которыхъ прорѣзывалась довольно плохая дорога. Потомъ, когда поднялись на первыя возвышенности воровьевыхъ горъ, на лѣво стали обрисовываться, на самомъ краю горизонта, отдаленныя части города: ближайшихъ не было еще видно; но мой путешественникъ, какъ будто-бы предчувствуя, что передъ нимъ готова открыться великолѣпная картина, не спускалъ глазъ съ лѣвой стороны нашей дороги. Мы въѣхали по узкой дорожкѣ, въ мелкой, но частый лѣсъ. Вотъ онъ сталъ рѣдѣть, дорожка круто поворотила въ лѣво; мы выѣхали на открытое мѣсто, и третья часть москвы, со всѣми своими колокольнями, церквами и каланчами, которыя такъ походятъ на турецкіе минареты, разостлалась, какъ нарисованная, подъ нашими ногами. Впереди

всего подымался Новодѣвичій монастырь съ своими круглыми башнями и высокой колокольнею; посреди необозримыхъ луговъ тихо струилась, въ своихъ песчаныхъ берегахъ, капризная Москва-рѣка: то приближалась къ подошвѣ воробьевыхъ горъ, то отбѣгала прочь, то вдругъ исчезала за деревьями, которыя росли кой-гдѣ по скату холмовъ. Какъ въ волшебной оперѣ мѣнялись поминутно декораціи этой обширной сцены: при каждомъ поворотѣ дороги, при каждомъ изгибѣ горъ Москва принимала новый видъ. — «Это прелесть! Чудо!» кричалъ Дюверниѣ. «Я готовъ стать на колѣни передъ Москвою!»

Я чуть-было не вымолвилъ: «Нѣтъ! ужъ это слишкомъ много! Мнѣ совѣстно!» — Но опомнился и не сказалъ ничего.

— «Впрочемъ, все это» — прибавилъ черезъ минуту путешественникъ — «вѣроятно одинъ оптическій обманъ.»

Меня обдало холодомъ. — «Какъ?» вскричалъ я.

— «Да!» — продолжалъ Дювернѣ. — «Я былъ въ Константинополѣ: издали это великолѣпнѣйшій городъ въ мірѣ; а въѣзжайте въ него — скверныя улицы, безобразныя дома, гадость, грязь....»

— «Да что-же общаго» — спросилъ я — между Константинополемъ и Москвою?»

— «Какъ что общаго? Да что-жъ такое ваша Москва? Сотни двѣ барскихъ огромныхъ домовъ, нѣсколько тысячъ деревянныхъ домиковъ; рядомъ съ дворцами хижины, множество церквей какой-то странной азіатской архитектуры; однимъ словомъ, не городъ, а собранье деревень—с'est сонни!

— «У васъ въ Парижѣ, вѣроятно, это знаютъ изъ путешествія Олеарія?» — сказалъ я почти съ злобною улыбкою.

— «Да развѣ Москва походитъ на европейскій городъ?» — спросилъ съ удивленіемъ Дювернѣ.

— «И да и нѣтъ. Да вотъ вы сами это увидите.»

Я замолчалъ. Насъ быстро провезли мимо Васильевскаго, и я не обратилъ даже вниманія на то, что путешественникъ былъ пораженъ необычайной красотою этаго загороднаго дома. Мнѣ кажется, я даже не отвѣчалъ на его вопросъ, кому принадлежитъ *этотъ замокъ* (se château); однимъ словомъ, я просто сердился и молчалъ вплоть до Калужской заставы. Да и не удивительно: послѣ такой *личной* обиды не скоро успокоишься!

— «Вотъ и Москва!»—прошепталъ Дювернѣе, когда опустился за нами шлагбаумъ.

— «То-есть, мы въѣхали въ одно изъ ея предмѣстій,»—сказалъ я,—«въ которомъ, какъ вы видите, нѣтъ еще настоящихъ городскихъ домовъ. Всѣ эти небольшіе домики съ обширными садами можно скорѣе называть дачами, чѣмъ домами. Вотъ на лѣво

Нескучный садъ. Вамъ надобно побывать въ немъ: онъ очень живописенъ....»

— «Что это за-монастырь?» — спросилъ путешественникъ, взглянувъ на право.

— «Это Донской монастырь. Онъ основанъ въ 1596 году въ память побѣды, одержанной Царемъ Θεодоромъ Ивановичемъ надъ Крымскимъ Ханомъ, слѣдовательно существуетъ только двѣсти сорокъ шесть лѣтъ. У насъ въ Москвѣ есть монастыри несравненно древнѣе и любопытнѣе этаго. Вотъ на примѣръ....»

— «*Quel superbe Hôtel!*» — перервалъ мой Французъ. — «Какія принадлежности! Какой дворъ!»

— «Это лѣтній дворецъ русской Императрицы. Изъ его сада прекрасный видъ на Москву-рѣку.»

— «А это также дворецъ?» — сказалъ Дювернѣ, указывая на Голицынскую больницу.

— «Нѣтъ, это больница....»

— «А это что за великолѣпное зданіе?»
спросилъ онъ черезъ полминуты.

— «Больница.

— «Ого!» — прошепталъ Французъ. —
«Извините!» — сказалъ онъ помолчавъ нѣ-
сколько времени; — «я надоѣдаю вамъ моими
вопросами.»

— «Сдѣлайте милость!»

— «Позвольте спросить, что это за о-
громный домъ?...

— «Больница»

— «Ну! вашимъ больнымъ жить хоро-
шо!»

— «Я увѣренъ, что вы это повторите
въ настоящемъ и буквальномъ смыслѣ,
когда загляните во внутренность этихъ за-
веденій....»

— «Три больницы, похожія на дворцы,
и всѣ три почти сряду!...» — шепталъ пу-
тешественникъ.

— «Есть недалеко отъ-сюда и четвер-
тая.»

— «Слѣдовательно, эта часть города исключительно назначена для человѣколюбивыхъ заведеній?»

— «О, нѣтъ! и въ другихъ частяхъ города есть страннопріимные дома и больницы, ни чѣмъ не хуже этихъ.»

— «Вотъ это прекрасно!»—сказалъ Дювернیه.—«Это признакъ истиннаго просвѣщенія, это дѣлаетъ честь Москвѣ!»

Черезъ нѣсколько минутъ мы выѣхали на Полянскую площадь. Я велѣлъ повернуть по Козмодемьянской улицѣ, на Каменный мостъ. Такъ-какъ эта часть города не изъ самыхъ красивыхъ, то я заговорилъ съ моимъ товарищемъ о Парижѣ. Французъ закипѣлъ, началъ мнѣ рассказывать о *своей столицѣ всего просвѣщеннаго міра*, и во все не замѣчалъ, гдѣ мы ѣдемъ. Я оставилъ его въ этомъ восторженномъ положеніи до тѣхъ поръ, пока мы ѣхали до Каменнаго моста; тутъ я велѣлъ остановиться и сказалъ ему: «Посмотрите на право!» Дю-

верніе поднялъ глаза и ахнулъ: передъ нимъ Москва-рѣка въ гранитныхъ берегахъ, съ широкой набережною, съ красивыми чугунными рѣшетками; за ней съ одной стороны громада каменныхъ зданій и длинный рядъ кремлевскихъ садовъ; съ другой, какъ цѣлый городъ, колоссальный Воспитательный Домъ; за нимъ, уставленный каменными домами, красивый холмъ, который, впрочемъ, я не люблю называть по имени, а посреди зеленая гора, подпертая высокими стѣнами, опоясанная цѣпью башенъ и увѣнчанная святыми храмами, подъ благодатной сѣнію которыхъ возвышаются чертоги царкіе и древніе терема, эта священная колыбель всѣхъ царей православной и могучей россіи.

— «O, que se beau!» — вскричалъ Дюверніе. — «Это Кремль?»

— «Да!» — отвѣчалъ я. — «Это нашъ руской Капитолій, нашъ Кремль, котораго не

могли разрушить ни Татары, ни Поляки, ни....»

— «Ни Французы?»—сказалъ съ улыбкою путешественникъ. — «Вы напрасно ихъ обвиняете.»

— «Однако-жъ, въ двѣнадцатомъ году....»

— «Они хотѣли подорвать весь Кремль,» перервалъ Дювернѣе. — «Обвиняйте въ этой, не слишкомъ европейской, попыткѣ не Французовъ, а того, кто привелъ ихъ въ Москву. — Мы взрываемъ крѣпости; но дворцы, историческіе памятники и стѣны, за которыми не спрячешься отъ ядеръ, мы ужъ конечно разрушать не станемъ.»

— «Сказалъ-бы я тебѣ и на это кой-что,» — подумалъ я; — «да ты любишься кремлемъ, такъ Богъ съ тобой!»

— «Знаете ли,»—продолжалъ Французъ, «что это все такъ прекрасно, такъ живописно, что я, можетъ быть, предпочелъ-бы Москву многимъ европейскимъ городамъ, если-бъ она была хотя нѣсколько много-

люднѣе; а то, мнѣ кажется — извините, улицы ваши очень пусты.»

— «Злодѣй!» — подумалъ я, — «замѣтилъ, какъ замѣтилъ! Да постой-же, я поподчую тебя народомъ! — Держи правѣе, по набережной!» — закричалъ я кучеру; — «на Москворѣцкой мостъ!» — Когда мы переѣхали черезъ этотъ красивый мостъ и стали подыматься вверхъ по Москворѣцкой улицѣ, Дювернѣе замѣтилъ, что тутъ вовсе нѣтъ недостатка ни въ проходящихъ, ни въ проѣзжающихъ. Первый предметъ, который обратилъ на себя все его вниманіе, былъ Покровскій соборъ, который мы привыкли называть *Василіемъ Блаженнымъ*. «Что это?» вскричалъ онъ. «Я въ жизнь мою ничего подобнаго не видѣлъ! Это ни на что не походить! это такъ пестро, такъ тяжело.... а чрезвычайно любопытно!» Онъ не успѣлъ еще наглядѣться на этотъ чудный памятникъ шестнадцатаго столѣтія, какъ мы выѣхали на Красную площадь и остановились под-

лѣ Лобнаго мѣста, противъ самой Ильинки, которая была вся запружена экипажами и народомъ. «Вотъ,» сказалъ путешественникъ, «вотъ это жизнь, движеніе! — И это бываетъ здѣсь каждый день?»

— «Разумѣется! Здѣсь средоточіе московской торговли. На Кузнецкомъ мосту экипажей несравненно больше, но зато меньше народу.»

— «Какая странная противоположность! Здѣсь вездѣ движется народъ, вездѣ замѣтна дѣятельность, суета; а тамъ, гдѣ мы ѣхали....»

— «Да мы ѣхали Замоскворѣчьемъ: тамъ живутъ по большой части наши русскіе купцы, которые ведутъ жизнь тихую и сидячую; жены ихъ не любятъ шататься по улицамъ, и ворота ихъ домовъ всегда закрыты; вы можете даже по этому тотчасъ отличить купеческій домъ отъ дворянскаго. При томъ-же, большая часть

обывателей замоскворѣчья съ утра до вечера здѣсь.»

— «А!» — подхватилъ Французъ, обративъ наконецъ вниманіе на ряды, — «такъ это-то вашъ базаръ? *il est immense!*»

— «Онъ, какъ видите, занимаетъ всю площадь. Эта колоссальная группа, которая стоить противъ самой его середины, изображаетъ спасителей россіи въ 1612 году, Князя Пожарскаго и гражданина Минина. Теперь, если хотите, мы поѣдемъ въ Кремль.»

— «Позвольте еще одинъ вопросъ: что значить это каменное круглое возвышеніе, похожее на огромную кафедру?»

— «Это лобное мѣсто, на которомъ въ старину....»

— «Рубили головы?» — перервалъ съ живостію Французъ. — «Такъ точно!... Вотъ здѣсь вводили на него преступниковъ.... вотъ тамъ, вѣроятно, лежала роковая плаха.... Да, да! непременно тамъ!... По-

смотрите!... Замѣчаете-ли вы на этихъ камняхъ слѣды кровавыхъ пятенъ?... О! я не забуду этаго въ моихъ запискахъ!... Какая странная вещь наше воображеніе!» продолжалъ Дювернѣ, не давая мнѣ вымолвить ни слова: «одинъ взглядъ на историческій памятникъ, и минувшіе вѣка встаютъ изъ своего праха; времена варварства, пытокъ и казней, все оживаетъ передъ вами. Повѣрите-ли? мнѣ кажется, я вижу на этомъ отвратительномъ эшафотѣ цѣлыя груды отрубленныхъ головъ, обезображенные трупы. ...»

— «Да успокойтесь!» — сказалъ я; — «на этомъ лобномъ мѣстѣ никого не казнили; съ него объявляли только царскіе указы и совершали молебствія.

Мой Французъ успокоился; и когда мы подъѣхали къ Спасскимъ воротамъ, онъ спросилъ меня: «Почему всѣ входятъ въ эти ворота съ непокрытой головою?»

— «Быть может, тутъ былъ прежде чудотворный образъ,»—отвѣчалъ я;—«или, если вѣрить народному преданію, это дѣлается потому, что Князь Пожарской, освободивъ Москву, вошелъ Спасскими воротами въ Кремль.»

— «Я всегда уважалъ народные обычаи,»—сказалъ Дювернѣ, —«и весьма охотно снимаю вмѣстѣ съ вами мою шляпу.»

Мы въѣхали въ Кремль, вышли изъ коляски, обошли кругомъ всѣ соборы, поглядѣли на Ивана Великаго, подивились царь-колоколу, который, по волѣ нынѣ царствующаго Императора, явился наконецъ на свѣтъ Божій; взглянули на огромную пушку, и молча прошли мимо тѣхъ самыхъ пушекъ, которыя нѣкогда громили всю Европу, а теперь лежатъ себѣ преспокойно на деревянныхъ подмосткахъ и не обижаютъ никого. Не знаю, догадался-ли мой Французъ, что этѣ пушки ему сродни, только онъ что-то очень на нихъ

косился; однакожь не спросилъ меня, почему онѣ, сердечныя, выставлены на показъ цѣлому міру и лежатъ безъ всякаго пріюта. Когда мы пересмотрѣли все: Арсеналь, Сенать, Терема, Николаевскій дворецъ, монастыри Чудовъ и Вознесенскій, Грановитую и Оружейную Палаты, то подошли къ самой закраинѣ кремлевской горы. Дюверніе взглянулъ и обомлѣлъ отъ восторга. Я не буду описывать этотъ неизъяснимо-плѣнительный видъ съ кремлевской горы на все Замоскворѣчье. Кто изъ Москвичей не бывалъ въ Кремль? А кто вовсе незнакомъ съ Москвою, тотъ, право, можетъ въ нее пріѣхать для того только, чтобъ полюбоваться, хотя разъ въ жизни, этой очаровательной панорамою. Когда мы сѣли въ коляску и я приказалъ кучеру ѣхать Троицкими воротами на Моховую, Дюверніе объявилъ мнѣ, что онъ безъ ума отъ нашего Кремля. «Да вы видѣли его въ будничномъ нарядѣ,» сказалъ

я. «Теперь въ немъ все мертво и тихо. Нѣтъ! вы посмотрѣли-бы его при Русскомъ Царѣ! О, вы не можете себѣ представить, какъ прекрасенъ этотъ Кремль, когда Державный его хозяинъ посѣтитъ свою Москву! Эта дворцовая площадь, на которой теперь такъ пусто, покроется и закипитъ вся народомъ, изъ котораго многіе ночевали на этой площади, для того только, чтобъ занять повыгоднѣе мѣсто и взглянуть лишній разъ на своего Государя. Вы посмотрѣли-бы на Кремль тогда, какъ загудитъ нашъ большой колоколъ, и Русской Царь, обхваченный со всѣхъ сторонъ волнами безчисленной толпы народа, пойдетъ черезъ всю площадь свершать молебствіе въ Успенскомъ соборѣ.»

— «Какъ?» — перерывъ Дюверніе. — «Да неужели вашъ Государь идетъ по этой площади, пѣшкомъ, при такомъ стеченіи народа?...»

— «Да, да! пѣшкомъ; и даже подъ часъ ему бываетъ очень тѣсно.»

— «Что вы говорите!... Но, вѣроятно, полиція?...»

— «Гдѣ Государь, тамъ нѣтъ полиціи.»

— «Помилуйте! Да какъ-же это можно?... Идти посреди безпорядочной толпы народа одному безъ всякой стражи....»

— «Я вижу, господа Французы,»—сказалъ я, взглянувъ почти съ состраданіемъ на путешественника, — «вы никогда насъ не поймете. Нашему Царю стража не нужна: его стража весь народъ русской.»

— «Удивительно!» — прошепталъ Дювернѣе. Ну, надобно признаться: я вижу и слышу здѣсь такія неожиданныя для меня вещи, такія странности....»

— «Какихъ вы не видите и не слышите въ Парижѣ? Да такъ и быть должно: вѣдь и всѣ путешествуютъ для того, чтобъ слышать и видѣть что-нибудь новое.»

Мой путешественникъ согласился въ неоспоримой истинѣ этаго заключенія и замолчалъ. Мы отправились по Моховой къ Охотному ряду. Я показалъ моему товарищу крытую площадь, которую мы называемъ манежемъ, нашъ великолѣпный Университетъ, Благородное Собраніе, въ которомъ зала едва-ли не одна изъ лучшихъ во всей Европѣ, и большой театръ, въ которомъ парижская опера можетъ помѣститься какъ въ самомъ просторномъ футлярѣ, потому-что нашъ московскій театръ цѣлымъ аршиномъ ширѣ знаменитаго Сень-Карла. Потомъ мы выѣхали на Никольскую площадь и повернули Кузнецкимъ мостомъ на Тверскую. Мимоѣздомъ Дюверніе любовался также нашими водометами, которые, украшая площади кругомъ Кремля, поятъ всю Москву такой чистой и здоровой водою. Когда, проѣхавъ всю Тверскую до Страшнаго монастыря, мы повернули по бульвару къ Никитскимъ воротамъ, Дюверніе

удостоверился самой очевидностію, что въ Москвѣ гораздо болѣе огромныхъ барскихъ домовъ, чѣмъ онъ думалъ, и что во многихъ и весьма обширныхъ ея частяхъ не только нѣтъ *хижины*, но даже ни одного деревяннаго дома. А когда мы проѣхали всю Поварскую, то онъ согласился со мною, что наши оштукатуренные, или просто выкрашенные деревянные дома, построенные по всѣмъ правиламъ изящной архитектуры, несравненно красивѣе этихъ шести-этажныхъ полукирпичныхъ и полудеревянныхъ избъ, которыми наполнена вся Германія.

Я приѣхалъ съ моимъ гостемъ домой, совершенно довольный нашей прогулкою; но настоящее и полное торжество ожидало меня за обѣдомъ, за которымъ Дювернѣ объявилъ мнѣ торжественно, что русская янтарная уха, изъ свѣжихъ стерлядей и жирныхъ налимовъ, вкуснѣе всѣхъ возможныхъ суповъ, даже и французскихъ,

а Москва прекраснѣе, живописнѣе и разнообразнѣе всѣхъ извѣстныхъ ему городовъ, разумѣется, исключая Парижа, съ которымъ, не смотря на его грязныя улицы, ничто въ мірѣ сравниться не можетъ.

III.

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

СЦЕНА 1-я.

ВЫТВОРЪ ЖЕНЩИНА.

« Суженаго и конемъ не объѣдешь. »

Русская пословица.

У меня есть въ Москвѣ внучатная сестрица, богатая вдова лѣтъ пятидесяти, женщина довольно добрая, довольно честная и даже, по своему, не глупая; но — какъ бы вамъ это сказать? не отсталая — избави Господи! Она два раза была за границею и ѣздила по желѣзной дорогѣ — а такая обыкновенная, такая дюжин-

ная, благовоспитанная барыня, что, право, иногда пожалѣешь о томъ, что она не вовсе безграмотная; мнѣ кажется, тогда было-бы съ ней не такъ скучно. Двухъ старшихъ дочерей своихъ она выдала очень неудачно замужъ. Одну за французскаго графа, который въ послѣдствіи оказался не графомъ; другую обвинчала съ русскимъ княземъ, котораго за буйство и картежную игру отправили жить въ какой-то отдаленный городокъ, гдѣ онъ и теперь находится подъ судомъ, за то, что прибилъ уѣзднаго стряпчаго или становаго пристава, право не помню. Третья и послѣдняя дочь была еще не замужемъ; а такъ какъ покойный отецъ оставилъ на ея долю шестьсотъ душъ, да маменька хотѣла укрѣпить ей все имѣнье, то, разумѣется, и она не могла долго засидѣться въ дѣвкахъ. Я не часто бываю у этой внучатной сестрицы, не потому-чтобъ я ее чуждался—о нѣтъ! Она очень ко мнѣ ласкова,

зоветъ братцемъ, присылаетъ каждый разъ своего стараго слугу Антропа поздравить меня съ именинами и со днемъ рожденья, а въ Новый годъ, въ Рождество и въ Свѣтлый Праздникъ фореѣтора съ визитной карточкою, на которой напечатано мелкимъ шрифтомъ: «Маргарита Степановна Барашева, урожденная княжна Горенская, съ дочерью.» Если я вижусь съ ней очень рѣдко, то на это есть весьма уважительная причина, которая также принадлежитъ къ числу особенностей нашей москвы. Я живу за Прѣсенскими прудами, а она въ Яузской части, въ приходѣ Николы Кобыльскаго, то-есть мы живемъ другъ отъ друга, по-крайней-мѣрѣ, въ восьми верстахъ, слѣдовательно всякой разъ, когда я бываю у Маргариты Степановны, бѣдныя мои лошади должны пробѣжать по бойкой мостовой шестнадцать верстъ, а у меня на конюшнѣ никогда не бываетъ болѣе четырехъ лошадей, такъ я ихъ поберегаю.

Собственный домъ, въ которомъ живетъ моя сестрица, можетъ назваться *типомъ* или по-крайней-мѣрѣ образцемъ большой части деревянныхъ домовъ тѣхъ московскихъ зажиточныхъ дворянъ, которые не принялись еще отдѣлывать дома свои во *вкусъ среднихъ вѣковъ*, то-есть пристраивать къ нимъ готическіе балконы, въ видѣ огромныхъ фонарей и колоссальныхъ перечницъ, а живутъ точно также, какъ жили лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Деревянный домъ моей родственницы построенъ на двѣнадцати саженьяхъ, оштукатуренъ и снаружи и внутри, съ большимъ мезониномъ, на фронтонѣ котораго какъ жаръ горитъ вытиснутый на латуни гербъ дворянъ Барашевыхъ подъ княжескою короною, напоминающею сіятельное происхожденіе прежде бывшей княжны Горенской. Весь домъ окрашенъ въ блѣдно-палевый цвѣтъ, исключая различныхъ *орнаментовъ*, которые покрыты бѣлой кра-

скою. Передъ домомъ обширный дворъ съ двумя воротами, изъ которыхъ одни всегда заперты; на воротахъ неизбѣжные алебастровые львы. Позади дома садъ на трехъ десятинахъ, съ порядочнымъ прудомъ и красивой бесѣдкою. Домъ расположенъ очень покойно: парадныя сѣни, не всегда чистыя—это правда, но просторныя и свѣтлыя, лакейская всегда запачканая, но теплая и помѣстительная. Потомъ ежедневная столовая, одинакаго цвѣта съ наружностію дома; изъ нее на лѣво довольно большая зала, съ колоннами подъ мраморъ и даже съ хорами для музыкантовъ, которые впрочемъ должны играть непремѣнно сидя. Стѣны залы приготовлены также подъ фальшивый мраморъ и, вѣроятно, будутъ скоро отдѣланы, потому-что сто́ять въ этомъ видѣ лѣтъ около двадцати. Прямо изъ столовой парадные покои, то-есть двѣ большія гостиныя комнаты и такой-же величины диванная. Первая гостиная свѣтло-

бирюзовая, вторая голубая; во всѣхъ простѣнкахъ, какъ слѣдуетъ, зеркала, подстольники съ бронзовыми часами и фарфоровыми вазами, шелковыя занавѣски надъ окнами, бумажныя люстры подъ бронзу, кой-гдѣ по стѣнамъ фамильные портреты, мебель — въ одной гостиной изъ корельской березы, въ другой изъ краснаго дерева въ греческомъ вкусѣ, слѣдовательно не новая, но весьма опрятная и всегда въ чехлахъ, которые едва-ли когда-нибудь и снимаются; полы во всѣхъ парадныхъ комнатахъ *паркетные*. Войдя въ диванную, вы тотъ-часъ замѣтите, что послѣднее путешествіе Маргариты Степановны за границу принесло свои плоды: эта диванная отдѣлана и убрана почти во вкусъ нашего времени: стѣны оклеены малиновыми насыпными обоями подъ рытый бархатъ; по обѣимъ сторонамъ дивана трельяжъ, то-есть деревянныя рѣшеточки, обвитыя плющемъ, двѣ горки ала-помпадуръ, уставленныя фарфоровыми чаш-

ками; между ихъ нѣсколько китайскихъ болванчиковъ, и въ томъ числѣ преважный мандаринъ, который качаетъ головою, моргаетъ глазами и дразнится языкомъ. Два готическіе стула изъ орховаго дерева съ высокими спинками, три столика рококо съ кривыми ножками, широкія эластическія кресла, трое другихъ креселъ различной величины и формы. На одномъ изъ столовъ бронзовый карсель; а въ углу, витый жгутомъ, изъ краснаго дерева столбъ, который, загибаясь вверху крючкомъ, поддерживаетъ висячій фонарь съ расписными стеклами. За этой диванной внутреннія комнаты, дѣвичья и широкій корридоръ съ довольно крутой лѣстницею, ведущею въ мезонинъ, въ которомъ живетъ Эмѣ, сирѣчь: Любовь Дмитріевна, меньшая дочь Маргариты Степановны, дѣвица лѣтъ осмнадцати, очень миловидная, ловкая, развязная и воспитанная какъ нельзя лучше, по-крайней-мѣрѣ такъ говоритъ ея маменька, которая

увѣряетъ, что ничего не жалѣла для ея умственнаго и душевнаго образованія; что нянюшкой у нее была нѣмка, гувернанткой французженка, а компаньёнкой англичанка, которая и теперь еще живетъ вмѣстѣ съ нею; что она, то-есть Эмѣ, брала уроки у всѣхъ лучшихъ московскихъ учителей, большая музыкантша, поетъ какъ ангелъ, рисуетъ какъ художникъ, понимаетъ по-нѣмецки, можетъ вести рѣчь по-англійски, а по-французски говорить и лучше и свободнѣе, чѣмъ природнымъ своимъ языкомъ. Сверхъ того, сколько мнѣ извѣстно, ей случалось иногда сочинять французскіе стихи, которые если не вполне изобличали истинный талантъ, то, по-крайней-мѣрѣ, всегда ручались за то, что ихъ сочинительница одарена весьма чувствительнымъ сердцемъ и необычайно пламенной головою. Учитель французскаго языка, большой франтъ и любезникъ, обыкновенно при этихъ случаяхъ называлъ ее, очень

въжливо, русской Сафою, чему добрая маменька отъ всей души радовалась.

Вчера я получилъ отъ Маргариты Степановны записку, въ которой она убѣдительно просить меня заѣхать къ ней послѣ обѣда, поговорить объ одномъ весьма важномъ дѣлѣ. Я отправился изъ дому часу въ седьмомъ и ровно черезъ часъ коляска моя въѣхала къ ней на дворъ, гдѣ уже стояло нѣсколько экипажей. Я нашелъ мою внучатную сестрицу въ диванной, въ кругу близкихъ ея родныхъ. Тутъ былъ ея двоюродный братъ князь Иванъ Юрьичъ Бубликовъ, племянникъ ея покойнаго мужа Андрей Евстафьевичъ Барашевъ, родная ея сестра, дѣвица лѣтъ сорока пяти, княжна Агафоклея Горенская, вдова ея покойнаго двоюроднаго брата Настасья Никитишна Черново-Сусальская и тетушка Маремьяна Сергѣевна Булыжникова. Все общество сидѣло вокругъ стола, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Сама хозяйка раз-

ливала чай; ей помогала англичанка, а Любовь Дмитриевна стояла подлѣ окна и разговаривала съ своимъ внучатымъ братомъ, гусарскимъ поручикомъ, Александромъ Васильевичемъ Зоринымъ, большимъ повѣсою, но весьма красивымъ молодцемъ съ черными усиками и огненными глазами. Когда я раскланялся съ мужчинами, пожалуй, какъ слѣдуетъ человѣку фашіонабельному, руки у дамъ, кивнулъ головою Зорину и поцаловалъ ручку у почтенной тетускѣ Маремьянѣ Сергѣевнѣ, хозяйка налила мнѣ чаю и я присѣлъ къ общему столу. Разговоръ какъ-то не клеился. Князь Иванъ Бубликовъ игралъ кисточками своей камышевой трости, смотрѣлъ на ея золотый набалдашникъ, на которомъ вырѣзанъ былъ его княжескій гербъ, и молчалъ. Андрей Евстафьевичъ Барашевъ прихлебывалъ съ отдыхами и разстановкою чай, надувалъ весьма значительно губы, или съ большимъ глубокомысліемъ подымалъ къверху свои

густыя брови и молчалъ. Княжна Горинская, которая сидѣла подлѣ Настасьи Никитишны Черново-Сусальской, рассказывала ей что-то въ полголоса объ очаровательныхъ окрестностяхъ карлсбада; но Настасья Никитишна, казалось, слушала ее однимъ только ухомъ, вертѣлась и туда и сюда на креслахъ, поправляла свой чепецъ и отъ времени до времени подносила къ носу хрустальный флакончикъ съ спиртомъ. Тетушка Маремьяна Сергѣевна была погружена въ глубокую задумчивость, безпрестанно открывала свою круглую золотую табакерочку съ рульнымъ табакомъ, шевелила въ ней пальцами, поминутно нюхала и забывала даже стряхать табачную пыль съ своей черной тюлевой косынки. Хозяйка говорила не болѣе другихъ; замѣтно было, что она дожидается чего-то съ большимъ нетерпѣніемъ и очень торопится напоить всѣхъ чаемъ. Любовь Дмитриевна показалась мнѣ также необычайно

смущенною: она то краснѣла, то блѣднѣла, играла разсѣянно своимъ флеровымъ эшарпомъ и смотрѣла все въ низъ. Одинъ только гусаръ Зоринъ говорилъ безпрестанно и, по видимому, съ большимъ жаромъ; но онъ говорилъ съ одной Любовью Дмитріевной и такъ тихо, что нельзя было разобрать ни одного слова. — «Эмѣ!» — сказала Маргарита Степановна, когда всѣ напились чаю, — «ты-бы, мой другъ, пошла погулять съ Александромъ по саду; вечеръ прекрасный. Мисъ Мери!» — продолжала она, обращаясь къ англичанкѣ, — «ступай и ты съ ними; да возьми, машеръ, съ собою провѣтрить амишку: она цѣлый день не выходила на дворъ.»

Зоринъ подалъ руку своей кузинѣ, англичанка взяла подъ плечо болопку и они вышли изъ диванной. Маргарита Степановна приказала слугѣ унести чайный приборъ, поправила на себѣ шаль, устлала покойнѣе на диванѣ, вынула изъ ридикю-

ля батистовый платокъ и начала рѣчь слѣдующихъ образомъ..... Да нѣтъ! когда разговариваютъ многіе, тогда разсказъ рѣшительно не у мѣста. Всѣ этѣ пояснительныя рѣчи: «такой-то сказалъ, такая-то отвѣчала, тотъ возразилъ, этотъ перервалъ, та подхватила» — только-что сбиваютъ и путаютъ читателя, и такъ позвольте мнѣ прибѣгнуть къ обыкновенной драматической формѣ. Это будетъ и яснѣе и проще.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Я просила васъ къ себѣ, почтеннѣйшая моя тетушка, и всѣхъ васъ, мои родные, чтобъ поговорить съ вами о нашей Эмѣ.... Вы всѣ ее любите.... Да какъ и не любить этаго ангела!... Когда я подумаю, что мнѣ должно будетъ разстаться съ нею....

(Маргарита Степановна прикладываетъ къ глазамъ свой батистовый платокъ и плачетъ. Тетушка нюхаетъ табакъ. Княжна Горенская вздыхаетъ. Князь Бубликовъ устремляетъ взоръ на

золотый набалдашникъ своей трости, а Барашевъ становится мрачнѣе и глубокомысленнѣе прежняго.—Минутное молчаніе).

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (вполголоса).

Ахъ, невѣстушка, не говорите!... У кого есть свои дочери....

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА, (укладывая въ ридикюль свой батистовый платокъ, который, вѣроятно, былъ ей нуженъ только для вступленія).

Да, мои родные! пришло время разставаться съ дочерью.... Что-жъ дѣлать? добрая мать не должна быть эгоисткою.... Вамъ извѣстно, какъ несчастливо я выдала замужъ первыхъ моихъ дочерей?

ТЕТУШКА.

А кто-жъ виновать, мать моя?...

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Знаю, тетушка — знаю! Вы мнѣ говорили, что этотъ французской графъ похо-

доть на французскаго парикмахера, а этотъ князь на дневнаго разбойника. Чтò-жъ дѣ-
 лать—ослѣпленье!... Для того-то я теперь
 и не хочу приступать ни къ чему безъ
 вашего общаго совѣта, тѣмъ болѣе, что
 есть изъ кого выбрать.

ТЕТУШКА.

Вотъ что!...

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА, (съ примѣтной
 гордостію).

Да, ма-тантъ! Благодаря Бога, у моей
 Эмешѣ много партій; она на этотъ счетъ
 очень счастлива.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (съ язвитель-
 ной улыбкою).

Въ самомъ дѣлѣ?

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Да вотъ братецъ князь Иванъ Юрье-
 вичъ, онъ предлагаетъ жениха для нашей
 Эмѣ.

ТЕТУШКА.

А кто такой, матушка?

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ, (приподнявшись
немного съ крес-
ла).

Пріятель мой, графъ Троекуровъ, знат-
ной фамиліи, съ блестящимъ родствомъ;
свой человекъ князю Свѣтлинскому, дво-
юродный братъ графинѣ Наливайко-Пер-
хушковой и, если не ошибаюсь, внучатный
племянникъ его свѣтлости....

ТЕТУШКА.

Да самъ-то онъ что такое, батюшка?

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Самъ?... Да я ужъ имѣлъ честь вамъ
докладывать, что онъ графъ Троекуровъ.

ТЕТУШКА.

Графовъ и князей много, мой отецъ; ка-
кого рангу?...

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ, (пожимая плечами).

Ну если вамъ угодно: онъ былъ камеръ-геромъ, теперь въ отставку; но если только захочетъ служить....

ТЕТУШКА.

Графъ Троекуровъ.... отставной камеръ-геръ.... Постой-ка, батюшка.... Да не тотъ-ли это Троекуровъ, у котораго домъ на Остоженкѣ, съ какими-то стеклянными фонарями, да вычурными балкончиками?

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Тотъ самый.

ТЕТУШКА.

Ну, сударь, хорошъ женишокъ!... Мотъ, пустодомъ, чванишка!... Платить французу повару пять тысячъ жалованья, а нечемъ заплатить пяти сотъ рублей мяснику!... Вотъ ужъ, батюшка, пустой-то человекъ!... съ утра до вечера бьетъ баклуши, шатается по всѣмъ мѣняльнымъ лавкамъ,

скупають у всѣхъ разные антики, мозаики, рѣзные камешки, да всякую другую лихую болестъ, а тамъ начнетъ ихъ мѣнять съ придачею; да вотъ и домѣнялся до того, что ему скоро перекусить нѣчего будетъ.

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ, (съ достоинствомъ).

Извините, Маремьяна Сергѣевна! вы изволите ошибаться: у графа Троекурова и теперь еще двѣ тысячи душъ.

ТЕТУШКА.

И ихъ, батюшка, промѣняетъ на табакерки, да на всякія другія рѣдкости; а какъ примется заводить картинную галерею, такъ и женнино-то имѣнье по боку! — А все вѣдь изъ любви къ художеству. Вотъ изволите видѣть — знатокъ, батюшка!... Въ Римѣ былъ, папу видѣлъ — дуракъ этакой!

КНЯЖНА ГОРЕНСКАЯ.

Вы, ма-тантъ, слишкомъ ужъ строго судите графа! Я познакомилась съ нимъ въ

Карлсбадъ, и увѣряю васъ, онъ очень любезный и милый человѣкъ.

ЧЕРНОВО—СУСАЛЬСКАЯ.

Я, по-крайней-мѣрѣ, ничего дурнаго о немъ не слышала, и если онъ понравится Эмѣ....

БАРАШЕВЪ, (покачиваясь въ своихъ креслахъ).

Ну, это нѣсколько трудно: Эмѣ восемнадцать лѣтъ, а ему подъ пятьдесятъ....

ЧЕСНОВО—СУСАЛЬСКАЯ.

Такъ что-жь? — Развѣ мужъ и жена должны быть ровесники?

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

О нѣтъ! разница въ годахъ должна быть. Разумѣется, какой-нибудь мальчишка.... вотъ на примѣръ Александръ, ну, конечно, какой это мужъ!

КНЯЖНА ГОРЕНСКАЯ.

О, я знаю мужчинъ не только за сорокъ

лѣтъ, но даже за пятьдесятъ, которые такъ милы!...

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

По мнѣ мужъ долженъ быть, по-крайней-мѣрѣ, вдвое старѣе своей жены.

ТЕТУШКА, *(постукивая двумя пальцами по своей табакеркѣ)*.

Право?... Такъ ты-бы, мать моя, выда-ла за этого графа свою Зеничку.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, *(вспыхнувъ)*.

Позвольте, Маремьяна Сергѣевна, по-просить васъ, не мѣшать тутъ мою Зеничку!

ТЕТУШКА.

Не гнѣвайся, матушка! Я вѣдь это съ твоихъ-же словъ сказала.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Я, право, не знаю, что вамъ сдѣлала моя Зеничка, только у васъ, Маремьяна Сер-

гѣвна, всегда на языкѣ: Зеничка да Зеничка.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

И, машерь, какъ вы живы!... Ма-тантъ сказала это безъ всякаго намѣренія.... Вотъ любезный мой родной Андрей Астафьевичъ предлагаетъ также жениха для нашей Эмѣ, котораго вы, Настасья Никитишна, коротко знаете: онъ у васъ часто бываетъ.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (съ примѣтнымъ безпокойствомъ).

У меня?... Кто-жъ-бы это такой?... Я, право, не знаю.

БАРАШЕВЪ.

Иванъ Андреевичъ Пеньковъ.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (вздохнувъ свободно).

А!... (Нюхаетъ изъ флакончика).

КНЯЖНА ГОРЕНСКАЯ.

Это тотъ самый мосьё Пеньковъ, что
прошлаго года былъ въ Парижъ?... Пре-
милый!

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Пеньковъ!! (*Пожимаетъ плечами*).

БАРАШЕВЪ.

Человѣкъ замѣчательный, съ небольшимъ
тридцать лѣтъ, хорошее состояніе, про-
свѣщеніе европейское. Не дюжинный че-
ловѣкъ, не дюжинный!

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Пеньковъ!!!

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

О, конечно, конечно! Прекрасный моло-
дой человѣкъ!

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Въ первый разъ слышу—Пеньковъ! Ка-
кая странная фамилія.

БАРАШЕВЪ, (поглядывая съ презрѣніемъ на князя Бубликова).

Ни чуть не страннѣе всякой другой; и что такое фамилія?... Мы всѣ происходимъ отъ Адама. Впрочемъ, Пеньковы были князья. Потрудитесь заглянуть въ бархатную книгу.

ТЕТУШКА.

Пеньковъ? Я гдѣ-то слыхала объ этой фамиліи.... Ахъ, батюшки! да это не тотъ-ли Пенковъ, что третьяго-дня обѣдалъ у тебя, племянница, вмѣстѣ со мною?

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Да, тетушка.

ТЕТУШКА.

Какъ?... этотъ махнатый съ длинными волосами, отъ котораго за версту пахнетъ табачищемъ?... который прошлаго мѣсяца разъѣзжалъ на всѣхъ гуляньяхъ вотъ съ такою бородою?...

БАРАШЕВЪ.

Да, онъ ходилъ прежде съ бородою, но теперь....

ТЕТУШКА.

А теперь припустилъ себѣ къ носу двѣ пѣявки, да воображаетъ, что у него усы!... И ты, племянница, хочешь за него отдать Любушку?

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Нѣтъ, ма-тантъ, я только еще объ этомъ совѣтуюсь.

ТЕТУШКА.

Да чего тутъ совѣтоваться! Какъ взглянешь, такъ пострѣль! — Нѣтъ, мать моя! выдавай за него, если хочешь, дочь, только ужъ я отъ него ворота на запоръ! Я этихъ фрачныхъ бородачей, да усачей до смерти боюсь. Чего добраго, онъ пожалуй заберется ко мнѣ въ образную, да на лампадѣ сигарку свою закуритъ!

КНЯЖНА ГОРЕНСКАЯ.

Ахъ, тетушка! да если-бъ вы были въ Карлсбадъ, да тамъ почти всѣ съ бородами — это мода.

ТЕТУШКА.

Что мнѣ твой Карлсбадъ! Я, матушка, живу въ Москвѣ, а не въ Карлсбадѣ.... Мода!... Хороша мода!..., Ужъ по мнѣ-бы лучше совсѣмъ одѣлись въ армяки, а то на что это походить? кафтанъ барской, а рожа кучерская! Нѣтъ, племянница, воля твоя: что это за-женихъ Любушкѣ.

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ, (шепотомъ).

Пеньковъ!!!

БАРАШЕВЪ.

Да позвольте, тетушка: мы не должны останавливаться на одной наружности....

ТЕТУШКА.

А внутренность-то, отецъ мой, одному Богу извѣстна. По мнѣ тотъ, кто отпу-

★★

стиль себѣ бороду, или оттянулъ аршинные усы, или неряха, или буянъ, или пустая голова, который готовъ нарядиться пояцемъ для того только, чтобъ всѣ добрые люди на него пальцами указывали.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Успокойтесь, тетушка! Мнѣ и самой онъ не очень нравится. Я хотѣла только, чтобъ всѣмъ роднымъ было извѣстно, какія предлагаютъ партіи моей дочери; а теперь скажу вамъ, кто еще сватается за нашу Эмѣ. Ну этотъ женихъ, я думаю, вамъ больше понравится.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (съ любопытствомъ).

А кто-жъ это такой, невѣстушка?

МАРГАРИТА-СТЕПАНОВНА.

Федоръ Николаевичъ Журковъ.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (съ необычайной живостію).

Кто-съ?... Журковъ, Федоръ Николаевичъ?

ТЕТУШКА.

Вотъ, матушка, человѣкъ порядочный, съ разсудкомъ, богатъ, смотритъ въ генералы — хорошій человѣкъ!

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Позеолте! Да онъ, кажется, изъ дачныхъ.

ТЕТУШКА.

И, что ты, князь! Да я съ его бабушкой была знакома, и батюшку-то его знала — природный дворянинъ.

БАРАШЕВЪ.

Рожденье что такое—это случай; но образованіе, цивилизація—вотъ это дѣло другое. А мнѣ кажется, что этотъ господинъ Журковъ....

ТЕТУШКА.

Ну да! человѣкъ неученный, это правда. Охъ, да ученые-то мнѣ ужъ надоѣли!

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ, (которая во все это время нюхала спиртъ).

Позвольте-жъ васъ спросить, невѣстушка, Ѳедоръ Николаевичъ вамъ сдѣлалъ предложеніе?

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Нѣтъ еще, машеръ; но мнѣ сказывали вѣрные люди....

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Вѣрные-то люди иногда врутъ вздоръ, невѣстушка.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Какъ вздоръ? Да почему-жъ вы это думаете?

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Да такъ! Эти вѣрные-то люди безпре- станно всѣхъ женятъ, а поглядишь — никто не женатъ.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Что вы этимъ хотите сказать?

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Ничего! Только мнѣ кажется, вы ошибаетесь, невѣстушка!... Ну, можетъ быть, онъ такъ, безъ всякаго намѣренія, сказалъ лишнее слово съ вашей Любовью Дмитриевной, а вы ужъ тотъ-часъ....

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Тотъ-часъ? — Что такое тотъ-часъ?... Нѣтъ, Настасья Никитишна, извините! я ни кого не ловлю! я не вожу Эмѣ каждый вторникъ въ Собранье. Она у меня не смѣетъ никого интриговать подъ маскою....

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Ахъ, Боже мой! да это уже личности!...

ТЕТУШКА.

Что за-личности, матушка? О твоей Зеничкѣ и рѣчи нѣтъ.

ЧЕРНОВО-СУСАЛЬСКАЯ.

Опять Зеничка!... Да оставьте насъ въ покоѣ, Маремьяна Сергѣевна. Извините, невѣстушка, мнѣ некогда!... Право, я вамъ советую не слишкомъ вѣрить всему, что говорятъ. И то и другое говорятъ, а глядишь, выдутъ все сплетни. Прощайте!

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Прощайте, Настасья Никитишна! Я васъ не смѣю удерживать: вы сего-дня въ какомъ-то странномъ расположеніи... (*Провожаетъ Черново-Сусальскую до гостиной. Барашевъ и князь Бубликовъ встаютъ*). А вы, мои родные, куда?

КНЯЗЬ БУБЛИКОВЪ.

Меня дожидаются въ Англійскомъ клубѣ. (*Вполголоса*). Я завтра заѣду къ вамъ часу въ осьмомъ послѣ обѣда. (*Откланивается и уходитъ*).

БАРАШЕВЪ.

У меня сего-дня ужинаетъ одинъ воя-
жеръ-Французъ, членъ оппозиціи, весьма
замѣчательный человѣкъ. Въ десять часовъ
я долженъ быть непременно дома. (Тихо
хозяйкѣ). Я завтра заверну къ вамъ въ
одиннадцать часовъ утра. (Кланяется и ухо-
дитъ).

МАРГАРИТА СТЕЦАНОВНА.

Что это сдѣлалось съ Настасьей Ники-
тишной?

ТЕТУШКА.

И, мать моя! да неужли ты не видишь,
что она прочить за Ѳедора Николаевича
свою Зеничку? Ужъ она два мѣсяца
какъ его ловить. На томъ стоитъ, матуш-
ка! четырехъ дочерей выдала этакъ за-
мужъ. Вотъ старшую-то дочь, Феничку,
какъ она обвѣнчала съ этимъ простофилею
Иваномъ Ивановичемъ Баклашкинымъ? Си-
дитъ онъ однажды съ глазку на глазокъ
съ Феничкой, вдругъ Феничкѣ дурно, — а

маменька и тутъ! — «Что такое? — Предложеніе-дескать сдѣлалъ?» А онъ, голубчикъ, и не думалъ! — Откуда не взялись родные, братья — «честь имѣемъ поздравить!» Образъ со стѣны — благословляй! — Не дали дураку опомниться. Ну, а тамъ, извѣстное дѣло, нельзя-жъ благородную дѣвицу компроментировать: хоть въ петлю полезай да женись! — Э, да что и говорить! она весь вѣкъ этимъ промышляла. Однако-жъ, племянница, прощай! Пора домой.

МАРГАРИТА СТЕПАНОВНА.

Ну что, тетушка, какъ-же вы рѣшили?

ТЕТУШКА.

Да что, матушка, коли Федоръ Николаевичъ сдѣлалъ предложеніе, такъ съ Богомъ! Да я завтра буду у тебя обѣдать, такъ мы еще объ этомъ поговоримъ. Прощай, мой другъ! Прощай, Агашенька! — *(Идетъ вонъ изъ комнаты. Маргарита Степановна и княжна Горенская провожаютъ ее до передней).*

Когда хозяйка и сестра ея воротились въ диванную, я сталъ съ ними прощаться. «Останьтесь, братецъ,» — сказала Маргарита Степановна. — «Отужинайте съ нами. Да что-жъ это Эмѣ такъ загулялась по саду? Эй, дѣвка! ступай въ садъ, проси къ намъ Любовь Дмитріевну и Александра Васильевича. «Сыро-дескать, пожалуйста домой!» «Что это, братецъ,» — продолжала она, обращаясь ко мнѣ. — «Мы межъ собой по родственному говорили, разсуждали, а вы хоть-бы словечко вымолвили!»

— «Да что-жъ мнѣ было говорить?» — отвѣчалъ я. — «Дѣло другое, если-бъ я зналъ этихъ господъ, о которыхъ шла рѣчь.»

— «А вы ихъ не знаете?»

— «Въ первый разъ отъ-роду имена ихъ слышалъ.»

— «Въ самомъ дѣлѣ?... Ну однако-жъ, все-таки какъ вы думаете?»

— «Я, право, ничего не могу вамъ сказать.»

— «Неправда-ли, что Ѳедоръ Николаевичъ Журковъ всѣхъ выгоднѣе?...»

— «Это должны рѣшить вы, а не я.»

— «О нѣтъ! я ужъ напугана; я не намѣрена ни чего брать на себя: какъ хотятъ родные. Конечно, Ѳедоръ Николаевичъ такой женихъ, какого лучше и желать нельзя....»

— «Но если онъ въ самомъ дѣлѣ чело-вѣкъ вовсе необразованный?...»

— «У него полторы тысячи душъ, братецъ.

— «Это очень хорошо, не спору....»

— «И ни одной заложенной души въ Опекунскомъ Совѣтѣ—я ужъ справлялась.»

— «И это не дурно; но, если позволите мнѣ сказать....»

— «На хорошей дорогѣ, батюшка! Полковникъ, на дняхъ генералъ....»

— «Все это прекрасно; но вы дали такое блестящее образованіе вашей дочери, такъ можетъ быть....»

— «О, объ этомъ не безпокойтесь! Эмѣ выдетъ замужъ за того, кого я назначу. Да и какъ ей можно выбирать самой: она еще дитя!»

— «Да, конечно!... А позвольте васъ спросить, какъ вамъ родня Зоринъ?»

— «Александръ? Внучатный племянникъ.»

— «Не ближе?... Внучатный.... слѣдовательно онъ можетъ жениться на своей кузинѣ?»

— «Что вы, что вы? Александръ.... Слышишь, машеръ, что говоритъ Богданъ Ильичъ?»

— «Помилуйте!»—вскричала княжна Горенская,—«Александръ, этотъ ребенокъ!...»

— «Ну, смотрите!»—сказалъ я,—«эти ребятишки въ гусарскихъ мундирахъ, да съ черными усами, сплошь женятся и даже иногда не спросясь у старшихъ.»

— «Какія у васъ странныя идеи, Богданъ Ильичъ!»—сказала Маргарита Степановна.—«И какъ придетъ въ голову!...»

— «Давно живу, сестрица. Однако-жь, прощайте! Вы знаете, какъ мнѣ далеко ѣхать.»

Хозяйка стала меня уговаривать, чтобъ я остался ужинать, но я кой-какъ отдѣлался. Пока мой кучеръ Федоръ садился на козлы, что обыкновенно продолжалось нѣсколько минутъ, я стоялъ на крыльцѣ, и въ двухъ шагахъ отъ меня, за угломъ дома, происходилъ нижеслѣдующій разговоръ между двухъ горничныхъ и одного лакея.

— «Ну что, Матрёна?» — говорила одна изъ дѣвушекъ.

— «Да что! Обѣгала весь садъ — ни бѣшеной собаки!»

— «Да ты была въ вишневой куртнѣ?» — спросилъ лакей.

— «Вотъ еще! Я и за тепличку ходила — нигдѣ нѣтъ.»

— «А садовника спрашивала?»

— «Хорошъ садовникъ!... Калитка въ

переулокъ отперта, а онъ спитъ себѣ какъ убитый.....»

Тутъ подали мою коляску и я отправился. На другой день рано поутру я поѣхалъ на богомолье къ Троицѣ, а оттуда завернулъ въ новый Іерусалимъ. Путешествіе мое продолжалось четверо сутокъ. Возвратясь въ Москву, я нашелъ въ моемъ кабинетѣ, на письменномъ столѣ, двѣ визитныя карточки съ загнутыми углами, и—признаюсь, вовсе не удивился, когда прочелъ на одной изъ нихъ: «Любовь Дмитриевна Зорина, урожденная Барашева.»

IV.

МОСКОВСКАЯ СТАРИШНА.

... Бяше градъ Москва видети великъ
и чуденъ градъ и много множество лю-
дей въ немъ кияше богатствомъ и сла-
вою.

Ростовскій лѣтописецъ.

На прошлой недѣлѣ сосѣдъ мой, Нико-
лай Степановичъ Соликамской, обѣщаль за-
вернуть ко мнѣ сего-дня часовъ въ 9 по-
утру, чтобъ ѣхать вмѣстѣ въ Оружейную
Палату. Николай Степановичъ принадле-
жить къ весьма малому числу моихъ ис-
креннихъ пріятелей; онъ почти однѣхъ со
мною лѣтъ, бездѣтный вдовецъ, великой
антикварій и ужасный библіоманъ. Конечно,
не у многихъ найдется такое любопытное
собраніе старинныхъ русскихъ печатныхъ

книгъ и манускриптовъ, изъ которыхъ однако-жъ иные весьма для меня подозрительны, а особливо какой-то исписанный, Богъ знаетъ какими буквами, безконечный свитокъ, который, по мнѣнію моего пріятеля, есть истинный и подлинный списокъ *Слова о полку Игоревомъ*. Николай Степановичъ очень добрый, умный и образованный человекъ; но у него есть одна слабость, впрочемъ самая невинная и безгрѣшная: онъ видитъ вездѣ Славянъ, находитъ во всѣхъ древнихъ языкахъ сходство съ славянскимъ языкомъ, и даже, не шутя, готовъ увѣрять, что Греки омировой иліады всѣ чистой славянской породы. Не знаю навѣрно, а кажется, ему первому пришла въ голову догадка, что царя Менелая прозвали этимъ именемъ, потому-что онъ со всѣми ругался и что ему часто говорили: мене-лай! Не смотря однако-жъ на эту странную *славеноманію*, онъ человекъ истинно ученый и конечно одинъ изъ первыхъ русскихъ ар-

хеологовъ нашего времени. Прождавъ его къ себѣ съ полчаса, я подумалъ наконецъ, что онъ купилъ на Смоленскомъ рынкѣ какой-нибудь древній манускриптъ или вымѣнялъ у раскольника старинный требникъ, занялся повѣркою текста и рѣшительно забылъ свое обѣщаніе. Читать мнѣ не хотѣлось; вотъ отъ нечего дѣлать я присѣлъ къ письменному столу, взялъ въ правую руку перо, указательнымъ пальцемъ лѣвой руки уперся въ лобъ и началъ думать—«писать—да о чемъ?» При этомъ вопросѣ, который я задалъ самому себѣ, глаза мои нечаянно остановились на большомъ планѣ москвы, который виситъ у меня въ кабинетѣ. «О чемъ!» повторилъ я. «Да я еще ничего не писалъ о московской старинѣ; чего-же лучше? давай писать объ основаніи москвы!»

«Не говоря уже о Новгородѣ и Кіевѣ, (такъ началъ я, подумавъ нѣсколько минутъ) есть много городовъ въ Россіи гораздо

старѣе Москвы. Однако-жъ имя ея встрѣчается въ лѣтописяхъ первой половины двѣнадцатаго столѣтія, слѣдовательно Москва существуетъ уже семьсотъ лѣтъ. Въ 1147 году Суздальскій князь Юрій Владимировичъ угощалъ въ ней князя Святослава Ольговича Сѣверскаго. Около того-же времени въ Южной Россіи она была извѣстна подѣ настоящимъ своимъ именемъ и подѣ названіемъ Кучкова. Въ 13 вѣкѣ ее причисляли къ *Залѣскимъ* городамъ. Говорятъ также иные лѣтописцы, которыхъ не очень уважаютъ въ ученомъ мѣрѣ, но которымъ я, какъ истый Москвичъ, готовъ отъ всей души повѣрить, что будто-бы Москва основана еще въ 882 году знаменитымъ Олегомъ, который, проѣзжая изъ Новгорода въ Кіевъ, построилъ городокъ на рѣчкѣ Неглинной, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ она впадаетъ въ Москву-рѣку. Въ послѣдствіи этотъ городокъ, вмѣстѣ съ своимъ округомъ, перешелъ во владѣніе

суздальскаго боярина Степана Ивановича Кучки. Домъ этаго боярина стоялъ на берегу *Поганова пруда*, который вначалѣ 18 столѣтія, неизвѣстно почему, переименованъ *Чистымъ*. Вся окружность этаго пруда, составляющая нынѣшнюю *Стрѣтенскую* часть, называлась *Кучковымъ полемъ*. Насильственная смерть боярина Кучки, убитаго княземъ Суздальскимъ Юріемъ Владимировичемъ, женитьба сына его Андрея Боголюбскаго на дочери умерщвленнаго боярина, и потомъ, спустя много лѣтъ, ужасная мѣсть, совершенная сыномъ Кучки, надъ этимъ-же самымъ Андреемъ Боголюбскимъ; необычайная казнь убійць великокняжескихъ, которыхъ посадили живыхъ въ деревянные кораба и бросили въ озеро Плещеево, гдѣ, по народному преданію, они и теперь еще плаваютъ: все это такъ занимательно и такъ походить на какой-то романтическій вымыселъ, что, можетъ быть, строгій критикъ не рѣ-

шится никакъ назвать эти происшествія историческими фактами. Впрочемъ какъ-бы то ни было, но то вѣрно, что о Москвѣ упоминается въ лѣтописяхъ 12 столѣтія и что въ 1328 году Москва была уже столицею всей россіи, потому-что Іоаннъ Даниловичъ Калита перенесъ въ нее изъ Владимира свой великокняжескій престолъ. Есть еще преданіе, о которомъ я не смѣлъ-бы и заикнуться, говоря съ ученымъ профессоромъ исторіи. Въ этой легендѣ рассказываютъ о какомъ-то отшельникѣ *Букаль*, который, въ незапамятные года, жилъ на нынѣшней кремлевской горѣ, покрытой тогда сплошнымъ непроходимымъ боромъ, отъ чего этотъ холмъ и назывался въ старину *Боровицкимъ*. Теперь остались только въ Кремлѣ три памятника, напоминающіе намъ о существованіи этаго дремучаго лѣса: соборъ Спаса на бору, церковь Рождества Іоанна Предтечи на бору и Боровицкія ворота.

«Кругомъ всей Москвы считается тридцать пять верстъ; она, какъ древній Римъ и Византія, лежитъ на семи холмахъ; какъ отъ столицы святаго Константина почти вся Греція именовалась Византіею, а отъ Рима получила свое названіе вся Римская Имперія; точно также въ старину всѣ иностранцы называли Россію, по имени ея столичнаго города, *Московіею*, а Русскихъ *Москвитянами*; послѣднее названіе сохранилось и до нашего времени въ Польшѣ и Малороссіи. Сначала Кремль, вмѣсто каменныхъ стѣнъ, былъ обнесенъ дубовымъ тыномъ. Послѣ нашествія Батыя, этѣ деревянные стѣны были возобновлены; а въ 1367 году великій князь Даніилъ Ивановичъ, съ братомъ своимъ Владимиромъ, задумалъ, по словалъ лѣтописца, «поставить городъ камень Москву», то-есть обнести Кремль кирпичными стѣнами. Первую въ Москвѣ каменную соборную церковь, во имя Успенія Божіею Матери, заложилъ

святый Петръ Митрополитъ при великомъ князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ, который въ томъ-же году... »

— Здравствуй Богданъ Ильичъ!» сказалъ позади меня кто-то знакомымъ, но очень страннымъ голосомъ. Я обернулся и вскричалъ отъ удивленія. Передо мной стоялъ сосѣдъ Николай Степановичъ Соликамской, блѣдный, растрепанный, съ такимъ вывороченнымъ на изнанку лицомъ, что я не шутя испугался. «Боже мой!» сказалъ я; «здоровъ-ли ты? Что съ тобою?»

— «Да ничего, братецъ.»

— «Какъ ничего?» — продолжалъ я съ безпокойствомъ. — «На тебѣ лица нѣтъ! Ты не говоришь, а хрипишь. Ты болѣнь — точно болѣнь!»

— «Что за-болѣнь! Разстроено немного, это правда. У меня сей-часъ былъ Грибовской.»

— А! этотъ отъявленный врагъ вся-

кой русской старины! И ты вѣрно съ нимъ спорилъ?...

— «Да еще какъ! Два часа сряду.»

— «Это замѣтно.»

— «Несносный человѣкъ! для него нѣтъ ничего святаго; онъ ничему не вѣритъ, ничего не признаетъ!... Э! да лучше о немъ вовсе не говорить, а то у меня бросится опять вся кровь въ голову.... Что ты это пишешь?»

Я подалъ ему тетрадь.

— «Что это?» — вскричалъ онъ. — «Олегъ! Такъ ты вѣришь въ Олега? Ты думаешь, что Олегъ въ самомъ дѣлѣ былъ? Какой вздоръ! — Игорь и Олегъ, Аскольдъ и Диръ — все это миѡы, братецъ! Спроси у Грибовскаго, такъ онъ докажетъ тебѣ, что и Святославъ ничто иное, какъ миѡъ, не смотря на то, что византійскій историкъ, Левъ Дьяконъ, говоритъ о немъ и называетъ его Свѣнтославомъ; не смотря на то, что Несторъ.... Да что Несторъ!

Неужели ты не знаешь, что Несторова лѣтопись подложная, что она писана — какъ-бы тебѣ сказать?... лѣтъ нѣсколько тому назадъ; что «Слово о полку Игоревомъ» сочинено какимъ-нибудь перервинскимъ семинаристомъ, что все это вздоръ, выдумки!... Ужъ не думаешь-ли ты, что мамоево побоище въ самомъ дѣлѣ когда-нибудь было? — Какое легковѣріе! — Русской мужикъ выгравировалъ лубочную картинку, назвалъ ее мамеевымъ побоищемъ и всѣ наши историки ну писать о мамеевомъ побоищѣ!... А первые русскіе князья?... Неужели ты не видишь это жалкое подражаніе нашихъ лѣтописцевъ Священному Писанію и Византійскимъ Историкамъ? — У Ноя было три сына: Симъ, Хамъ и Афетъ; а у насъ три князя, Рюрикъ, Синавъ и Труворъ; у Грековъ была царица Елена, а у насъ великая княгиня Ольга. Посмотри, какими баснями наполнены наши лѣтописцы. Тутъ деревянные идолы,

которыхъ побросали въ Днѣпръ, стонуть
 человѣческими голосами; тамъ злой чаро-
 дѣй передаетъ свое имя рѣкѣ, на которой
 стоитъ Новгородъ. Правда, въ лѣтопи-
 сяхъ другихъ народовъ еще болѣе этаго
 басень, да это совсѣмъ другое дѣло! Мы
 можемъ сомнѣваться въ томъ, что дикая вол-
 чица была кормилицею Ромула, однако-жъ
 должны вѣрить, что Ромуль основалъ Римъ;
 а если мы встрѣчаемъ въ русскихъ лѣтопи-
 сяхъ, что змѣя ужалила изъ лошадинаго
 черепа Олега и что это было ему пред-
 сказано, то мы вправѣ не вѣрить, даже и
 тому, что этотъ Олегъ существовалъ. Ты
 скажешь, пожалуй, что мы, Русскіе, прои-
 сходимъ отъ Славянъ.... Какое заблужде-
 ніе!... Мы, такъ!... сбродъ, остатки какихъ-
 то неизвѣстныхъ племенъ, какая-то разно-
 боярщина — Богъ знаетъ что такое!... Да
 и сами-то Славяне что такое?... Неужели
 ты думаешь, что они были когда-нибудь
 самобытнымъ и воинственнымъ народомъ?...

Громили Византію, основывали города....
Сказки, братецъ — сказки!... А знаешь-ли
ты.....»

Тутъ Николай Степановичъ поперхнул-
ся и началъ кашлять. Я воспользовался
этой минутной остановкою, взялъ трость,
надѣлъ перчатки и сказалъ ему: «Ну пол-
но, братецъ! Пора въ Оружейную Пала-
ту.... Да брось ты этаго Грибовскаго!...
И что тебѣ за-дѣло, что онъ бредитъ
вздоръ?»

— «Какъ что за дѣло?» — вскричалъ Ни-
колай Степановичъ, продолжая откашли-
ваться. — «Вотъ этимъ-то равнодушіемъ вы
все и губите!... Что за-дѣло! Когда этотъ
клеветникъ осмѣливается говорить, что мы
происходимъ не отъ Славянъ.....»

— «Эхъ, братецъ! да развѣ мы не всѣ
дѣти Адама?... Ну не все-ли равно, отъ
кого-бы мы ни происходили? Главное толь-
ко въ томъ, что теперь-то мы Русскіе, а

объ этомъ и Грибовскій не станетъ съ тобою спорить. — Пойдемъ!»

— «И какъ можетъ придти въ голову такая дурацкая мысль?» — ворчалъ Соликамской, выходя вмѣстѣ со мною на крыльце. — «Мы происходимъ не отъ Славянъ! Да отъ кого-же?... Ужъ не отъ Китайцевъ-ли? Что мы говоримъ манжурскимъ нарѣчіемъ что-ль?... И какъ языкъ повернется у человека сказать, что Несторова лѣтопись, это перло всѣхъ древнихъ лѣтописей, ни что иное, какъ монашеская выдумка, подлогъ ...»

— «Что-жъ дѣлать, любезный,» — перервалъ я; — «у всякаго своя булабочка въ головѣ; одинъ хлопочетъ, какъ-бы доказать, что Россія существуетъ только со вчерашняго дня; другой производитъ Русскихъ по прямой линіи отъ славянскаго царя Менелая....»

— «Что-жъ это?» — сказалъ Николай

Степановичъ, садясь въ мою коляску; — «ты это погуливаешь на мой счетъ что-ль?»

Я не отвѣчалъ ничего. Пріятель мой надулся и во всю дорогу не говорилъ ни слова. Черезъ нѣсколько минутъ мы пріѣхали въ Кремль; Оружейная Палата была еще заперта.

— «Къ чему изволилъ торопиться?» — проговорилъ Николай Степановичъ, нахмуривъ брови. — «Ну что мы пріѣхали ни свѣтъ, ни заря?... Что мы будемъ теперь дѣлать?»

— «А вотъ что,» — отвѣчалъ я вылезая изъ коляски. — «Мнѣ давно хотѣлось походить съ тобою по Кремлю и поразспросить у тебя, гдѣ что прежде было. Никифоръ останется здѣсь и придетъ намъ сказать, когда отопрутъ Оружейную Палату.»

Брови у моего пріятеля раздвинулись, наморщенный лобъ сдѣлался гладкимъ — и онъ, какъ молодой человѣкъ, выпрыгнулъ изъ коляски.

— «Вѣдь это, мой другъ,» — продолжалъ я, — «твоя стихія — не правда-ли?»

Соликамской улыбнулся очень весело.

— «Ты вѣрно знаешь,» — прибавилъ я, — «древній Кремль почти также хорошо, какъ новый?»

— «Ну нѣтъ, Богданъ Ильичъ! Хотя и не также, а знаю хорошо — хорошо знаю! Съ чего-бы намъ начать?... Да вотъ, на примѣръ: извѣстно-ли тебѣ, когда построены этѣ кремлевскія стѣны?...

— «Знаю, мой другъ, знаю! При великомъ князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ.»

— «А вотъ и не знаешь!» — перервалъ съ примѣтнымъ удовольствіемъ Николай Степановичъ. — «То были другія, а этѣ построены при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ третьемъ. — А знаешь-ли ты, сколько въ Кремлѣ было воротъ?»

— «Да я думаю столько-же, сколько и теперь.»

— «Нѣтъ, Богданъ Ильичъ! Ихъ теперь

всего пять, а было шесть: Фроловскія, Никольскія, Курятныя, Боровицкія, Тайницкія и Константино-Еленискія. Фроловскія и Курятныя переименованы; первыя зовутся теперь Спасскими, вторыя Троицкими, а Константино-Еленинскія заложены.»

— «А что было на этомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Оружейная Палата?» — спросилъ я.

— «Не на самомъ этомъ мѣстѣ, а подлѣ, противъ переулка, отдѣляющаго Чудовъ монастырь отъ Сената, стоялъ домъ, а въ послѣдствіи дворецъ царя Бориса Годунова. Въ этомъ дворцѣ, по приказанію самозванца, умерщвлены супруга и сынъ Годунова, Ѳедоръ Борисовичъ, который былъ уже по праву наслѣдства царемъ русскимъ. Въ немъ-же, когда Москва стенала подъ игомъ поляковъ, жилъ польскій коронный гетманъ Жолкѣвскій. Ближе къ Троицкимъ воротамъ стояло Троицкое подворье, по имени котораго названы и ворота. Это подворье достопамятно тѣмъ, что въ немъ

совершилось избраніе на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Прямо изъ него пошелъ келарь Аврамій Палицынъ, со всѣмъ духовенствомъ и государственными сановниками, на лобное мѣсто, чтобъ объявить народу объ избраніи царя.»

— «Какъ жаль,» — сказалъ я, — что это зданіе не было поддержано.»

— «Да, конечно,» — промолвилъ со вздохомъ Николай Степановичъ; потомъ помолчавъ нѣсколько времени, прибавилъ: — «Лѣтъ около сорока тому назадъ и дворецъ Годунова и это подворье были проданы на сломку съ аукціона. Но пойдѣмъ дальше.... иль нѣтъ! постой на минуту!... Видишь-ли ты эту башню, которая стоитъ за кремлевской стѣною, въ головѣ моста, ведущаго къ Троицкимъ воротамъ?...»

— «Вижу!...Ну что-жъ такое?...»

— «Ничего. Я хотѣлъ только тебѣ сказать, что въ старину ее звали: башня ку-

тафья. Теперь повернемъ на лѣво, мимо кавалерскихъ корпусовъ.»

Мы прошли нѣсколько шаговъ; Соликамской остановился и спросилъ меня, что я вижу передъ собою.

— «Ордонансъ-гаузъ,» — отвѣчалъ я, — «комендантскій домъ, а лѣвѣ конюшенный дворъ.»

— «На этомъ-то самомъ мѣстѣ,» — сказалъ Николай Степановичъ, — «стоялъ домъ боярина Милославскаго; въ этомъ домѣ давались первыя зрѣлища въ Москвѣ и, вѣроятно, во всей Россіи; бывали иногда маскарады, въ которыхъ Нѣмцы иргали на органахъ и *фіолахъ*, и происходили разныя другія потѣхи. Когда царь Алексѣй Михайловичъ женился на первой своей супругѣ, дочери боярина Милославскаго, то этотъ домъ сталъ называться Потѣшнымъ дворцемъ. Въ послѣдствіи, при царевнѣ Софьѣ Алексѣевнѣ, давались въ этомъ дворцѣ разныя театральныя піесы,

въ родѣ древнихъ мистерій; какъ-то: Олофернъ, Притча о блудномъ сынѣ, Шемякинъ судъ; нѣкоторыя изъ этихъ піесъ, какъ полагають, были сочинены самой царевною. По словамъ издателя «статистическаго описанія москвы», театральныя представленія въ Потѣшномъ дворцѣ продолжались до 1701 года; въ этомъ году построена для нихъ, сначала на Красной площади, а тамъ у Красныхъ воротъ, такъ называемая *деревянная комедія*, которая сломана наконецъ въ 1753 году. Идя отъ Троицкихъ воротъ подлѣ первой конюшенной башни, между строеній Потѣшнаго дворца, былъ *лебединый прудъ*. Почти всѣ нынѣшніе кавалерскіе корпуса составляли одну связь и назывались *дворцовыми покоями*; въ числѣ ихъ была замѣчательна, расписанная по золоту, *Ольгина палата*, названная симъ именемъ въ честь великой княгини Ольги.»

Въ продолженіи этаго разговора мы

подошли нечувствительно къ тротуару, который окоймляетъ вершину кремлевскаго холма и съ котораго такой великолѣпный видъ на все Замоскворѣчье.

— «Вотъ направо,» — продолжалъ Соликамской, — «эта церковь во имя Рождества Іоанна Предтечи, построенная на холмѣ, отъ котораго начинается сѣздъ къ Боровицкимъ воротамъ, едва-ли послѣ Спаса на бору не самая древнѣйшая въ Москвѣ. Она первоначально была срублена изъ брусьевъ и существовала 140 лѣтъ; потомъ въ 1461 году перестроена въ каменную и стоитъ донинѣ, слѣдовательно отъ основанія ея прошло слишкомъ пять столѣтій. Прямо за нею подъ горою стоялъ *житный дворъ*; лѣвѣе по скату горы разстилались царскіе сады или, какъ говорили въ старину, *огороды*, принадлежавшіе ко дворцу царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михайловича. Въ этомъ дворцѣ было много великолѣпныхъ покоевъ: дворцовая па-

лата, золотая, средняя подписная, царицына золотая палата, *брусяная столовая изба*, въ которой происходили царскія свадебныя церемоніи, столовая набережная, сѣнники царскіе, комнатный садъ, въ которомъ водились вишни и сливы, постельная палата, отвѣтная или посольская палата, панихидная палата, крестовая палата.... Да ты меня не слушаешь, Богданъ Ильичъ!» — вскричалъ Соликамской, перервавъ свой рассказъ.

— «Слушаю, мой другъ, слушаю! Я только позаглядѣлся на этотъ прекрасный видъ.»

— «Прекрасный видъ!... Да что ты въ первый разъ чтоль смотришь отсюда на Замоскворѣчье?»

— «Да развѣ можно когда-нибудь на это насмотрѣться?»

— «Ну, Богданъ Ильичъ! ты не въ нашихъ старичковъ: они объ этомъ видно не очень думали. Знаешь-ли, что тутъ, гдѣ мы стоимъ, все было застроено; по всей закраинѣ

кремлевскаго холма, начиная отъ дворца, почти до самой Константино-Еленинской башни, тянулось сплошное строеніе, въ которомъ помѣщались всѣ приказы, а въ послѣдствіи коллегіи. Тогда проходящіе не могли любоваться этимъ прекраснымъ видомъ, который, какъ мнѣ кажется,»—прибавилъ Соликамской съ примѣтной досадой, — «занимаетъ тебя гораздо болѣе моихъ разсказовъ.»

— «Что ты, мой другъ — напротивъ! Въ первый разъ, какъ ты будешь свободенъ, я попрошу тебя обойти со мною весь Кремль.»

— «А почему-же не теперь?»

— «Теперь ты будешь моимъ чичероне въ Оружейной Палатѣ.»

— «Да она еще не отперта.»

— «Никакъ нѣтъ, сударь!»—сказалъ Никифоръ, подойдя къ намъ. — «Отперта-съ и публика такая, что и сказать нельзя! такъ другъ друга въ дверяхъ и давятъ.»

Мы отправились въ Оружейну Палату. Мимоходомъ Николай Степановичъ успѣлъ мнѣ сказать, что на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь Сенатъ, былъ нѣкогда домъ князей Трубецкихъ, конюшенный дворъ Чудова монастыря и три церкви: Козмы и Даміана, св. Петра Митрополита и Введенія Пресвятыя Богородицы. А тамъ, гдѣ возвышается огромный арсеналь, стоялъ *Стрѣleckой Лыковъ дворъ*, гнѣздо неугомонныхъ крамольниковъ, столько разъ посягавшихъ на жизнь нашего Великаго Петра.

Мы проходили часа два по обширнымъ заламъ оружейной палаты, въ которой, не смотря на множество посѣтителей, вовсе было не тѣсно. Я не берусь, да и не могу описать то, что мы видѣли въ эти два часа; самый поверхностный обзоръ любопытныхъ вещей, находящихся въ Оружейной Палатѣ, составилъ-бы томъ вчетверо болѣе этой книжки; но когда-нибудь въ

отдѣльной главѣ скажу хотя нѣсколько
словъ объ этомъ, во всѣхъ смыслахъ дра-
гоцѣнномъ хранилищѣ царскихъ сокро-
вищъ и нашей русской старины.

V.

КОНТОРА ДИЛТЖАНСОВЪ.

Завистники Россіи говорятъ, что мы имѣемъ только въ высшей степени *переимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души?... Учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

КАРАМЗИНЪ.

Я думаю, многіе изъ моихъ читателей помнятъ то время, когда доро́га между Москвы и Петербурга была самымъ тяжкимъ испытаніемъ человѣческаго терпѣнія, для того, кто ѣхалъ въ собственномъ экипажѣ, и рѣшительно наказаніемъ небеснымъ для всякаго, кто ѣхалъ на перекладныхъ. Я предпочиталъ однако-жъ всегда послѣдній способъ путешествія, точно также, какъ предпочитаютъ жестокую, но кратковре-

менную болѣзнь медленной и изнурительной, которой не видишь и конца. У меня и теперь еще волосы становятся дыбомъ, когда я вспомню про эту каменную мостовую, передъ которой всякая городская мостовая показалась-бы вамъ гладкимъ и роскошнымъ паркетомъ, и эта-то мостовая была для путешественника отдохновеніемъ, когда онъ въѣзжалъ на нее, проѣхавъ верстъ триста по дорожной бревенчатой настилкѣ, которую ужъ вѣрно-бы Данте помѣстилъ въ свой адъ, если-бъ ему случилось прокатиться по ней, въ телегѣ, верстъ полтораста или двѣсти. Теперь мы ѣдемъ отъ Москвы до самаго Петербурга по ровному шоссе, насъ не тряхнетъ ни разу, а если иногда придется проѣхать съ четверть версты по дурно-вымощенному селенію, мы начинаемъ гнѣваться и кричать, почему у насъ нѣтъ еще до сихъ поръ желѣзныхъ дорогъ и паровозовъ. Видно ужъ чело-вѣкъ такъ созданъ: онъ тотчасъ забываетъ

все дурное и привыкаетъ ко всему хорошему; я не говорю о новомъ поколѣніи: оно не знаетъ, каково было ѣздить изъ Москвы въ Петербургъ; но сколько есть людей, которые извѣдали на опытѣ эту адскую пытку, а межъ-тѣмъ весьма равнодушно поговариваютъ о петербургскомъ шоссе, какъ будто-бы оно сдѣлалось само собой и существовало еще до перваго нашествія татаръ.

Эту попытку усвоить себѣ изобрѣтеніе *битыхъ дорогъ*, конечно можно назвать подражаніемъ. Но такова участь россіи: мы долго еще должны подражать другимъ, не во всемъ — избави Господи! Я всегда былъ ненавистникомъ рабскаго, безусловнаго подражанія, которое есть вѣрный признакъ не—просвѣщенія, а грубаго невѣжества, желающаго прикинуться просвѣщеніемъ. Всякой разъ, когда я встрѣчаю русскаго человѣка, который отпускаетъ казенныя французскія фразы, одѣвается

по модному парижскому журналу, толку-
 етъ безъ толку о просвѣщеніи *запада* и
 позорить, начеми свѣтъ стоитъ, свое оте-
 чество, мнѣ кажется, что я вижу передъ
 собой какого нибудь островитянина юж-
 наго океана, на которомъ нѣтъ даже и
 рубашки, но который воображаетъ, что онъ
 одѣтъ по-европейски, потому-что на него
 надѣли галстукъ и трехъ-угольную шля-
 пу. Конечно, перенимать истинно полезное
 и хорошее должны всѣ другъ у друга,
 а и того болѣе мы, Русскіе, которыхъ
 тяжкое иго татаръ не только остановило
 на одномъ мѣстѣ, но даже отбросило на-
 задъ, въ то время, какъ западные народы,
 хотя и очень медленно, а все-таки шли
 да шли впередъ. Впрочемъ, Русь и въ
 подражаніяхъ своихъ сохраняетъ то, что
 отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ народовъ.
 Она мелочей не любитъ: ей надобно раз-
 гулье, просторъ; ей все давай въ колоссаль-
 ныхъ размѣрахъ, все считай сотнями, да

тысячами верстъ! Наше первое шоссе раскинулось не на сто, а разомъ на семьсотъ верстъ, слѣдовательно могло-бы опоясать Францію во всю ея ширину, начиная отъ савойской границы до атлантическаго Океана, и протянуться отъ Дувра до Единбурга, то есть во всю длину англїи и южной шотландїи.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ петербургскаго шоссе появились въ Россіи первыя почтовые кареты. Сначала только одно было заведеніе дилижансовъ, и, можетъ быть, они уступали нѣсколько въ удобствѣ иностраннымъ; иначе и быть не могло: всякое улучшение бываетъ слѣдствіемъ трехъ необходимыхъ условій: времени, опыта, соревнованія или, вѣрнѣй сказать, соперничества. Но теперь пусть всякой, кто бывалъ за границею, скажетъ по чистой совѣсти, есть-ли гдѣ нибудь дилижансы красивѣе, спокойнѣе и удобнѣе тѣхъ, въ которыхъ мы ѣздимъ изъ Москвы въ Петербургъ и изъ Петербурга въ

Москву? Я не говорю ничего о дешевизнѣ; разумѣется, въ Англіи не повезутъ васъ въ спокойной и просторной каретѣ отъ Дувра до Единбурга за семьдесятъ пять рублей, но это совершенно ничего не значить: цѣна есть вещь относительная и условная; благодаря Бога, у насъ деньги не сдѣлались еще самымъ дешевымъ товаромъ, слѣдовательно и цѣны на все должны быть ниже. Теперь въ Москвѣ считаютъ шесть заведеній, изъ которыхъ однѣ отправляютъ дилижансы въ Петербургъ каждый день, а другія три раза въ недѣлю. Сверхъ того одно, которое отправляетъ дилижансы въ Петербургъ и Ригу; одно въ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ; одно во Владиміръ и Нижній Новгородъ, и недавно учрежденныя при Московскомъ Почтамтѣ почтовые кареты и брики, которые поспѣваютъ въ Петербургъ въ двое сутокъ съ половиною. Всѣ эти заведенія процвѣтаютъ или, по-крайней-мѣрѣ, вовсе

не въ убытокъ своимъ основателямъ, потому-что экипажи примѣтнымъ образомъ улучшаются и дѣлаются съ каждымъ годомъ удобнѣе и спокойнѣе для путешественниковъ.

Николай Степановичъ Соликамской, съ которымъ въ предъидущей главѣ я познакомилъ моихъ читателей, заѣхалъ ко мнѣ вчера, часовъ въ восемь утра, объявить, что онъ отправляется по своимъ дѣламъ на нѣсколько дней въ Петербургъ. «Когда ты ѣдешь?» спросилъ я.

— «Сей-часъ,»—отвѣчалъ Соликамской. «Я взялъ мѣсто въ дилижансѣ, который выѣзжаетъ въ девять часовъ.»

— «Такъ я тебя провожу, а межъ-тѣмъ посмотрю хоть одно изъ этихъ заведеній. Я думаю, онѣ всѣ очень похожи одно на другое?»

— «Да, конечно. Я перебывалъ во всѣхъ конторахъ: разницы большой нѣтъ. Однако-жъ, если хочешь, такъ поѣдемъ—пора! У меня пролетки широкія, усядемся оба.»

Мы отправились и минутъ черезъ десять остановились на Тверской у подъезда лучшей московской гостиницы. Войдя въ сѣни и повернувъ на лѣво мимо великолѣпной лѣстницы, мы очутились въ просторной комнатѣ, не щеголевато убранной, однако-жъ довольно опрятной. Въ ней сидѣло нѣсколько дамъ и мужчинъ въ дорожныхъ платьяхъ. Въ одномъ углу прикидывали на вѣсахъ чемоданы, шкатулки, погребцы и разныя другія дорожныя укладки; въ другомъ сидѣлъ за прилавкомъ конторщикъ и писалъ что-то въ толстой шнуровой книгѣ. Соликамской, узнавъ, что дилижансы отправляются не прежде получаса, пошелъ въ столовую позавтракать, а я остался въ комнатѣ пассажировъ.

Когда я бываю съ людьми, совершенно мнѣ незнакомыми, то очень люблю отгадывать по ихъ физіономіи, платью, рѣчамъ и ухваткамъ, къ какому разряду общества они принадлежатъ, какого харак-

тера и что въ эту минуту ихъ занимаетъ. Разумѣется, я часто ошибаюсь, но иногда отгадываю довольно вѣрно. Нѣкоторые изъ дорожныхъ стояли подлѣ вѣсовъ и наблюдали за конторскимъ служителемъ, который взвѣшивалъ ихъ поклажи; другіе сидѣли на диванѣ и креслахъ, обитыхъ не слишкомъ красивымъ ситцемъ. Ближе всѣхъ были ко мнѣ двое отъѣзжающихъ, изъ которыхъ одинъ весьма толстый пожилой купецъ съ окладистой бородою, а другой дѣтина молодой, съ усиками, но безъ бороды, въ нанковой сибиркѣ и красной шелковой рубашкѣ съ косымъ воротомъ. Толстый купецъ считалъ что-то по пальцамъ, отъ времени до времени поглаживалъ правой рукою свою густую бороду и бормоталъ себѣ подъ носъ: «отправлено фамильнаго два мѣста, да цвѣточнаго три цибика, итого въ остаткѣ.... да, такъ точно!...»

Мнѣ не трудно было отгадать, что этотъ толстый купецъ торгуетъ въ овощномъ ря-

ду, и предпочтительно чаемъ, что онъ человекъ богатый, потому-что бѣдный торговецъ не сталъ-бы такъ важно и съ такимъ самодовольнымъ видомъ поглаживать свою бороду, и наконецъ, что онъ рассчитываетъ въ эту минуту барыши, которые должна ему принести поѣздка въ Петербургъ. Вотъ онъ шепнулъ что-то своему сосѣду, и тотъ бросился опрометью вонъ изъ комнаты; изъ этого я заключилъ, что молодецъ въ нанковой сибиркѣ его сидѣлецъ, и что толстый купецъ характера крутаго, взыскательнаго и любить, чтобъ его приказанія исполнялись безъ малѣйшаго отлагательства. Тутъ я обратилъ вниманіе на другаго дорожнаго, который сидѣлъ по-одалъ отъ всѣхъ, развальясь весьма небрежно въ креслахъ. На немъ былъ долгополый косматый сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы, а на шеѣ слабо завязанный пестрый шелковый платочекъ. При первомъ взглядѣ на его рыжеватую ко-

злиную бородку и длинные виски, въ родѣ кудрявыхъ песиковъ, я принялъ его за польскаго жида; но тотъ-часъ-же увидѣлъ свою ошибку: на немъ не было ермолки, а всѣмъ извѣстно, что польскій жидъ не разстанется ни за что съ этой скуфьею, которая отличаетъ его отъ всѣхъ иновѣрцевъ. «Такъ точно!» подумалъ я, «это какой-нибудь щеголекъ изъ панскаго ряду, которому раскольникъ-отецъ не дозволяетъ обрить бороды; но который однако-жъ желаетъ, хотя изъ-далека, идти за вѣкомъ, то-есть носить жилетку, галстукъ и, вмѣсто русскаго кафтана, долгополый сюртукъ». Въ то время, какъ я дѣлалъ этѣ наблюденія и внутренно радовался моей проицательности, гостинодворецъ съ рыжей бородкою подошелъ къ конторщику и спросилъ его—представьте мое удивленіе!—по-французски, самымъ чистымъ парижскимъ нарѣчіемъ, во сколько сутокъ дилижансы поспѣваютъ въ Петербургъ? «Ахъ,

батюшки!» подумалъ я, «принять парижанина, быть можетъ, какого-нибудь маркиза, сначала за жида, а тамъ за купческаго сына изъ панскаго ряду,—ай да отгадчикъ!...» Межъ-тѣмъ Французъ продолжалъ толковать съ конторщикомъ, который на всѣ его вопросы отвѣчалъ пошатывая головою: «не понимаю, батюшка, не понимаю! я по-нѣмецки не говорю!» Мнѣ стало жаль бѣднаго Француза, который началъ уже отъ нетерпѣнія топать ногою и произносить не вовсе приличные восклицанія. Я подошелъ къ прилавку и предложилъ ему мои услуги; но едва успѣлъ перевести отвѣтъ конторщика, какъ вдругъ подошелъ къ намъ какой-то баринъ въ плисовыхъ сапогахъ, шелковомъ ваточномъ халатѣ, подпоясанномъ носовымъ платкомъ; онъ держалъ въ одной рукѣ кожаный картузь, а въ другой шитый серебромъ сафьянный кисетъ и пѣнковую трубку съ волосянымъ чубукомъ и янтарнымъ нако-

нечникомъ. Этотъ господинъ казался очень встревоженнымъ.

— «Позвольте узнать,» — сказалъ онъ, — «кто здѣсь старшій?»

— «А что вамъ угодно?» — спросилъ конторщикъ.

— «Я, батюшка, пассажиръ, надворный совѣтникъ Щипковъ.

Конторщикъ поклонился.

— «Позвольте вамъ сказать,» — продолжалъ г-нъ Щипковъ, — «что это такое? Съ меня требуютъ за мою поклажу почти половину того, что я заплатилъ за мѣсто въ дилижансѣ.

— «Кто-жъ виноватъ, сударь, если у васъ такъ много поклажи.»

— «Да помилуйте! Все вещи нужны, необходимыя, безъ которыхъ никто въ дорогу не ѣздитъ »

Конторщикъ подошелъ къ вѣсамъ. «Это все ваша поклажа?» сказалъ онъ. «Ну, сударь! да съ вами цѣлый возъ всякаго хла-

му!... Что у васъ въ этомъ кулѣбѣ?...
Помилуйте!... Окорокъ ветчины! коровой
хлѣба!... Ахъ, батюшки! полголовы саха-
ру!...»

— «Я, сударь, всегда по дорогамъ пью
мой собственный чай.»

— «Да вѣдь это выдетъ вамъ дороже,
сударь.»

— «Покорнѣйше васъ благодарю! Я
знаю, какъ деруть съ проѣзжихъ по боль-
шимъ дорогамъ!»

— «А эта киса чѣмъ набита?... Позволь-
те, что въ этой жестянкѣ?... Ой, ой,
ой!... да ее насилу подымешь!»

— «Въ ней, батюшка, костромской та-
бакъ: я другаго не нюхаю.»

— «А это что?... Колодка.... сапож-
ныя щѣтки.... четыре пары сапоговъ.... Ну
вотъ, зачѣмъ вы это съ собой берете?»

— «Какъ, батюшка, зачѣмъ? Да что
мнѣ въ Петербургѣ-то босикомъ чтоль хо-
дить?»

— «Ну, воля ваша! только вы за все заплатите вѣсовыя деньги.»

— «Какъ за все? Да развѣ у васъ въ положеніи не сказано, что всякой пассажиръ можетъ взять съ собою....»

— «Двадцать фунтовъ поклажи.... да, сударь; а тутъ слишкомъ четыре пуда.

— «Такъ что-жъ прикажете мнѣ дѣлать?...

— «Не хотите платить, такъ оставьте все лишнее здѣсь.»

— «Покорнѣйше благодарю!... Нѣтъ, ужъ я лучше заплачѹ.»

— «Какъ вамъ угодно.»

— «Ахъ ты Боже мой!»—продолжалъ баринъ, вынувъ изъ-за пазухи довольно туго набитый бумажникъ и расплачиваясь съ конторщикомъ. «Прошу покорно! тридцать рублей за одну поклажу!... Ну вотъ скажите пожалуйста!... А еще говорятъ дешево ѣздить въ дилижансахъ!...»

— «Батюшка-баринъ!»—сказалъ въ пол-

голоса слуга этаго господина, человѣкъ лѣтъ за сорокъ, съ небритой бородою, въ фризовой шинели, подвязанной какой-то мочалкою. «Да ужъ прикажите хоть колодку-то оставить; право, она не стоить того, что за провозъ заплатите!»

— «Дуракъ! а на чемъ ты станешь въ Петербургъ-то сапоги чистить?»

— «Мы тамъ, батюшка, купимъ другую ногу.»

— «А на что мнѣ двѣ ноги?»

— «Да вѣдь одна-то придется намъ даромъ, сударь.»

— «Вотъ еще, стану я на пустяки деньги тратить!... Пошелъ, дуракъ, укладывайся! Да постой, и я съ тобою пойду: надобно уложить такъ, чтобы все было подъ руками.»

Баринъ и слуга вышли изъ комнаты, а я сѣлъ возлѣ двухъ дамъ, подлѣ которыхъ стояла съ узломъ въ рукахъ довольно смазливая служаночка. Одна изъ этихъ дамъ казалась женщиной пожилою, дру-

гой было на видъ лѣтъ около двадцати; онѣ разговаривали между собою въ полголоса. По смѣшенію французскаго языка съ нижегородскимъ, мнѣ не трудно было отгадать, что я имѣю честь сидѣть подлѣ русскихъ барынь.

— «Какъ скучно!»—говорила молодая.—
«Nous sommes venus trop tôt maman.»

— «Non ma chère! Мы приѣхали какъ должно.»

— «Такъ чего-же мы дожидаемся?...

— «Чего дожидаемся?... Порядокъ хорошъ!... Да это всегда у насъ: заведутъ на иностранный манеръ, расхвалятъ, распишутъ, а тамъ посмотришь — гадость!...»

— «Я думаю, что давно уже десять часовъ, маманъ?»

— «А что на твоихъ часахъ—voyez ma chère?»

— «Да они стоятъ.»

— «Опять не завела? Ахъ, Sophie! comme c'est ridicule!... Всякой разъ!»

Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ начать разговоръ съ моими сосѣдками: вынулъ часы, посмотрѣлъ и сказалъ: «Вамъ угодно знать который часъ? Безъ десяти минутъ девять.»

— «*Merçi, monsieur!*» — прошептала маменька. — «А я думала, что гораздо поздне.»

— «Вы изволите ѣхать въ Петербургъ?»

— «Да-съ! теперь въ Петербургъ....»

— «А оттуда à l'étranger,» — перервала съ живостію дочька, — «на пироскапъ.»

— «Позвольте спросить, вы московскія жительницы?...»

— «О, нѣтъ!» — проговорила маменька съ такой обидной улыбкою, что меня зло взяло.

— «Такъ вы,» — продолжалъ я послѣ минутнаго молчанія — «проѣздомъ въ Москвѣ?»

— «Да, мы хотѣли здѣсь пробыть однѣ только сутки и вмѣсто этаго должны были прожить цѣлыхъ двѣ недѣли.»

— «Ну что, понравилась-ли вамъ Москва?»

— «Помилуйте! да что-жъ въ ней хорошаго? Большой городъ, въ которомъ умирають отъ скуки, и больше ничего.»

— «А какой театр!»—прибавила дочка. — «Dieu comme c'est mauvais!»

— «Это ужъ слишкомъ немилостиво,»—сказалъ я, —«Впрочемъ, вѣроятно вы имѣете полное право быть взыскательными, и если вы были за границею....»

— «Ахъ, нѣтъ еще!» — промолвила со вздохомъ маменька; —«но я надѣюсь, что нынѣшнимъ лѣтомъ мы увидимъ чужіе края.»

— «Такъ конечно вы бывали въ Петербургѣ и, сравнивая тамошній театръ съ здѣшнимъ....»

— «Je vous demande pardon, monsieur!» подхватила дочка. —«Мы съ маменькой никогда не были въ Петербургѣ.»

— «Такъ позвольте-же васъ спросить, откуда вы изволите ѣхать?»

— «Изъ Костромы.»

Къ счастью, я держалъ мой платокъ въ рукѣ и успѣлъ имъ закрыться.

— «Здравствуй Богданъ Ильичъ!»—сказалъ кто-то подлѣ меня густымъ басомъ; я обернулся и увидѣлъ передъ собою моего стараго сослуживца, Андрея Даниловича Ерусланова, съ которымъ мнѣ должно познакомить короче моихъ читателей. Андрей Даниловичъ человѣкъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, плечистый, здоровый и краснощекій. Онъ можетъ по всей справедливости назваться, и въ моральномъ и въ физическомъ смыслѣ, самымъ чистымъ, безъ всякой примѣси, русскимъ человѣкомъ. Русская безпечность и русской толкъ; радушіе и удалство, по временамъ необычайная дѣятельность и подѣ-часъ непреодолимая лѣнь; однимъ словомъ, вы найдете въ немъ все то, въ чемъ упрекаютъ и за что хвалятъ русской народъ. Не смотря на то, что многіе называютъ его

старовѣромъ, невѣждою, отсталымъ, онъ человѣкъ образованный, много читалъ, много видѣлъ; но вообще небольшой обожатель запада и любитъ Русь, какъ любили ее въ старину наши предки, то-есть не только съ пристрастіемъ, но даже съ ослѣпленіемъ, которое иногда, надобно сказать правду, выходитъ изъ всѣхъ границъ.

— «Здравствуй Андрей Даниловичъ!» — сказалъ я. — «Ты также отправляешься въ дилижансъ?»

— «Въ дилижансъ?... Что ты, братецъ, перекрестись! Я зашелъ проститься съ Соликамскимъ. Поѣду я въ дилижансъ! Вотъ нашелъ человѣка!»

— «А почему-же не поѣдешь? Если-бъ мнѣ нужно было прокатиться въ Петербургъ, я непременно-бы поѣхалъ въ дилижансъ.»

— «Поѣхалъ! Да кто тебѣ сказалъ, что ты ѣдешь въ дилижансъ? Нѣтъ, не ѣдешь: тебя везутъ, голубчикъ! Напехають васъ

въ этотъ курятникъ, какъ тюки съ товарами, да и потащутъ!...»

— «А тебѣ-бы все скакать сломя голову.»

— «Да воля твоя, Богданъ Ильичъ, не люблю я этой акуратной нѣмецкой ѣзды. Ну какая въ ней поэзія?... Тоска, братецъ! Въдь наша Русь не то, что чужіе края: тамъ живутъ тѣсно; проѣхалъ версту—село; проѣхалъ двѣ—пригородье; а верстахъ на десяти въ трехъ городахъ побываешь. Въ одномъ государствѣ позавтракаешь, а въ другомъ придется отобѣдать. Нѣтъ, братъ! русская земля не то: и широко, и просторно, и гладко, такъ-что ты себѣ хоть шаромъ покати. Поѣзжай-ка у насъ въ дальнюю дорогу въ какомъ-нибудь рыдванѣ нѣмецкой трухою, съ ума сойдешь! Все то-же, да то-же въ глазахъ. Ну то-ли дѣло нашъ родимый экипажъ? И безпокойно, да весело. Заляжешь въ просторную телегу, завернешься въ шинель, да и покаты-

вай! Эхъ, какъ вспомнишь, братецъ! случится иногда попасть на удалаго ямщика, — ахъ ты Господи! коренная рвется изъ оглобель, пристяжныя визжать; — ну вотъ такъ и грызутъ землю!... Бравый ямщикъ встрехнётъ кудрями, шапку на бекрень, присѣлъ кой-какъ бочкомъ, прибралъ возжи, гаркнулъ и свѣта Божьяго не взвидишь! Только-что по кочкамъ попрыгиваешь, да любишься русской удалю. Кати лихая тройка! захлебывайся валдайскій колокольчикъ! летите мимо поля, лѣса и перелѣски!... Любо да и только! — Вотъ засинѣлся вдали черный боръ ... глядь, а ты ужъ и въ немъ!... Вотъ порой проглянетъ деревенька, мелькнетъ въ сторонѣ боярская усадьба, — ау!... поминай какъ звали!... ну словно вихремъ несетъ тебя на край свѣта, словно крылья тебѣ подвязали и ты мчишься туда, гдѣ небо сходится съ землею!... Вотъ это, братецъ, ѣзда!... Не успеешь оглянуться, а станція и тутъ! —

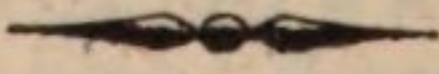
Хлебнулъ чайку, впрягли и пошелъ опять по всѣмъ по тремъ!»

— «А бока-то что, Андрей Данилыч?»

— «Бока!... Эхъ, братецъ, не русской ты человѣкъ!... Эка важность, отобьетъ тебѣ бока, ну что за бѣда?... Приѣхалъ домой, сходилъ въ баню и какъ съ гуся вода!»

— «Пожалуйте садиться!» — проговорилъ громкимъ голосомъ кондукторъ, растворивъ обѣ половинки дверей. Всѣ поднялись съ своихъ мѣстъ и стали по немногу выбираться изъ комнаты; я вышелъ также вмѣстѣ съ другими на крыльце. Въ нѣсколько минутъ оба дилижанса наполнились пассажирами; но Соликамскаго между ими не было. Я поспѣшилъ воротиться назадъ и нашелъ его въ столовой комнатѣ, — вы думаете за завтракомъ? Нѣтъ! передъ нимъ стояли двѣ котлеты и порція бифтекса; но онъ еще до нихъ не дотрогивался, а спорилъ съ какимъ-то ученымъ мужемъ, который, сколько я могъ понять, сомнѣвался

въ подлинности извѣстнаго Острожскаго Евангелія, писаннаго Дьякономъ Григоріемъ, въ началѣ второй половины одиннадцатаго столѣтія. Я засталъ этотъ ученый диспутъ въ самомъ его разгарѣ, и надобно сказать правду, не случись меня на ту пору, пришлось-бы Соликамскому гнаться за своимъ мѣстомъ и чемоданомъ до первой станціи. Когда я почти насильно вытащилъ его изъ столовой, дилижансы уже отправились, и мы съ трудомъ догнали ихъ у Петровской заставы, да и то потому только, что тутъ обыкновенно всѣ проезжающіе останавливаются на нѣсколько минутъ, чтобъ прописаться въ караульной и заpastись на всю дорогу Московскими калачами и сайками.

VI.

ДВА МОСКОВСКИХЪ БАЛА ВЪ 1801 ГОДУ.

... Я провожу, говоритъ, время
съ крайнимъ удовольствіемъ; ба-
рышень, говоритъ, много, музыка
играетъ, штабдартъ скачетъ. ...

Гоголь.

Во второй главѣ этѣхъ записокъ я на-
мекнулъ мимоходомъ о ложномъ понятіи,
которое многіе изъ петербургскихъ жи-
телей имѣютъ о Москвѣ. Москва, по мнѣ-
нію ихъ, конечно большой городъ, но го-
родъ рѣшительно провинціальный, въ ко-
торомъ вы должны непременно подвергаться
разнымъ лишеніямъ, весьма чувствитель-
нымъ для человѣка, привыкшаго ко всѣмъ

удобствамъ и роскоши петербургской жизни. Да это-бы еще ничего — пускай-бы ужъ они думали, что въ Москвѣ, точно также какъ въ Новгородѣ или въ Архангельскѣ, все порядочное должно выписывать прямо изъ Петербурга; но эти господа полагаютъ даже, что большая часть жителей москвы, и средняго и высшаго класса, имѣетъ на себѣ *какой-то особый отпечатокъ*, что почти всѣ Москвичи сплошь Фамусовы, Репетиловы, Молчалины и Загорѣцкіе *. Я долженъ однако-жъ сказать, что этотъ образъ мыслей принадлежитъ почти исключительно только тѣмъ, которые никогда не бывали въ Москвѣ, и весьма рѣдко встрѣчается у людей, живущихъ въ лучшемъ обществѣ; но за то ступайте къ какому-нибудь петербургскому старожилу, который во всю жизнь свою не видалъ ничего выше Пулковой горы и живописнѣе Парголова, у котораго свой домъ

* Дѣйствующія лица комедіи «Горе отъ ума».

на Пескахъ, въ Коломнѣ или у Таврическаго, и который, нанимая каждое лѣто избѣнку на Петербургской или Выборгской сторонѣ, съ тридцатью квадратными саженьями болота и пятью тощими берѣзками, воображаетъ, что живетъ на дачѣ. Заговорите съ нимъ о Москвѣ, и вы увидите, что онъ въ грошъ ее не ставитъ, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ появилась на сценѣ комедія Грибоѣдова. Какъ будтобы есть въ цѣломъ мірѣ такой городъ, въ которомъ не нашлось-бы дюжины двѣ комическихъ лицъ, и какъ будто-бы этѣ лица должны быть непременно представителями и образчиками цѣлаго общества? Конечно, Москва во многомъ не походитъ на Петербургъ, но это вовсе не оправдываетъ мнѣнія тѣхъ, которые воображаютъ, что она отстала отъ него цѣлымъ столѣтіемъ. Разумѣется, Москва, какъ и всякой большой городъ, имѣетъ свою собственную физіономію: въ ней еще сохрани-

лись кой-какія преданія старины, нѣкоторые общественные и религіозные обычаи, не извѣстные въ нашей сѣверной столицѣ. Вы встрѣтите въ ней оригиналовъ, которыхъ, можетъ быть, не увидите въ Петербургѣ. Вамъ попадется иногда на Тверскомъ бульварѣ отчаянный франтъ въ такомъ фантастическомъ нарядѣ, что вы невольно остановитесь. Вѣроятно вы не увидите также на Невскомъ проспектѣ какого-нибудь барина въ уродливомъ картузѣ собственнаго изобрѣтенія или въ *полто*, похожемъ на широкую юбку съ рукавами, или въ шляпѣ величиною съ открытый зонтикъ. Въ Петербургѣ даже и въ крещенскіе морозы всѣ ходятъ въ обыкновенныхъ круглыхъ шляпахъ, а въ Москвѣ зимою носятъ бровые коскеты, ериванки и круглыя шапки съ кистями, похожія на греческія *фески*. Конечно, это нѣсколько напоминаетъ Азію, да за то головѣ тепло и уши не зябнутъ. Что-жъ дѣлать, мы, Москвичи, на-

родъ смирный, по большей части отставные, живемъ на покоѣ — такъ гдѣ намъ воевать съ морозомъ. Теперь я спрошу всякаго: неужели этѣ мелкія и ничтожныя особенности что-нибудь значать? Неужели Москва не можетъ быть такимъ-же просвѣщеннымъ городомъ, какъ и Петербургъ, потому только, что въ ней побольше пестроты и разнообразія? — Повѣрьте, не только Москва, но и провинціи наши вовсе не походятъ на то, чѣмъ онѣ были лѣтъ сорокъ тому назадъ. Тогда — о, тогда, конечно, московское общество отдѣлялось рѣзкими чертами отъ петербургскаго; но это время прошло и, вѣроятно, ужъ не воротится. Я давно живу на свѣтѣ, такъ помню эту старину. Я не забылъ еще того времени, когда существовало въ Москвѣ старое поколѣніе коренныхъ русскихъ бояръ, когда графъ Ш****, графъ Р****, князь Д****, графъ О****, графъ С**** и нѣкоторые другіе, были по

праву представителями московской аристократіи. Всѣ эти магнаты жили съ необычайной роскошью; но эта роскошь была совершенно азіятская. Огромные дома, по большой части убранные безъ всякаго вкуса, безчисленное множество слугъ, крепостные театры, доморощенные танцовщицы, домашніе оркестры, ежедневные обѣды, богатые не качествомъ, а количествомъ блюдъ, и балы, на которые съѣзжалась вся Москва. Многіе изъ петербургскихъ жителей думаютъ, что этотъ образъ жизни, но только въ уменьшенномъ размѣрѣ, и слѣдовательно лишенный даже своего восточнаго характера, и теперь еще не въ диковинку у насъ въ Москвѣ. Я могу увѣрить ихъ, что они рѣшительно ошибаются, и чтобъ дать понятіе — не имъ, а моимъ согражданамъ, до какой степени въ теченіи послѣднихъ сорока лѣтъ измѣнились нравы и обычаи нашей москвы, расскажу, что видѣлъ нѣкогда собственны-

ми моими глазами; хотя увѣренъ заранѣе, что этотъ разсказъ примутъ многіе за вымыселъ и только развѣ самые довѣрчивые скажутъ покачивая головами:

«Свѣже преданіе, а вѣрится съ трудомъ.»

Я воспитывался въ Петербургѣ въ первомъ кадетскомъ корпусѣ и зналъ Москву по одной только наслышкѣ. Когда я былъ выпущенъ офицеромъ, дальній мой родственникъ, генералъ Д^{***}, взялъ меня къ себѣ въ адъютанты. Онъ ввелъ меня въ лучший кругъ петербургскаго общества. Я былъ хорошъ собою, ловокъ, танцевалъ прекрасно и болталъ очень мило по-французски. Благодаря этимъ блестящимъ качествамъ, я сдѣлался въ короткое время самымъ моднымъ молодымъ человѣкомъ. Въ числѣ искреннихъ моихъ пріятелей былъ одинъ природный Москвичъ, Иванъ Андреевичъ Двинской. Отправляясь передъ Рождествомъ на свою родину, онъ пред-

ложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ, провести въ Москвѣ святки и посмотрѣть, какъ погуливаютъ тамъ наши старики. — «Эхъ, братецъ!» — говорилъ онъ, — «вы здѣсь не знаете, что такое веселье. Погляди-ка, любезный, какъ тѣшутся у насъ въ Москвѣ. По два, по три бала въ вечеръ, домашніе театры, обѣды, катанья; у Медокса въ маскерадѣ биткомъ набито, въ Благородномъ Собраніи давка; однимъ словомъ, такая гульба, братецъ, что когда придетъ великій постъ, такъ всѣ въ растяжку лежать. Ну, конечно, ты не найдешь у насъ такого утонченія, такихъ парижскихъ формъ, такого приличія, какими щеголяютъ здѣсь. Можетъ быть, кой-что покажется тебѣ и страннымъ, да за то, любезный другъ, мы въ Москвѣ и живемъ, и веселимся, и гуляемъ все на распашку!» — Увлеченный краснорѣчіемъ моего пріятеля, я взялъ отпускъ и отправился вмѣстѣ съ нимъ въ Москву. Мы приѣхали на четвертые сутки

довольно поздно вечеромъ и остановились у родной тетки Двинскаго, Марьѣ Степановнѣ Заозерской, которая жила въ своихъ наслѣдственныхъ деревянныхъ хоромахъ на Чистыхъ прудахъ. Я не знаю, что больше меня поразило, наружная-ли форма этаго дома, построеннаго въ два этажа какимъ-то узкимъ, но чрезвычайно длиннымъ ящикомъ, или огромный дворъ, на которомъ наставлено было столько флигелей, клѣтушекъ, клевушковъ, анбаровъ и кладовыхъ, что мы въѣхали въ него точно какъ будто въ какую-нибудь деревню. Въ лакейской мы разбудили нашимъ приходомъ двухъ слугъ, которые преспокойно почивали на деревянномъ коникѣ; одинъ изъ нихъ былъ въ поношенной ливреѣ съ напудреной головою, другой въ суконномъ сюртукѣ съ оборванными петлицами. Съ просонья они кинулись какъ шальные скидать съ насъ шубы, засуетились и уронили столикъ о трехъ ножкахъ, на кото-

ромъ стояла шашечница и горѣла сальная свѣча, воткнутая въ бутылку. На этотъ шумъ вышелъ изъ столовой и, къ счастью, со свѣчею толстый старикъ, въ нѣмецкомъ кафтанѣ и камзолѣ, съ красной рожею, отвислымъ подбородкомъ и огромнымъ чревомъ: это былъ дворецкой Марьи Степановны. — «Батюшка Иванъ Андреевичъ!» вскричалъ онъ, увидѣвъ племянника своей барыни. — «Милости просимъ!... Пожалуйста ручку!»

— «Здравствуй Трифонъ Семеновичъ!» — сказалъ Двинской. — «Ну что тетушка?»

— «Все слава Богу!... Ужъ мы васъ, сударь, ждали, ждали!»

— «Что, тетушка дома?»

— «Какъ-же, батюшка, дома-съ! въ бо-скетной.... Пожалуйста!»

Толстый Трифонъ Семеновичъ пошелъ передъ нами со свѣчею. Пройдя большую столовую и двѣ гостиныя, мы подошли къ полураствореннымъ дверямъ освѣщенной

комнаты. Дворецкой распахнулъ обѣ половинки дверей и проговорилъ торжественнымъ голосомъ: «Иванъ Андреевичъ, сударыня!» — Вмѣстѣ съ этими словами поднялась ужасная кутерма: тетушка-старушка, лѣтъ шестидесяти пяти, въ гродетуровомъ шлафоркѣ и бѣломъ чепцѣ, съ радостнымъ восклицаніемъ вскочила съ дивана. Весь дворъ ея пришелъ въ движеніе: зеленый попугай засвистѣлъ какъ соловей-разбойникъ, со всѣхъ сторонъ кинулись къ намъ подѣ ноги съ громкимъ лаемъ три болонки, двѣ моськи и одна поджарая англійская собаченка. Пожилая калмычка, Федосья Тихоновна, вскрикнула, молоденькая фаворитка Глашенька ахнула, а Михѣичъ, безобразный карло, съ огромной головою, бросился унимать собаченку, изъ которыхъ одна успѣла ужъ мнѣ прокусить сапогъ.

— «Другъ мой, Ваничка!» — говорила Марья Степановна, обнимая своего пле-

мянника. — «Насилу ты приѣхалъ!... А я ужъ думала, не случилось-ли что съ тобою?... Ахъ, ты мой душенька!... Да ты, мнѣ кажется, потолстѣлъ?... Право потолстѣлъ!... Ну, слава Богу!... Давно-ли ты изъ Петербурга?... Говорятъ, дорога такая гибель, что не приведи Господи!... А вѣдь ты, я думаю, все скакалъ!... Да что это у тебя носъ-то?... Ужъ не отморожилъ-ли?... Пстой-ка!... Нѣтъ, нѣтъ! обвѣтрило только!... Ахъ ты мой сердечный!... То-то чай умаился!... Глашенька, чаю!... Проворнѣй! проворнѣй!... Однако-жъ, Ваничка, послушайся меня: какъ ляжешь спать, натри себѣ носъ гусинымъ саломъ. Феничка, приготовь ему!... Право, я боюсь! кажется прихватило немножечко!... Ахъ ты, мой милый другъ!... Ахъ ты мой голубчикъ!...»

Во все продолженіе этой семейной сцены я игралъ довольно жалкую ролю; казалось, никто не замѣчалъ моего присут-

ствія; наконецъ Двинскому удалось промолвить словечко. — «Тетушка,» — сказалъ онъ, — «честь имѣю вамъ рекомендовать моего искренняго друга и сослуживца, Богдана Ильича Бѣльскаго.»

Я, какъ слѣдуетъ, подошелъ къ рукъ.

— «Ахъ, батюшка!» — сказала Марья Степановна, цалуя меня въ щеку; — «извините! я совсѣмъ обезумѣла отъ радости!...»

— «Я уговорилъ его прѣхать со мной въ Москву», — продолжалъ Двинской — «и надѣюсь, тетушка, вы не позволите ему жить ни гдѣ, кромѣ вашего дома.»

— «Разумѣется!... Очень рада, Богданъ Ильичъ!... Будьте здѣсь, какъ у себя.... Всѣ друзья моего Ванички мнѣ свои.»

— «Но мнѣ, право, совѣстно....» — проговорилъ я.

— «Что вы, что вы?... Да неужели я допущу васъ жить въ какомъ-нибудь трактирѣ? Нѣтъ, батюшка, этого въ Москвѣ не водится.... Можетъ быть, у васъ въ

Петербургъ.... А мы живемъ по старинѣ!—
Милости просимъ гостить у меня, хоть
вплоть до самой весны.... Чѣмъ дольше,
тѣмъ лучше!... Феничка! займись-ка, мату-
шка, вели прибрать зеленую, да голубую
комнаты.... Да скажи Трифону, чтобъ онъ
поторопился ужиномъ....»

— «Позвольте намъ не ужинать,» — ска-
залъ Двинской.

— «Не ужинать! Что ты, мой другъ? Мо-
жетъ быть, у васъ въ Петербургъ не ужи-
наютъ—по иностранному, а мы люди рус-
скіе, мы всегда ужинаемъ.»

— «Да мы сей-часъ будемъ пить чай,
тетушка.»

— «Чай чаемъ, батюшка, а ужинъ ужи-
номъ. Да что это мы стоимъ?... Богданъ
Ильичъ, прошу покорно! Садись, Ваничка!»

Мы сѣли; и вотъ тетушка принялась
разсказывать племяннику разныя семейныя
и городскія новости: какъ двоюродный бра-
тецъ Степанъ Степановичъ женился на Ан-

нѣ Дмитріевнѣ Фурсиковой; какъ дядюшка Иванъ Николаевичъ отказалъ полковнику Бирюлькину, который вздумалъ посвататься за его старшую дочь Агаточку; какъ двѣ недѣли тому назадъ въ маскарадѣ у Медокса одна тульская помѣщица разрѣшилась отъ бремени; какъ на послѣднемъ балѣ у графа О**** княжна Филанцета Дмитріевна поссорилась съ княжной Ариной Михайловной за то, что та перебила у нее пару въ длинномъ польскомъ; какъ Аграфена Тихоновна подымала Иверскую Божию Матерь, по случаю тяжелой болѣзни своего мужа, которому, благодаря Бога, теперь гораздо лучше; какъ Иванъ Павловичъ третьяго-дня завелъ ужасную исторію въ Благородномъ Собраніи и вызывалъ на дуэль Алексѣя Степановича, который былъ во второй парѣ и, не спросясь у него, перемѣнилъ фигуру въ экосесѣ, и какъ Настасья Прохоровна отказала отъ дому князю Башлыкову за то, что онъ не при-

ѣхалъ самъ, а прислалъ человѣка поздравить ее со днемъ ангела. Этотъ длинный монологъ продолжался до самаго ужина, послѣ котораго мы отправились въ отведенныя намъ комнаты, раздѣлись и, утнувъ въ огромныхъ пуховикахъ, заснули какъ убитые.

На другой день по-утру Двинской поѣхалъ дѣлать визиты, а я отправился смотреть Москву. Я воротился домой ровно въ два часа и, къ крайнему моему удивленію, узналъ, что меня давно уже ожидаютъ къ обѣду. За столомъ Двинской объявилъ мнѣ, что я буду вечеромъ на двухъ балахъ; во-первыхъ у Катерины Львовны Завулоновой, а потомъ у графа О****.

— «У Катерины Львовны немножко тѣсненько,» — сказалъ мой пріятель: — «домикъ небольшой; но она такая милая, умная женщина! Вся Москва ее любитъ и уважаетъ. У нее чрезвычайно обширное знакомство, и хотя она сама принадлежитъ къ лучшему

здѣшнему кругу, но ты встрѣтишь у нее образчики почти всѣхъ здѣшнихъ обществъ. Мы поѣдемъ къ ней часу въ осьмомъ, пробудемъ до девятаго и отправимся къ графу; тамъ ты увидишь всю московскую аристократію. Самъ хозяинъ въ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ,—разумѣется и всѣ гости также въ мундирахъ; однако-жъ это ни мало не мѣшаетъ веселиться не только молодымъ, но даже и весьма пожилымъ людямъ, изъ которыхъ многіе такъ-то выплясываютъ матрадуры да экосесы, что любо-дорого посмотришь. Вотъ, припомни мои слова: когда станутъ танцовать алагрекъ, такъ въ первой парѣ непременно будетъ кавалеръ въ лентѣ и звѣздѣ. Нѣтъ, мой другъ! у насъ въ Москвѣ не то, что у васъ: у насъ старики подають примѣръ молодымъ какъ веселиться. Да за то ужъ мы и веселимся не по вашему.»

— «Правда!» — примолвила тетушка. — «Въ Москвѣ какъ начнутъ веселиться, такъ

нѣкогда и лба перекрестить! А коли придетъ желанье Богу помолиться, такъ наша матушка Москва и на это хороша. Святой городъ, батюшка!... Была-бы только охота, а то и въ Кіевъ не зачѣмъ ѣхать.»

Мы отправились съ Двинскимъ ровно въ семь часовъ и приѣхали почти въ половинѣ осьмага къ Катеринѣ Львовнѣ Завулоновой. Мы сбросили наши шинели въ передней и продрались кой-какъ сквозь толпу лакеевъ, изъ которыхъ иные были навьючены, какъ верблюды, салопами и шубами своихъ господъ. Въ небольшой залѣ, освѣщенной сальными свѣчами, танцовали круглый польскій. Съ величайшимъ трудомъ пробираясь подлѣ самой стѣнки, дошли мы наконецъ до хозяйки дома. Двинской меня представилъ. Катерина Львовна наговорила мнѣ тму пріятныхъ вещей, и надобно сказать правду, въ нѣсколько минутъ очаровала меня совер-

шенно своей любезностью и милымъ обращеніемъ. Между-тѣмъ польской кончился и музыканты заиграли экосесъ; прежде чѣмъ мы съ Двинскимъ отыскали себѣ танцовщицъ, во всю длину залы вытянулись уже два фронта, одинъ изъ кавалеровъ, а другой изъ дамъ, и намъ рѣшительно нѣгдѣ было приотиться. Въ эту самую минуту подбѣжалъ къ хозяйкѣ довольно рослый горбунъ въ полосатомъ сюртукѣ. — «Катерина Лимоновна!» — сказалъ онъ; — «Катерина Лимоновна! посмотри, какъ я отхватаю лекасею!» И съ этимъ словомъ, припѣвая подъ музыку какія-то не слишкомъ пристойныя рифмы, онъ ворвался въ средину экосеса и пустился догонять въ присядку первую пару, которая сходила внизъ.

— «Что это, братецъ, такое?» — сказалъ я, не вѣря глазамъ моимъ.

— «Это Федька Горбунъ,» — отвѣчалъ весьма хладнокровно Двинской. — «Онъ

одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ московскихъ дураковъ — преумная бестія!... Однако здѣсь становится очень душно; пойдѣмъ въ другія комнаты.»

Мы вошли въ первую гостиную, въ которой было также тѣсно, потому-что столахъ на пяти играли въ бостонъ. Подлѣ одного изъ играющихъ, толстаго барина съ владимирскимъ крестомъ на шеѣ, стояла дама лѣтъ тридцати, одѣтая не только безъ всякихъ претензій, но даже съ какимъ-то неряшествомъ. Въ ея грубомъ и мужиковатомъ голосѣ не было ничего женскаго; точно также, какъ и въ продолговатомъ лицѣ, котораго рѣзкія черты выражали однако-жъ какое-то добродушіе. Въ ту минуту, какъ мы вошли въ гостиную, она говорила толстому барину: «Врешь, врешь князь, давай синенькую!»

— «Да у меня, кажется, нѣтъ мелкихъ,» — проговорилъ толстый баринъ, раскрывая нѣхотя свой бумажникъ.

— «Все равно, я сдамъ!... Да вотъ синенькая, давай ее — давай!... А! Иванъ Андреевичъ!» — продолжала она увидѣвъ Двинскаго; — «какими судьбами?»

— «Вчера приѣхалъ изъ Петербурга,» — отвѣчалъ мой пріятель, поцаловавъ съ большимъ почтеніемъ ея вовсе не прелестную ручку.

— «Полно, полно врать! Чай недѣли двѣ живешь въ Москвѣ, а ко мнѣ глазъ не покажешь! Хорошь, батюшка, очень хорошь!»

— «Право, я вчера только приѣхалъ; спросите у тетушки.»

— «Ну добро, добро! Богъ тебя проститъ!... Давай синенькую!... Для бѣдной вдовы.... пятеро дѣтей.... ѣсть нечего; — жалость такая, что не приведи Господи!»

— «Позвольте ужъ мнѣ предложить вамъ десять рублей,» — сказалъ Двинской, подавая ей красную ассигнацію.

— «Спасибо, мой отецъ, спасибо!» — говорила барыня, поклонясь въ поясъ Двинскому. — «Вотъ это Богъ тебѣ зачтетъ! Это ужъ, батюшка, истинно добровольное подаяніе!»

— «Да,» — подумалъ я — «по русской половицѣ: добровольно, наступя на горло.»

— «Э!» — вскричала барыня. — «Да вонъ, кажется, Ведеркинъ!... Съ него можно и бѣленькую слупить — откупщикъ! Чай такъ-то разбавляетъ свое вино водицею!... Прокофій Сергѣичъ!... Прокофій Сергѣичъ!...»

Но догадливый откупщикъ какъ будто-бы не слышалъ и спѣшилъ продраться въ залу, чтобъ какъ-нибудь улизнуть отъ этой сборщицы добровольныхъ подаяній. Она пустилась за нимъ въ погоню, а мы пошли далѣе. «Что это за строгая барыня?» спросилъ я у Двинскаго.

— «Это очень извѣстная дама, Настасья Парменовна Нахрапкина; её знаетъ вся Москва.»

— «Ну, мой другъ, если у васъ много такихъ дамъ....»

— «А что? Тебѣ не нравится ея слишкомъ простодушный тонъ?... Да на это никто не обращаетъ вниманія; всѣ къ этому привыкли. Конечно, она походитъ нѣсколько на переодѣтаго мужчину, не слишкомъ вѣжлива, и коли примется кого-нибудь отработывать, такъ я тебѣ скажу!... Но не смотря на это, женщина предобрая, и если надобно бѣдному помочь или оказать услугу, кому-бы то ни было, знакомому или незнакомому, всегда первая.»

Пройдя вторую гостиную, мы остановились въ дверяхъ небольшого покоя, который, вѣроятно, по случаю бала превратился изъ спальни въ пріемную комнату. Посреди этой комнаты стоялъ длинный столъ, покрытый разными галантерейными вещами. Золотыя колечки, сережки, запонки, цѣпочки, булавочки и всякія другія

блестящія бездѣлушки разложены были весьма красиво во всю длину стола, покрытаго краснымъ сукномъ. За столомъ сидѣлъ старикъ съ напудреной головою, въ черномъ фракѣ и шитомъ разными шелками атласномъ камзолѣ. Наружность этого старика была весьма пріятная, и судя по его благородной и даже нѣсколько аристократической физіономіи, трудно было отгадать, какимъ образомъ онъ могъ попасть за этотъ прилавокъ. Да, прилавокъ, потому-что онъ продалъ при насъ двумъ дамамъ, одной золотое колечко съ бирюзю, а другой небольшое черепаховое опало съ золотой насѣчкою; третья барышня, лѣтъ семнадцати, подошла къ этому прилавку, вынула изъ ушей свои сережки и сказала: «Вотъ возьмите! Маменька позволила мнѣ промѣнять мои серги. Только, воля ваша, вы много взяли придачи;—право, десять рублей много!»

— «Ну вотъ еще много!» — перервалъ

купецъ. «Да твои-то сережки и пяти рублей не стоятъ.»

— «Ахъ, что вы, князь!» — возразила барышня. — «Да я за нихъ двадцать пять рублей заплатила.»

— «Князь!» — повторилъ я шепотомъ.

— «Да, Богданъ Ильичъ,» — сказалъ мнѣ на ухо Двинской. — «Это отставной бригадиръ князь Н****. Онъ промоталъ четыре тысячи душъ наслѣдственного имѣнья и теперь видишь чѣмъ промышляетъ. Ты будешь часто встрѣчать его сіятельство съ этимъ-же самымъ подвижнымъ магазиномъ; съ нѣкотораго времени онъ сдѣлался почти необходимой принадлежностью всѣхъ баловъ.»

— «Ну, какія я вижу у васъ чудеса!»

— «И, мой другъ, да это что еще! Посмотрѣль-бы ты наши гулянья, а особливо лѣтъ десять тому назадъ. Этотъ бѣдный князь торгуется поневолѣ, а тамъ по собственной охотѣ выкидываютъ иногда

такія балаганныя штуки, что глазамъ своимъ не вѣришь. Вотъ, на примѣръ, извѣстный богачъ Д**** выѣхалъ однажды въ такомъ экипажѣ, что ужъ подлинно ни перомъ описать, ни въ сказкѣ разсказать,—все на перекоръ симетріи и здравому смыслу: на запяткахъ трехъ-аршинный гайдукъ и карлица, на козлахъ кучеромъ мальчишка лѣтъ десяти, а форейторомъ старикъ съ сѣдой бородою; лѣвая коренная съ верблюда, правая съ мышъ. Другой баринъ не покажется на гуляньѣ иначе, какъ верхомъ, съ огромной пѣнковой трубкою, а за нимъ цѣлый поѣздъ конюховъ съ заводными лошадьми, покрытыми персидскими коврами и цвѣтными попонами. Третій не хочетъ ничего дѣлать какъ люди: зимою ѣздитъ на колесахъ, а лѣтомъ на полоскахъ; четвертый.... Да гдѣ перечесть всѣхъ нашихъ московскихъ затѣйниковъ. Воля, братецъ!... Народъ богатый, отставной; что пришло въ голову, то и дѣлаетъ.

Но вотъ, кажется, первый экосесъ кончился; пойдёмъ скорѣй ангажировать дамъ на второй. Черезъ полчаса намъ должно ѣхать, такъ третьяго не дождемся; а вѣдь, право, не ловко, если ты для перваго раза вовсе танцовать не будешь.»

Мы пошли опять въ залу, протанцовали одинъ экосесъ, потомъ отправились въ тихомолку и черезъ четверть часа попали въ веревку, то-есть въ длинный рядъ экипажей, который начинался за полверсты отъ дома графа О****. Вотъ наконецъ дошла и до насъ очередь. Я воображалъ, что увижу огромныя каменные палаты, и вмѣсто этого мы подъѣхали къ большому деревянному дому, вовсе не красивой наружности. Внутренность его также не ослѣпила меня своимъ великолѣпемъ. Конечно, комнаты были просторны и отдѣланы богаче, чѣмъ въ домъ Катерины Львовны Завулоновой; но за то онѣ почти всѣ были обезображены огром-

ными изразцовыми печами, самой старинной и неуклюжей формы. Безчисленное множество слугъ, и богато и бѣдно одѣтыхъ, разсыпано было по всему дому. Въ танцевальной залѣ, также не очень великолѣпной, но довольно обширной, гремѣла музыка. Мы нашли въ этой залѣ почти всѣхъ гостей и самого хозяина, который, въ полномъ мундирѣ и во всѣхъ орденахъ своихъ, сидѣлъ посреди первыхъ сановниковъ и почетныхъ московскихъ дамъ. Этотъ аристократическій кругъ, этѣ кавалерственныя дамы и сѣдые старики въ лентахъ и звѣздахъ, эта толпа молодыхъ людей, которые всѣ, безъ исключенія, были въ мундирахъ, все это вмѣстѣ придавало какой-то важный и торжественный видъ балу, который во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, конечно, не могъ-бы назваться блестящимъ. Двинской подвелъ меня къ хозяину; онъ обошелся со мной очень просто, но съ большей ласкою и радушіемъ;

просилъ веселиться, танцовать и ѣздить къ нему безъ всякаго зва по всѣмъ понедѣльникамъ. Чтобы не ввести въ слово моего пріятеля, который рекомендовалъ меня отличнымъ дансѣромъ всѣмъ своимъ кузинамъ, а ихъ было у него съ полсотни, я принялся прыгать съ такимъ усердіемъ, что подъ конецъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Послѣ ужина, который, если сказать правду, отличался только великолѣпнымъ серебрянымъ сервизомъ, да полнотою и обиліемъ блюдъ, музыка опять заиграла и начался безконечный алагрекъ. Я не участвовалъ въ этомъ последнемъ танцѣ и присѣлъ отдохнуть недалеко отъ хозяина. Вотъ проходитъ полчаса, алагрекъ все продолжается; одна фигура смѣняетъ другую, и кавалеръ первой пары, не смотря на то, что ему гораздо за пятьдесятъ, кажется рѣшительно не знаетъ усталости; вотъ онъ начинаетъ престранную фигуру, что-то похожее на хороводную потѣху

«заплетися цлеть», — всѣ пары перепутываются, подымается суматоха, хохотъ, бѣготня и—чтожъ? въ самую минуту этаго танцевальнаго разгула, вдругъ хозяинъ привсталъ и закричалъ громовымъ голосомъ: «гераусъ!» то-есть: «вонъ!» — Музыка остановилась, кавалеры раскланялись съ дамами и въ двѣ минуты во всей залѣ не осталось ни одного гостя. Я до того былъ пораженъ такимъ неожиданнымъ заключеніемъ бала, что не вдругъ опомнился, вышелъ изъ залы послѣдній и съ трудомъ отыскалъ Двинскаго въ толпѣ гостей, которые тѣснились въ офиціантской комнатѣ и передней.

— «Что это, братецъ?» — сказалъ я. — «Такъ этакъ-то у васъ провожаютъ гостей?... Ну!!!»

Двинской улыбнулся.

— «Надѣюсь,» — продолжалъ я, — «въ слѣдующій понедѣльникъ хозяину угощать будетъ нѣкого.»

— «Право?» — сказалъ Двинской. — «Не хочешь-ли побиться объ закладъ, что всѣ гости, которыхъ ты видѣлъ сего-дня, придутъ опять сюда на будущей недѣлѣ?»

— «Какъ! послѣ такой обиды?»

Двинской засмѣялся. — «Обиды!» — повторилъ онъ. — «Охъ вы Петербургскіе! Да чѣмъ тутъ обижаться? Всѣ знаютъ, что добрый хозяинъ радъ своимъ гостямъ, а это ужъ у него такая привычка: у него почти всѣ балы такъ оканчиваются; иногда онъ закричитъ: «гераусъ!» — а въ другое время протрубить на волторнѣ, что также значить: «ступайте вонъ!» И увѣряю тебя, что за это на него никто не сердится.»

— «Не можетъ быть!»

— «Да посмотри вокругъ себя: ну видишь-ли ты хотя одно недовольное лицо?»

Въ самомъ дѣлѣ, ни на одномъ лицѣ не замѣтно было не только досады, но даже удивленія; всѣ казались и веселы и спокойны, какъ будто-бы не случилось ниче-

го необыкновеннаго. Межъ-тѣмъ закричали нашу карету, мы сбѣжали съ лестницы, сѣли и отправились домой.

Вотъ, любезные читатели, самый вѣрный очеркъ двухъ московскихъ баловъ, на которыхъ я танцовалъ тому назадъ слишкомъ сорокъ лѣтъ. Хотя въ этомъ разсказѣ я не позволилъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ истины, хотя въ немъ все отъ перваго до послѣдняго слова совершенная правда; но эта правда такъ походить на вымыселъ, что я вовсе не удивлюсь, если никто изъ новаго поколѣнія московскихъ жителей не дастъ вѣры моимъ словамъ. Не странно-ли послѣ этаго встрѣчать людей, которые воображаютъ, что Москва до сихъ поръ еще сохранила эти простодушные нравы, невѣжественныя причуды и безвкусную роскошь, которая съ примѣсью какого-то собственно москов-

скаго европеизма, составляли нѣкогда отличительныя черты ея *прежней*, хотя не очень красивой, но за то рѣшительно самобытной фizioноміи.

VII.

МОСКОВСКИЕ БАЛЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

.

Толпа мазуркой занята,
Кругомъ и шумъ и тѣснота;
Брячатъ касалергарда шпоры,
Летаютъ ножки милыхъ дамъ. . . .

Пушкинъ.

Ахъ, какой я былъ охотникъ въ старину
до баловъ! какъ любилъ танцовать до-
упаду! сначала для того только, чтобъ
танцовать, а потомъ для того, чтобъ тан-
цовать или, лучше сказать, разговаривать
свободно съ той, съ которой я не могъ
иначе говорить, какъ въ присутствіи строгой
и подозрительной маменьки; а этъ мамень-
ки — избави Господи!... Онѣ взвѣшиваютъ

каждое ваше слово, готовы ко всему придраться, перетолковать все по своему и, смотря по обстоятельствамъ, или включить васъ въ число жениховъ своей дочери, или запереть отъ васъ двери своего дома. Я помню бывало, какъ мнѣ не посидится на одномъ мѣстѣ, какъ бѣетъ меня лихорадка, какъ нетерпѣніе мое превращается въ совершенную тоску, когда, окончивъ мой туалетъ, я ожидаю блаженной минуты, въ которую мнѣ можно будетъ отправиться на балъ. Часы нейдутъ, время не двигается. — «Боже мой!» — думаю я бывало, — «да чтожъ это за безконечный вечеръ?... Вонъ уже фонари, кажется, тухнуть по улицамъ, а все еще осьмой часъ въ началѣ!... И вотъ наконецъ бѣетъ половина девятого. Я бросаюсь въ карету, скачу.... Домъ освѣщенъ, но у подъѣзда всего-на-все только два или три экипажа.... Что за-дѣло! Пусть зовутъ меня провинціаломъ.... Вхожу.... Хозяинъ раз-

сыпается въ похвалахъ моей акуратности: я приѣхалъ ровно въ назначенный часъ. Вотъ начинаютъ съѣзжаться; въ гостиныхъ становится тѣсно.... вотъ гремитъ неизбѣжный на всѣхъ балахъ польской: «громъ побѣды раздавайся!» — Танцевальная зала наполняется гостями; старики *подымаютъ* почетныхъ дамъ, молодѣжь спѣшитъ въ слѣдъ за ними; я одинъ не танцую.... И до того-ли мнѣ? Скоро десять часовъ, а ее нѣтъ какъ нѣтъ!... Ужъ будетъ-ли она?... О, непременно!... А если не будетъ?... Мнѣ кто-то сказывалъ, что маменька ея нездорова.... сестра больна.... старуха тетка приѣхала изъ Калуги.... Да, кажется, на послѣднемъ балѣ у Горемыкина она долго дожидалась кареты.... а у этаго глупаго полубоярина на лестницѣ холодъ, въ сѣняхъ дуетъ.... Что если она.... Боже мой!... Вотъ двери изъ передней навстежъ.... Сердце мое замираетъ.... Она?... Нѣтъ, семейство Ковришкихъ; мамень-

ка чуть дышетъ, дочери съ огромными носами, у одной все лице въ веснушкахъ.... И охота-же этимъ уродамъ ѣздить по баламъ!... Чу!... одинъ, два.... восемь.... десять часовъ.... а ее все нѣтъ!... О, она вѣрно не будетъ!... Вотъ опять отворяются двери.... О, Боже мой! несносный Фуфлыгинъ съ своей сѣдой головою, красными раздутыми щеками и съ клеймомъ дурака на лбу!... А вотъ и его супруга, эта полу-французская и полу-мордовская барыня, эта жеманная кривляка въ пятьдесятъ лѣтъ!... Ну, бѣда! она меня увидѣла, идетъ ко мнѣ.... Эта старая кокетка вопьется въ меня какъ пѣвка, начнетъ интересничать, мучить, пытаться, тянуть изъ меня жилы!... Скорѣй куда нибудь.... въ дальнюю комнату!... И вотъ я за полверсты отъ балльной залы, чуть слышу музыку, стою подлѣ ломбернаго стола, смотрю, какъ играютъ въ карты, не различаю мастей, ничего не вижу, ничего не слышу.... Про-

ходитъ нѣсколько минутъ, я иду назадъ,
 шатаюсь изъ комнаты въ комнату, нигдѣ
 не найду мѣста.... О, Боже мой! какъ
 скучно, какъ темно на этомъ балѣ!... Какія
 у всѣхъ длинныя лица!... Какъ скверно
 играетъ музыка!... Вдругъ позади меня
 шорохъ. Я обертываюсь — *она!*... О! какъ
 одинъ этотъ взглядъ, одна эта милая улыб-
 ка измѣняетъ все въ глазахъ моихъ!...
 Этотъ балъ прелесть!... Какъ все вокругъ
 меня свѣтло, весело, живо! — Я жму руку
 у Фуфлыгина, смѣюсь его тупымъ остро-
 тамъ, говорю вѣжливости его супругѣ;
 огромные носы дѣвицъ Ковришкиныхъ
 кажутся мнѣ цѣлымъ вершкомъ короче;
 однимъ словомъ, я всѣмъ доволенъ, все
 мнѣ нравится; я счастливъ — я блажен-
 ствую.... О, молодость, молодость! — ты
 прошла моя молодость — да и Богъ съ
 тобою!... Пусть жалуютъ о тебѣ другіе,
 а я вовсе не жалю. Подумаешь, что
 осталось отъ этихъ бурныхъ дней моей

юности, когда, томимый жаждою наслаждений, я искалъ ихъ вездѣ — что осталось отъ нихъ? Одно воспоминаніе о какихъ-то неполныхъ, скоротечныхъ радостяхъ, о какомъ-то тревожномъ, лихорадочномъ состояніи души, что-то похожее на смутный сонъ, въ которомъ существенное было только одно — пресыщеніе и тоска. «О чемъ?» спросите вы.—И самъ не знаю, по крайней-мѣрѣ, не зналъ тогда. Я только чувствовалъ, что мнѣ чего-то не доставало, что вся эта суета, всѣ эти порывы страстей, эта минутная любовь, минутные друзья, минутныя радости.... Да что говорить объ этомъ; я вижу, вы готовы ужъ перевернуть страницу, не читая. Не бойтесь, я не хочу васъ дѣлать участниками моихъ психологическихъ размышленій, а поговорю съ вами о балѣ, на которомъ, можетъ быть, и вы были вмѣстѣ со мною, если только вы бываете на балахъ.

Кто изъ постоянныхъ московскихъ жи-

телей не знаетъ или, по-крайней-мѣрѣ, не слыхалъ объ Андреѣ Николаевичѣ Радущинѣ, который такъ счастливо соединяетъ въ себѣ любезность и образованность нашего времени съ русскимъ хлѣбосолецтвомъ и добродушіемъ старинныхъ московскихъ бояръ. Во всякомъ другомъ городѣ, разумѣется, выключая Петербурга, его роскошные обѣды, блестящіе балы и барское житіе вошли-бы въ пословицу; но здѣсь, въ нашей гостепріимной Москвѣ, это вовсе не въ диковинку; мы точно также привыкли къ великолѣпнымъ пирамъ, какъ приглядѣлись къ живописнымъ видамъ, которыми такъ богата наша бѣлокаменная. Говорятъ, что у насъ въ старину жила еще веселѣе. Да, это правда! Мы всѣ, теперьшніе старики, жили гораздо веселѣе прежде, да полно не отъ того-ли, что были молоды? Впрочемъ, если эта веселость измѣряется числомъ даваемыхъ праздниковъ и количествомъ тѣхъ, которые посѣ-

щаютъ эти праздники, — то, конечно, въ старину или больше веселились или меньше занимались дѣломъ; вы можете изъ этихъ двухъ заключеній выбрать любое.

Въ пригласительномъ билетѣ на балъ, который я получилъ отъ Андрея Николаевича Радушина, хозяинъ просилъ пожаловать къ нему на балъ и ужинъ въ восемь часовъ по-полудни. Это показалось-бы мнѣ довольно страннымъ, когда-бы я не зналъ, что Радущинъ хотѣлъ испытать, не съѣдутся-ли къ нему всѣ гости часу въ десятомъ, если онъ будетъ приглашать ихъ ровно въ восемь. Я люблю самъ дѣлать разные опыты и, признаюсь, ожидалъ съ нетерпѣніемъ назначеннаго часа, чтобъ посмотреть, какъ приметъ это нововведеніе московская публика и захочетъ-ли она веселиться, не вредя своему здоровью и не утомляя бѣднаго хозяина, которому, послѣ всѣхъ дневныхъ и ночныхъ хлопотъ, право, не мѣшало-бы прилечь отдохнуть хотя

въ первомъ часу ночи. Я приѣхалъ къ Радушину въ половинѣ девятаго часа. Прекрасный домъ его былъ освѣщенъ какъ фонарь, у подъѣзда стояли жандармы, у дверей швейцаръ, въ сѣняхъ и по лестницѣ лакеи въ богатыхъ ливреяхъ, по всѣмъ комнатамъ офиціанты, въ обширной, бѣло-мраморной залѣ музыканты настраивали свои инструменты, и во всемъ домѣ, кромѣ хозяина и его семейства, не было никого: я приѣхалъ первый. «Что дѣлать?» — подумалъ я, — «времена переходчивы! Въ старину гости не только съѣзжались, но даже и уѣзжали по желанію хозяина, а теперь онъ просто не хозяинъ, а низайшій слуга тѣхъ, которымъ угодно къ нему пожаловать, то-есть: долженъ за свою хлѣбъ-соль покоряться безусловно ихъ причудливой волѣ и моднымъ капризамъ. Вотъ ровно въ десять часовъ раздался второй звонокъ (первый разъ прозвонили въ колокольчикъ для меня); черезъ нѣсколь-

ко минутъ въ пріемной комнатѣ, въ которой помѣщался буфетъ, прошептали то-
 ненькимъ голоскомъ: «Ахъ, татап! я вамъ
 говорила, что рано!» И нѣсколько дамъ
 вошло въ первую гостиную. Черезъ чет-
 верть часа прозвенѣли въ третій разъ, вско-
 рѣ за тѣмъ въ четвертый, потомъ чаще, ча-
 ще—и вотъ звонокъ забилъ тревогу; гости
 начали входить толпами, и наконецъ часу
 въ двѣнадцатомъ ночи загремѣла музыка.
 Люди не танцующіе составили партіи; нѣ-
 сколько стариковъ, по прежней привычкѣ,
 застѣли въ вистъ, а всѣ другіе принялись
 козырять въ преферансъ—эту безтолковую,
 но забавную игру, которая сбѣла съ поля
 и затѣйливый бостонъ и глубокомыслен-
 ный вистъ, и завладѣла, вѣроятно на долго,
 всѣми ломберными столами россійской им-
 періи. Звонокъ продолжалъ до самой по-
 луночи возвѣщать изрѣдка о приѣздѣ новыхъ
 гостей. Впрочемъ, по моему замѣчанію,
 эти запоздалые гости были почти всѣ

молодые люди, которые надѣялись натапцовать еще до-сыта. Одинъ только господинъ пожилыхъ лѣтъ приѣхалъ также въ двѣнадцать часовъ; но за-то какъ-же онъ былъ и наказанъ! Какъ не принятая Харономъ тѣнь, на берегахъ Стикса, скитался онъ, бѣдняжка, изъ одной комнаты въ другую. Тутъ играютъ, тамъ играютъ, вездѣ играютъ, а онъ лишь только смотреть!... Долго слѣдилъ я за этимъ сиротою: то присядетъ онъ, сердечный, къ висту, то пріютится къ преферансу. Вотъ за однимъ столомъ партія кончилась, осталось разыграть пульку. Надежда ожила въ сердцѣ безпріютнаго горемыки. Играли втроемъ, слѣдовательно онъ могъ какъ-нибудь пристать четвертымъ — и вдругъ — о небеса!... на пульку ставятъ ремизъ, два ремиза — десять ремизовъ!... Я взглянулъ на запоздалаго гостя и ужаснулся: лице его осунулось, помертвѣло, не походило даже на человѣческое!... Чтобъ разсѣять

непріятное впечатлѣніе, произведенное во мнѣ отчаяніемъ этаго господина, я отправился смотрѣть танцы. Залитая свѣтомъ огромная зала была наполнена гостями. Двѣ французскія кадрили, обхваченныя со всѣхъ сторонъ толпами зрителей, помѣщались на такихъ малыхъ пространствахъ, что танцующіе едва могли шевелиться, а къ дамамъ, которыя сидѣли вдоль стѣнъ, не было никакой возможности подойти. Я замѣтилъ наконецъ въ одномъ углу порожній стулъ: не легко было до него добраться; но мнѣ какъ-то посчастливилось; я протѣснился въ слѣдъ за двумя дамами сквозь толпу, нашелъ этотъ благодатный стулъ еще не занятымъ и сѣлъ. Моими сосѣдями были, съ правой стороны, одѣтая сильфидою толстая барыня лѣтъ тридцати, а съ лѣвой какой-то господинъ, который, вѣроятно, также какъ я, приѣхалъ на балъ вовсе не для того, чтобъ танцовать. Не смотря на его довольно свѣжее

лице и румяныя щеки, не трудно было отгадать, что онъ давно живетъ на свѣтѣ; на немъ былъ форменный камергерскій фракъ, сшитый не очень модно, однако-жъ и не по-стариковски. Мнѣ съ перваго взгляда понравилась его открытая и веселая физіономія.

— «Фу — какая духота!» — прошепталъ этотъ господинъ, протирая свои золотыя очки, которыя запотѣли отъ жару.

— «Да! кажется въ залѣ очень тѣсно,» — сказалъ я.

— «Ужасно! Впрочемъ, такъ и быть должно: что за-балъ, на которомъ и прохладно и просторно.»

Я что-то ему отвѣчалъ, и вотъ мы слово за слово, разговорились наконецъ какъ старинные знакомые.

— «Позвольте васъ спросить,» — сказалъ я, — «кто эта прекрасная брюнетка, съ огненными черными глазами, которая, проходя мимо насъ, протянула вамъ свою руку?»

— «О!» — отвѣчалъ мой сосѣдъ, — «это одна изъ самыхъ блестящихъ созвѣздій нашего общества. Въ Лондонѣ ее непременно называли-бы львицею, а мы, Москвичи, просто зовемъ ее любезной, милой женщиною, которая умѣла безъ танцовъ и картъ привлечь въ свой домъ все то, чѣмъ можетъ похвастаться московское общество. Вы встрѣтите въ ея гостиной и нашихъ вельможъ, и литераторовъ, и художниковъ, и конечно по ея приему не отличите дѣйствительнаго тайнаго совѣтника отъ какого-нибудь ученаго профессора, или поэта.

— «Да кто-же она?» — спросилъ я.

Мой сосѣдъ называлъ ее по имени, и тутъ я узналъ, что эта блестящая дама жена человека, котораго уважаетъ вся Москва, и котораго не лзя не любить всякому, кто любить умъ, честь и истинное просвѣщеніе.

— «Видите-ли вы,» — сказалъ мой сосѣдъ, — «эту даму высокаго роста въ чер-

номъ бархатномъ платьѣ — вотъ на право, противъ самой люстры?...

— «Какая прекрасная женщина!» — вскричалъ я невольно.

— «Какой ангелъ доброты, сказали-бы вы, еслибъ она была съ вами знакома. Знаете-ли, почему я хотѣлъ обратить ваше вниманіе на эту даму? Она можетъ служить живымъ доказательствомъ, что изъ всѣхъ извѣстныхъ средствъ, сохраняющихъ нашу тѣлесную красоту, самое дѣйствительное и самое вѣрное заключается въ чистотѣ и спокойствіи души нашей. Знаете-ли, что этой дамѣ, которая, вѣроятно, кажется вамъ моложе своей сосѣдки, хотя она пятнадцатью годами ее старѣе, знаете-ли, что ей — страшно вымолвить! — слишкомъ сорокъ лѣтъ.»

— «Нѣтъ, вы шутите!»

— «Увѣряю васъ! Прибавьте къ этому, что она въ жизни своей натерпѣлась много горя; но она не знала никогда ни зло-

бы, ни зависти; сердце ея не волновали бурныя страсти; она умѣла только любить и прощать, и вотъ вы видите, какъ она до сихъ поръ еще прекрасна. Какъ жаль, что къ ней подсѣлъ этотъ господинъ, одѣтый по модному парижскому журналу. Бѣдненькая! онъ задушить ее своими пошлыми французскими фразами. Посмотрите, какъ онъ развалился, какъ всякое движеніе его, какъ этотъ надменный взглядъ, эта обидная улыбка, какъ все въ этомъ русском денди напрашивается на дерзость и вызываетъ грубость на языкъ того, кто имѣетъ несчастіе съ нимъ разговаривать.»

— «А кто этотъ баринъ?»

— «Да какъ-бы вамъ сказать?... Вы знаете, какихъ людей называли нѣкогда на Руси баскаками?...»

— «Какъ-же! Это были татарскіе сборщики податей.»

— «Ну, да! то-есть чиновные и знатные Татары, которые приѣзжали въ Рос-

сію, чтобъ собирать оброки съ русскихъ крестьянъ, давить своей гордостію русскихъ бояръ, говорить съ презрѣніемъ о землѣ русской и потомъ, собравши, а иногда и награвивъ, кучу денегъ, отправляться съ ними обратно на житье въ свою орду. Ну вотъ этотъ господинъ точно такой-же баскакъ: онъ живетъ всегда за границею, каждая пять лѣтъ приѣзжаетъ на короткое время въ Россію, чтобъ собрать всѣ недоимки съ своихъ десяти тысячъ душъ, посмѣяться надъ русскими обычаями, поговорить о нашемъ варварствѣ и невѣжествѣ, изъяснить свое душевное презрѣніе къ землѣ, которая его поитъ и кормитъ, и потомъ, накопивъ побольше денегъ, отправиться снова проживать ихъ въ свою орду — Парижъ.»

— «Да, вы правы!» — сказалъ я. — «Этотъ господинъ точно напоминаетъ татарскихъ баскаковъ; но впрочемъ онъ все-таки не

Татаринъ, и, вѣроятно, хотя изъ приличія, скрываетъ истинныя свои чувства.»

— «Скрываетъ?... Что вы!... Онъ хвастается ими. Конечно, ему не всегда проходитъ это даромъ. Вотъ на этихъ дняхъ, споря съ однимъ умнымъ и почтеннымъ старикомъ, который доказывалъ ему, что мы, Русскіе, точно также, какъ и всѣ другіе народы, созданы по образу и подобию Божьему, онъ вошелъ въ такой азартъ, что сказалъ при всѣхъ: «Вы можете защищать какъ хотите вашу Россію, а я вовсе не патріотъ, и говорю рѣшительно: я жалую, что я Русской.»—«И всѣ Русскіе также объ этомъ жалуютъ,»—сказалъ весьма хладнокровно старикъ, оборотясь къ нему спиною.»

Тутъ двѣ дамы, проходя мимо моего соседа, кивнули ему ласково головами. «Вотъ,» сказалъ онъ, «я желалъ-бы, чтобъ этотъ полу-Французъ, о которомъ мы сей-часъ говорили, показалъ мнѣ двухъ парижанокъ,

которыя были-бы милѣе, просвѣщеннѣе и любезнѣе этѣхъ двухъ русскихъ барынь. Какъ я люблю видѣть ихъ вмѣстѣ! Вотъ эта, у которой бѣлоснѣжное лицо, округленное руками самихъ грацій, такъ привлекательно, такъ мило, у которой глаза не черные, не голубые, а просто прекрасные глаза, кипятъ такимъ чувствомъ и жизнею, — побесѣдуйте съ нею, поговорите о чемъ вамъ угодно, и я увѣренъ, что въ два или три часа, которые покажутся вамъ нѣсколькими минутами, она успѣетъ совершенно обворожить васъ своимъ умомъ, любезностію и заставить отъ души пожалѣть о томъ, что вы не были съ нею знакомы прежде. Другая дама, въ лицѣ которой вы можете замѣтить какую-то задумчивость, которая придаетъ такую необычайную прелесть ея очаровательной улыбкѣ, постарѣе годами; но она сохранила вполнѣ эту мечтательность, эту живость ума и милую простоту, которыя такъ часто гибнутъ вмѣстѣ съ на-

шей молодостію. Чтобъ получить ясное понятіе о тѣхъ женщинахъ, которыя царствовали въ аристократическихъ гостиныхъ парижа, надобно видѣть эту русскую барыню, когда она принимаетъ гостей въ своемъ роскошномъ домѣ. Съ какимъ умомъ, съ какимъ *тактомъ* или, говоря по-русски, съ какою смѣтливостію, обходится она съ каждымъ изъ своихъ гостей; какъ умѣетъ самаго неловкаго и застѣнчиваго провинціала сдѣлать въ нѣсколько минутъ не только развязнымъ, но почти любезнымъ, и какъ черезъ-чуръ свободный щеголь становится въ ея домѣ приличнымъ, вѣжливымъ и даже скромнымъ. Она нѣсколько разъ была за границею, объѣхала почти всю Европу, и не вздыхаетъ о томъ, что живетъ въ Москвѣ. У ней друзей не много; но если кто имѣлъ счастіе попасть въ число этихъ избранныхъ, тотъ можетъ смѣло быть увѣренъ, что прекращеніе этой дружеской

связи не зависитъ отъ какой-нибудь минутной прихоти или женскаго каприза: въ этомъ случаѣ она вовсе не женщина.»

— «А, здравствуй, mon chère!»—сказалъ, подойдя къ моему сосѣду, смуглый мужчина, лѣтъ сорока пяти, пріятной наружности и довольно видный собою.

— «Ба, ба, ба!»—вскричалъ мой словоохотный камергеръ. — «Разгуляевъ! ты въ Москвѣ?»

— «Пятый день, мой другъ.»

— «Какъ это ты рѣшился пріѣхать на балъ?»

— «И самъ не знаю! Да за то сей-часъ ѣду: надобно выспаться; я завтра рано утромъ отправляюсь.»

— «Въ Петербургъ?»

— «Разумѣется!... А, да кстати: на будущей недѣлѣ въ воскресенье я обѣдаю дома ровно въ три часа, — не забудь мой другъ! Прощай!»

— «Что это за-господинъ такой?»—спро-

силъ я камергера. — «Что онъ служить при почтамтѣ чтоль?»

— «Нѣтъ! онъ ни гдѣ не служить. Славный малой, хорошій пріятель, человекъ умный, любезный, и сверхъ того большой путешественникъ.»

— «Право?»

— «Пренеутомимый! Безпрерывно въ дорогѣ.»

— «Что, онъ путешествуетъ по одной Европѣ?»

— «Да, по одной Европѣ: изъ Москвы въ Петербургъ, а изъ Петербурга въ Москву; и надобно отдать ему справедливость, въ этомъ отношеніи онъ истинно русской человекъ: ему семьсотъ верстъ не почемъ. Сего-дня онъ угощаетъ васъ обѣдомъ въ своемъ Московскомъ домѣ, а черезъ три дня самъ обѣдаетъ въ Петербургѣ у кого-нибудь изъ своихъ пріятелей; потомъ черезъ недѣлю приѣдетъ къ вамъ въ Москву напиться чаю и дней че-

резъ пять послѣ этого вы легко можете его увидѣть въ петербургскомъ театрѣ, а особливо, если дають въ первый разъ новую оперу или балетъ.»

— «Вотъ странная охота,» — сказалъ я, «ѣздить такъ часто по этой скучной петербургской дорогѣ!»

— «Страннаго тутъ ничего нѣтъ,» — перервалъ съ улыбкою мой сосѣдъ. — «Одинъ путешествуетъ для того, чтобъ видѣть новыя предметы, другой потому только, что любить быть въ дорогѣ. Мой пріятель принадлежитъ къ этому послѣднему разряду путешественниковъ; а такъ-какъ петербургское шоссе едва-ли не лучшее во всей Европѣ, такъ онъ круглый годъ по немъ и катается. Однакожъ,» — продолжалъ мой сосѣдъ, обтирая платкомъ свой лобъ, — «здѣсь становится ужъ слишкомъ жарко. Не знаю, какъ вы, а я выпилъ-бы охотно стаканъ лимонаду.»

— «И я отъ этаго не прочь.»

— «Такъ пойдѣмте въ бѣфетъ,»—сказалъ камергеръ, вставая. — «Пойдѣмте скорѣй,» повторилъ онъ, схвативъ меня за руку: «къ намъ идетъ одна дама, отъ которой я готовъ убѣжать на край свѣта.»

— «Чтожъ это за-страшная барыня такая?»

— «Она очень добрая женщина, но такъ раздущена этимъ гнуснымъ *пачули*, что отъ нее пахнетъ за версту аптекою!... И какъ могла быть мода на эти отвратительные духи?... Какой-то запахъ канфоры, проникнутый мускусомъ.... Фу! мерзость какая!...

Я засмѣялся.

— «Вамъ смѣшно,»—продолжалъ камергеръ, — «что я говорю съ такимъ жаромъ о какихъ-нибудь духахъ. Да у меня личная къ нимъ ненависть; я не могу хладнокровно говорить объ этой заразе,—да, заразе! Человѣкъ, раздущенный этой гадостью, походить на чуму: онъ заражаетъ

все своимъ прикосновеніемъ; ему стоить только пожать вашу руку и вы на цѣлый день получите запахъ египетской муміи.»

Мы вошли въ буфетъ, то-есть въ столовую комнату, обставленную кругомъ прилавками, на которыхъ въ хрустальныхъ чашахъ лежали груды плоды и конфекты; въ граненыхъ разноцвѣтныхъ графинахъ стояли освѣжительные напитки и кипѣла вода въ серебряномъ самоварѣ. Въ этой комнатѣ было также довольно тѣсно. Пока мы дожидались нашей очереди, чтобъ напиться лимонаду, одинъ приземистый баринъ успѣлъ пропустить въ себя пять чашекъ чаю и проглотить съ полдюжины сдобныхъ булочекъ; но, по-крайней-мѣрѣ, онъ ни чѣмъ не запасался, а въ двухъ шагахъ отъ него, какая-то пожилая барыня, преспокойно набивала конфектами свой огромный ридикюль, который начиналъ уже принимать форму довольно увѣсистаго кулька. Признаюсь, я очень обрадо-

вался, когда замѣтилъ по выговору этой запасливой дамы, что она хотя и барыня, да только не русская. Межъ-тѣмъ камергеръ, напившись лимонаду, вступилъ въ разговоръ съ тремя господами, изъ которыхъ одинъ, судя по его рѣчамъ, былъ петербургскій житель, а двое другихъ природные москвичи. Дѣло шло о балѣ, то-есть: эти господа, наперерывъ одинъ передъ другимъ, критиковали все. «Какой это балъ!» говорилъ одинъ изъ москвичей. «Это базаръ! Здѣсь не достаетъ только гостино-дворцевъ съ бородами.»

— «Да!» — подхватилъ другой москвичъ; «что за-народъ! Съ какой площади хозяинъ нахваталъ этихъ гостей? Я, конечно, видѣлъ до пятидесяти лицъ, съ которыми встрѣчаюсь въ первый разъ отъ-роду.»

— «Но, вѣроятно, вы также встрѣтили здѣсь и всѣхъ вашихъ знакомыхъ?» — сказалъ камергеръ.

— «Да, конечно; но я желалъ бы....»

— «Чтобъ хозяинъ пригласилъ къ себѣ на балъ только тѣхъ, которые имѣютъ честь быть съ вами знакомы?»

— «Я не говорю этаго; но согласитесь однако-жъ, что если-бъ выборъ гостей былъ нѣсколько построже....»

— «Такъ ихъ было-бы гораздо меньше,» — перервалъ камергеръ; — «и, можетъ быть, вы первые тогда-бы сказали, что балъ былъ скученъ, вовсе не оживленъ, что танцовать было нѣ-кому, что въ залѣ мерзла вода, а въ гостиныхъ надобно было сидѣть въ шубахъ.»

— «Почему вы думаете, что я сказалъ-бы это?»

— «Не вы, такъ другой. Что-жъ дѣлать! мы всѣ любимъ осуждать, — ужъ такова натура человѣческая вообще, а московская въ особенности.»

— «Я въ этомъ случаѣ,» — сказалъ петербургскій житель, — «вовсе не судья; я человекъ приѣзжій и почти никого здѣсь не

знаю; но если смѣю замѣтить, такъ мнѣ кажется — туалетъ московскихъ дамъ....»

— «Хуже петербургскаго?» — перервалъ камергеръ. — «Вотъ это я очень часто слышу, и признаюсь никакъ, не могу отгадать причину этой разницы. Кажется, моды здѣсь тѣже самыя, большая часть нашихъ московскихъ барынь бывають часто въ Петербургъ и за границую, модныя торговки у насъ такъ-же всѣ Француженки, такъ отъ чего-бы кажется?... Ужъ не климатъ-ли этому причиною?....»

Петербургскій житель улыбнулся и хотѣлъ что-то сказать, какъ вдругъ подошелъ къ разговаривающимъ молодой человекъ, причесанный аля-мужикъ, въ широкополомъ фракѣ, который съ перваго взгляда походилъ на распахнутый сюртукъ, въ блѣдно-палевыхъ перчаткахъ и щегольскихъ сапогахъ изъ лакированной кожи.

— «Знаете-ли, господа,» — сказалъ онъ — «что дѣлается на дворѣ?»

— «А что такое?» — спросилъ одинъ изъ москвичей. — «Ужъ не метель-ли?»

— «Не можетъ быть,» — сказалъ другой москвичъ: — «теперь градусовъ двадцать морозу, а при такомъ холодѣ метели не бываетъ.»

— «Совсѣмъ не то!» — продолжалъ щеголь. — «Наши кучера точно также пируютъ на дворѣ, какъ мы веселимся здѣсь.»

— «Наши кучера?»

— «Да! ихъ поятъ сбитнемъ.»

— «Неужели?» — вскричалъ одинъ москвичъ.

— *Diable!* — прошепталъ петербургскій житель. — «*Comme c'est Moscovite!*»

— «Да нѣтъ, ты шутишь!» — сказалъ другой москвичъ.

— «Да, да! Увѣряю васъ, ихъ поятъ сбитнемъ и кормятъ калачами.»

Москвичи и петербургской житель засмѣялись.

— «А позвольте васъ спросить, господа,» — сказалъ камергеръ, — «что тутъ смѣшнаго? Въмѣсто того, чтобъ смѣяться, вамъбы должно было сказать спасибо доброму хозяину за то, что онъ, угощая васъ, позаботился и о томъ, чтобъ кучера ваши, которые дрогнуть всю ночь на морозъ, посогрѣлись и отвели чѣмъ-нибудь свою душу. Неужели просвѣщенье и хорошій тонъ требуютъ непременно, чтобъ эти невольные участники вашихъ ночныхъ забавъ не имѣли никакой отрады? Неужели радушный хозяинъ, который хочетъ, чтобъ не только господа, но и слуги ихъ остались довольны его угощеніемъ, долженъ казаться вамъ смѣшнымъ, потому только, что это не водится ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ?... Эхъ, господа, господа! перенимайте себѣ что хотите у иностранцевъ, объдайте въ семь часовъ, приезжайте на балы въ двѣнадцать, одѣвайте женъ и дочерей вашихъ въ газовыя платья, то-

гда какъ въ сѣняхъ, въ которыхъ онѣ до-
жидаются своихъ экипажей, бываетъ подь-
часъ десять градусовъ морозу; однимъ сло-
вомъ, дѣлайте все, что вамъ угодно: только
оставьте въ покоѣ тѣхъ, которые не хо-
тятъ еще, ради европейства, покинуть во-
все гостепріимные обычаи своихъ пред-
ковъ. Въдѣ ужъ этихъ чудаковъ осталось
не много — подождите! они скоро всѣ пе-
реведутся. Еще годковъ десять или двад-
цать, и мы будемъ знать только по преда-
нію, что Русскіе были, когда-то, большими
хлѣбосолами и славились своимъ роскош-
нымъ гостепріимствомъ.»

— «Ну въ этомъ я съ вами не согла-
шусь,» — сказалъ щеголь съ насмѣшливой
улыбкою. — «Я думаю, вы знаете, что госте-
пріимство есть добродѣтель всѣхъ непро-
свѣщенныхъ и варварскихъ народовъ; слѣ-
довательно мы еще очень долго, а можетъ
быть и навсегда, останемся гостепріим-
ными.»

Хотѣлъ-бы я очень, — только никакъ не могу, — описать вамъ, хотя приблизительно, этотъ взглядъ, исполненный глубочайшаго презрѣнія, которымъ отвѣчалъ мой бывшій сосѣдъ на эту нелѣпую фразу московскаго европейца.

— «А вотъ, кажется, и мазурка!» — вскричалъ Франтъ. Онъ кинулся опрометью въ залу, москвичи и петербургскій житель отправились въ слѣдъ за нимъ, и черезъ нѣсколько минутъ въ буфетъ не осталось никого, кромѣ меня, камергера и той самой барыни, которая запасалась на всю зиму конфектами; — только видно она успѣла найти гдѣ-нибудь складочное мѣсто, потому-что ридикюль ея показался мнѣ порожнимъ.

Часу во второмъ ночи гости стали по немногу разѣзжаться; но большая часть, а въ томъ числѣ и я, остались ужинать. Столъ былъ прекрасный, вины также. — «Ну», — думалъ я, отправляясь домой, — «не

дешево сталъ этотъ праздникъ Радушину! и если не всѣ довольны его баломъ, такъ ужъ вѣрно всѣ скажутъ ему спасибо за ужинъ.» Размышляя такимъ образомъ, я сошелъ потихоньку съ лестницы, послалъ моего слугу отыскать карету, а самъ, накинувъ шубу, остался въ сѣняхъ. Передо мною стояли два господина: одинъ чело-вѣкъ нестарый, высокаго роста и очень толстый; другой пожилыхъ лѣтъ, худо-щавый и весьма невзрачный собою. Они разговаривали въ полголоса.—«Ну что, mon chère!» — говорилъ худощавый, — «что ты скажешь объ ужинѣ?»

— «Да что, братецъ,» — отвѣчалъ толстый. — «Такъ! маёнезы были порядочные, дичь плохо изжарена, а осетрина.... избави Господи!»

— «Да, это правда! Осетрина и дурно сварена и безъ толку приправлена; впро-чемъ, кушанье и тутъ и сюдъ, блюда два-три было порядочныхъ. Но вино, mon

chèr.... срамъ! плохинькое марго, дю-
женный сотернъ.... а шампанское!... Фу,
дрянь какая!... рублей по осьми бутылка.»

Тутъ возгласъ жандарма, который про-
кричалъ мою фамилію, помѣшалъ мнѣ до-
слушать разговоръ этихъ господъ; я сѣлъ
въ карету и отправился. Дорогою размы-
шляя о всемъ томъ, что видѣлъ и слы-
шалъ на этомъ балѣ, я вспомнилъ мой раз-
говоръ съ татарскимъ мурзою Алтынъ-
беемъ, съ которымъ три года тому назадъ
познакомился въ Касимовѣ. Этотъ Тата-
ринъ былъ родомъ изъ Самарканда, чело-
вѣкъ неглупый, и хотя онъ провелъ боль-
шую часть своей жизни на Востокѣ, одна-
ко-жъ понималъ и говорилъ весьма поря-
дочно по-русски. Онъ очень любилъ со-
мною бесѣдовать о нашихъ столичныхъ
обычаяхъ, и вотъ слово отъ слова одинъ
изъ этихъ разговоровъ.

— «А что, бачька, хочу я тебя спра-
шивать,» — сказалъ однажды Алтынъ-бей,

поглаживая свою густую черную бороду, —
«что такая баламъ?»

— «Баламъ?... то-есть балъ?» — спросилъ я.

— «Да, бачька — баламъ.»

— «А вотъ что, Алтынъ-бей: какойнибудь богатый баринъ или барыня выберетъ одинъ вечеръ, освѣтитъ свой домъ, найметъ музыку, наготовитъ всякаго кушанья, различныхъ напитковъ и позоветъ своихъ знакомыхъ; обыкновенно въ девять или десять часовъ они съѣдутся, около полуночи....»

— «Ай, ай, ай, бачька! Зачѣмъ такъ поздно?»

— «Такъ ужъ водится. Одни гости ездутъ играть въ карты, другіе начнутъ танцовать, а третьи не дѣлаютъ ни чего: ходятъ только взадъ и впередъ по комнатамъ, кушаютъ конфекты, всякіе плоды, пьютъ разные прохладительные напитки и разговариваютъ межъ собою.»

— «Такъ, бачька, такъ!—Ну, а хазяина что?»

— «Хозяинъ всѣхъ принимаетъ, хлопочетъ о томъ, чтобъ всѣ были заняты, чтобъ всего было довольно....»

— «Такъ, бачька, такъ! — Ну, хазяина много работа!»

— «Да, конечно, хозяину и хозяйкѣ хлопотъ довольно. Вотъ какъ натанцуются, наиграются и наговорятся до-сыта, сядутъ всѣ ужинать, а тамъ передъ разсвѣтомъ начнутъ разъѣзжаться; а какъ всѣ разъѣдутся, такъ хозяева лягутъ спать. — Вотъ что, Алтынъ-бей, называется баломъ.»

— «Такъ, бачька, такъ!—Ну эта баламъ хорошъ!... А что, хазяина многа деньга тратилъ?»

— «Каковъ балъ; иному хозяину балъ стоитъ нѣсколько тысячъ рублей....»

— «Ай, бачька! — Многа деньга!»

— «За то ужъ балъ бываетъ хорошъ.»

— «Правда, бачька, правда!... Тѣ-та, чай, вся гость даѣтъ большая поклонъ хазяину.»

— «Нѣтъ, любезный, плохо кланяются; напротивъ почти всегда осуждаютъ хозяина; на всѣхъ не угодишь: одному то не нравится, другому другое; а если въ самомъ дѣлѣ что-нибудь не такъ-то хорошо: музыка попадется дурная или домъ худо освѣщенъ, такъ распозорятъ хозяина на чѣмъ свѣтъ стоитъ.»

— «Ай, ай, ай!... Да зачѣмъ-же хазяина и баламъ даетъ? Да что имъ, бачька, за-охота за свои деньга лиха покупать?»

— «Ну ужъ на этотъ вопросъ, Алтынъ-бей, и я тебѣ отвѣта дать не могу; спроси у нихъ.»

VIII.

СЦЕНЫ ИЗЪ ДОМАШНЕЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

СЦЕНА 2-я.

ЖИВОШИБЕЦЪ.

О женщины! могу признаться,

Что вы гораздо насъ хитрей.

И И. ДМИТРИЕВЪ.

Въ одномъ изъ кривыхъ переулковъ, выходящихъ на Басманную улицу, въ глубинѣ обширнаго двора, подымается выше всѣхъ сосѣднихъ деревянныхъ домиковъ двухъ-этажный каменный домъ, обставленный, какъ и всѣ барскіе дома, службами и флигелями. Басманная улица, нѣкогда знаменитая, а теперь покинутая

★

всѣми московскими боярами, которыхъ огромныя палаты или стоятъ пустыя, или давно уже перешли въ руки богатыхъ купцевъ, можетъ быть причислена къ самымъ отдаленнымъ и спокойнымъ частямъ города; слѣдовательно переулокъ, въ которомъ находится этотъ каменный домъ, принадлежащій дѣйствительной статской совѣтницѣ Аннѣ Ивановнѣ Чокиной, во-все не можетъ назваться шумнымъ; изрѣдка только проѣдутъ по немъ, съ обычнымъ своимъ звономъ и дребезжаньемъ, ободранныя дрожки какого-нибудь *ваньки*, прокатятся тяжелыя роспуски ломоваго извозчика, пролетитъ на щеголеватомъ *ка-либерѣ* купеческій сынокъ, и рѣдко, очень рѣдко, прогремитъ, по бойкой мостовой, карета. Кой-когда пронесется по воздуху единообразный напѣвъ «а дыни, мелоны!» вотъ садовая вишеня!» или раздастся грозный голосъ хожалова, который щупляетъ дворника за то, что у него не под-

метень тротуаръ, или какой-нибудь замысловатый пьяница, котораго два буточника тащутъ подъ руки, затянеть охриплымъ голосомъ: «мчится тройка удалая!» Однимъ словомъ, кромѣ самыхъ рѣдкихъ и необычайныхъ случаевъ, спокойствіе и тишина, которыми наслаждаются жители этаго переулка, не нарушается ни чѣмъ. Анна Ивановна Чокина самая чиновная обывательница и почетная прихожанка въ своемъ кварталѣ и приходѣ. Она бездѣтная вдова; ей шестьдесятъ лѣтъ отъ-роду; изъ этихъ шестидесяти лѣтъ, пятьдесятъ девять она прожила безвыѣздно въ Москвѣ, а одинъ годъ въ своей владимирской деревнѣ, да и то потому только, что въ тысяча восемь сотъ двѣнадцатомъ году ее выгнали изъ Москвы Французы, которымъ она и до сихъ поръ этаго простить не можетъ. Анна Ивановна занимаетъ верхній этажъ своего дома, а нижній, раздѣленный на двѣ половины, ходитъ въ наймахъ,

также какъ и два флигеля, изъ которыхъ въ одномъ живетъ булочкинъ и помѣщается мелочная лавочка, а къ другому при- бита вывѣска съ слѣдующею надписью: «Гребенное издѣліе и разныя другія то- карныя производства.» Не подумайте од- нако-жъ, что Анна Ивановна пускаетъ въ свой домъ жильцовъ по необходимости. О нѣтъ! у нее полторы тысячи душъ кре- стьянъ и тысячъ триста лежитъ въ Опе- кунскомъ Совѣтѣ; нельзя также сказать, чтобъ она была скупа, или слишкомъ при- вязана къ интересу, а межъ-тѣмъ всякой разъ, когда жилыя комнаты въ ея домѣ или флигеляхъ стоятъ порожними, она очень сокрушается, и вы никакъ не от- гадаете отъ чего. Анна Ивановна женщи- на властолюбивая: ей чрезвычайно пріятно окружать себя людьми, которыхъ благо- состояніе болѣе или менѣе зависитъ отъ ея воли, то-есть: которымъ она можетъ предписывать законы, оказывать милости,

дѣлать при случаѣ выговоры, замѣчанія, однимъ словомъ, имѣть ихъ подъ своимъ домашнимъ полицейскимъ надзоромъ и управленіемъ. Анна Ивановна говоритъ точно съ такой-же гордостію: *мои жильцы*, какъ говоритъ какой-нибудь нѣмецкій принцъ: *мои подданные*; но, безъ всякаго сомнѣнія, гораздо болѣе его занимается домашнимъ ихъ бытомъ, входитъ во всѣ мелкія подробности ихъ семейной жизни и наблюдаетъ за ихъ поведеніемъ. Конечно, эта управительная и полицейская власть хозяйки надо всѣми жильцами дома не имѣетъ никакого законнаго основанія; но Анна Ивановна властна отказать всякому непокорному жильцу отъ квартиры, а это весьма важная статья, потому-что она отдаетъ покои въ своемъ домѣ по такимъ дешевымъ цѣнамъ, какихъ рѣшительно нѣтъ во всей Москвѣ. А чтобъ это обстоятельство имѣло болѣе вѣса и сильнѣе дѣйствовало на умы жильцовъ, Анна

Ивановна отдаетъ предпочтительно квартиры въ своемъ домѣ мѣщанамъ, мастерамъ, не слишкомъ извѣстнымъ художникамъ, или по-крайней-мѣрѣ весьма небогатымъ и нечиновнымъ дворянамъ. Эта неограниченная власть хозяйки была-бы очень тягостна для жильцовъ, если-бъ правленіе ея было чисто деспотическое; но оно скорѣе можетъ назваться патріархальнымъ. Въ случаѣ несчастія или болѣзни кого-нибудь изъ жильцовъ, Анна Ивановна превращается изъ самовластной правительницы въ нѣжную и попечительную мать; лечитъ больныхъ, даетъ въ займы на безсрочное время тѣмъ, которые имѣютъ въ этомъ дѣйствительную надобность, а всего чаще миритъ женъ съ мужьями и возстановляетъ порядокъ и тишину въ семействахъ, въ которыхъ поселился раздоръ. Всѣ живущіе въ домѣ Анны Ивановны, и свои и посторонніе, никогда не называютъ ее по имени, а просто вели-

чають *генеральшею*. Если иногда хозяинъ мелочной лавочки, человекъ не очень трезвый, слишкомъ поразшумится, жена скажетъ ему: «Что ты, Терентій, горла-нишь! вонъ, посмотри, генеральша подошла къ окну.» И какъ-бы ни былъ хмѣленъ Терентій, онъ тотъ-часъ притихнетъ или начнетъ ругаться шепотомъ. Точно также всѣ работники токарнаго *производства* дерутся межъ собой на дворѣ, или поютъ заливныя пѣсни, только тогда, когда Чокиной не бываетъ дома; и лишь только раздается вѣстовой голосъ: «генеральша приѣхала!» пѣсни умолкаютъ; бойцы, которыхъ надобно уже было разливать водою, тотчасъ перестаютъ драться; побѣжденный съ подбитыми глазами и побѣдитель съ выщипанною бородою, оба весьма чинно кланяются ея превосходительству и отправляются выпить по чаркѣ на мировую или — если вражда ихъ еще не потухла — идутъ додираться на улицу.

Познакомивъ своихъ читателей съ ея превосходительствомъ, Анной Ивановной Чокиной, я прошу ихъ перенестись вмѣстѣ со мною въ большую комнату, обитую штофомъ, который я не смѣю назвать зеленымъ, потому-что онъ былъ зеленымъ еще до Французовъ, а теперь сдѣлался какого-то безыменнаго цвѣта, который всего скорѣе можно назвать радужнымъ, потому-что онъ мѣстами походитъ еще на зеленый, мѣстами на фіолетовый, а кой-гдѣ напоминаетъ палевый. Въ глубинѣ комнаты, между двухъ дверей изъ краснаго дерева, которыя должны представлять два шкафа, тянется длинный диванъ; я также не могу вамъ сказать, чѣмъ обить этотъ диванъ, потому-что онъ покрытъ бѣлымъ миткалевымъ чехломъ. Передъ диваномъ стоитъ круглый столъ, за столомъ раскладываетъ гранъ-пасіансъ пожилая барыня въ ситцевомъ капотѣ и тюлевомъ чепцѣ; подлѣ нее на диванѣ лежитъ толстая

моська. Въ двухъ шагахъ отъ стола старушка лѣтъ семидесяти, такъ-же въ ситцевомъ капотѣ, но только не въ тюлевомъ, а кисейномъ чепцѣ, сидитъ на стулѣ и вяжетъ чулокъ. Поближе къ окну, за пальцами, вышивають по канвѣ двѣ молодыя дѣвушки, толстыя, здоровыя и красносчечія. Старуха въ тюлевомъ чепцѣ, разумѣется Анна Ивановна Чокина; старуха въ кисейномъ чепцѣ, экономка ея, Степанида Федоровна; обѣ швеи, горничныя дѣвушки, одна Матрена, другая Аксинья. Теперь не угодно-ли вамъ, мои почтенные и любезные читатели, послушать разговоръ этихъ дѣйствующихъ лицъ.

АННА ИВАНОВНА, (бросая съ досадой карты).

Опять не вышелъ!... Нѣтъ, этотъ гранъ-пасіансъ ни куда не годится.... Такая путаница! — Аксютка! подыми карту!... (Ласкаетъ моську). Что ты, мопсинька, мой

другъ!... что ты такъ нахмурился.... голубчикъ мой!... мопсу!... голубчикъ!... Степанида Ѳедоровна! что это онъ сегодня такъ хрипитъ?

СТЕПАНИДА ѲЕДОРОВНА.

Жиренъ, матушка.

АННА ИВАНОВНА.

И что ты, помилуй!... такой-ли онъ былъ прежде.... онъ изхудалъ; точно изхудалъ!... Мопсинька мой!... мопсурушка!... Матрешка! открой табакерку!... Что это она стала такъ туго запираяться?... Надобно отдать ее нашему токарю поправить.... А что, Степанида Ѳедоровна, какъ онъ съ своею женою?

СТЕПАНИДА ѲЕДОРОВНА.

Да Богъ ихъ знаетъ, матушка Анна Ивановна; всю прошлую недѣлю жили кажется ладно: въ воскресенье ѣздили вмѣстѣ въ Марьину рощу, приѣхали назадъ

такіе веселые, а сего-дня поутру, говорятъ, опять была баталія.

АННА ИВАНОВНА.

За что?

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

А кто ихъ знаетъ — чай все за булочника.

АННА ИВАНОВНА.

Да ты провѣдай какъ-нибудь, Степанидушка! зайди къ нимъ, узнай все толкомъ.... Ахъ, батюшки! какой ревнивецъ этотъ Григорій Ивановъ!... Матрѣшка, подыми платокъ!... Кажется, человекъ онъ не глупой, трезвый....

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

И самый смирный, матушка! Да сожительница-то его такая нравная!... Онъ слово, она десять. Вотъ недѣли три тому назадъ схватились они при мнѣ ругаться. Гдѣ мужу!... такъ и засыпала! — Ужъ она

причитала, причитала! и отецъ-то его былъ пьяница, и мать гуляка, и бабушка вѣдьма кіевская! — Я говорю: «полно, Кондратьевна — перестань!... что ты этакъ позоришь мужа? ну какой-бы онъ ни-былъ, хоть лыкомъ шитый, а все-таки онъ тебѣ мужъ.» Куда!.... моя баба такъ на стѣну и лезетъ!... Да такія начала слова говорить, что я не знала, куда и дѣваться!... Ну!!! нечего сказать — зычекъ!... Вотъ ей-бы мужемъ-то нашего лавочника—у него-бы она не много наговорила! — Фу, какой крутой, матушка! Чуть жена не по немъ, тотъ-часъ и за косу!...

АННА ИВАНОВНА.

Скажите пожалуйста, какая-же притворщица эта Кондратьевна!... Вотъ прошлый разъ, какъ я мирила ее съ мужемъ, жалко было видѣть: плачетъ, бѣдненькая—ну вотъ такъ и разливается! И житья-то ей вовсе нѣтъ, и мужъ бьетъ ее походя. Ревнуетъ

къ булочнику, а она о булочникъ вовсе и не думаетъ — да вѣдь божится, образъ со стѣны снимаетъ.... Аксютка!... что ты?... чему, дура, смѣешься?

АКСИНЬЯ.

Такъ-съ.

АННА ИВАНОВНА.

Врешь, врешь!... не такъ! — Чему ты смѣялась?

АКСИНЬЯ.

Да такъ-съ, ничему-съ.

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

Эхъ, матушка, Анна Ивановна! Кондратьевна божится — что эта божба? — Коли наша сестра сама себя не бережетъ, такъ что ей образъ со стѣны снять? — «Покаюсь-дескать разомъ во всѣхъ грѣхахъ на исповѣди.»

АННА ИВАНОВНА.

Ахъ, батюшки!... Да неужели въ са-

★★

момъ дѣлѣ?... Да если это правда, такъ я булочнику завтра-же отъ квартиры откажу....

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

И ваше превосходительство! отъ этаго не уйдешь. Мало-ли есть такихъ-же, какъ ваши, генеральныхъ домовъ, а поглядишь, въ рѣдкомъ не живетъ какой-нибудь амурной дамы.

АННА ИВАНОВНА.

Что мнѣ на другихъ смотрѣть! Мнѣ никто не указъ, Степанида Федоровна. Стану я въ моемъ домѣ такіе безпорядки терпѣть!

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

Да ужъ нынче такой свѣтъ, матушка! Бывало дѣвушка лѣтъ двадцати пяти не смѣетъ вонъ изъ дому выдти. Побываетъ разъ въ году, объ святой, подъ Новинскимъ, да и дожидается другой святой. А теперь какая-нибудь дѣвчонка, лѣтъ сем-

надцати, такъ-таки и наровить шыгнуть
каждое воскресенье въ Марьину рощу, на
Ваганьково, въ Нескучное.... Совсѣмъ из-
баловались!

АННА ИВАНОВНА.

Я этаго и знать не хочу! — Тамъ что
хочешь дѣлай, но у меня-то въ домѣ....
Матрешка, вынеси моську!—Нѣтъ, Степа-
нида Федоровна! не стану я смотрѣть
сквозь пальцы. Хочешь жить въ моемъ
дому, такъ живи честно! — (*Входитъ управ-
витель*). А, Прокофій!... Ну что — былъ у
квартильнаго?

ПРОКОФІЙ.

Былъ, ваше превосходительство; порут-
чика не засталъ дома, такъ ходилъ къ са-
мому надзирателю. Приказалъ вамъ доло-
жить: «Я-дескать для Анны Ивановны го-
товъ-бы все сдѣлать, ея превосходитель-
ство первый человекъ въ моемъ кварталѣ;
да только-дескать никакъ нельзя жильца

выгнать тотъ-часъ изъ дому; это—дескать противно городовому положенію; всякому жильцу дается для пріисканія новой квартиры законный срокъ.

АННА ИВАНОВНА.

Какъ! такъ этотъ негодяй, который нанимаетъ у насъ въ низу подъ самой моей спальней, не выѣдетъ сего-дня?

ПРОКОФІЙ.

Нѣтъ, сударыня, онъ еще съ недѣлю у насъ проживетъ.

АННА ИВАНОВНА.

Что ты говоришь!... Цѣлую недѣлю!

ПРОКОФІЙ.

А, можетъ быть, и дольше; время-то пришло такое, сударыня. Вотъ зимою можно было-бы какъ-нибудь понудить: выюшки у печей обообратъ, окно выставить, а теперь что станешь съ нимъ дѣлать?...

АННА ИВАНОВНА.

Правда, правда!... Нельзя-ли какъ-нибудь хоть чрезъ недѣлю-то его выжить?

ПРОКОФІЙ.

Да не прикажете-ли сходить къ частному? Онъ, можетъ быть, покруче повернетъ.

АННА ИВАНОВНА.

Сходи, Прокофій, сходи! — Вотъ навязали себѣ какого жильца на шею! Невѣжа, грубіянь! — На прошлой недѣлѣ я иду садиться въ карету — гляжу, этотъ пострѣль стоитъ въ сѣняхъ — подбочился такимъ фертикомъ! А вѣдь не на что взглянуть — плюгавецъ этакой! — Фрачишка истасканой, всѣ швы бѣлехоньки, жилетка замасленная, а туда-жъ одѣтъ по модѣ — въ перетяжку! волосы въ кружокъ, борода, въ желтыхъ заштопанныхъ перчаткахъ, ну точь въ точь запачканная модная картинка! Вотъ я думаю: «поклонится!» — Какъ-бы не такъ!...

Вытащилъ изъ кармана роговую лорнетку, воткнулъ въ правый глазъ, да и смотреть на меня, какъ будто-бъ въ стѣну! Головой не пошевелилъ — мужикъ этакой, неучъ! А вчера сажусь я въ карету — глядь: стоитъ, голубчикъ, у окна, въ изорванномъ халатишкѣ, въ какой-то жидовской ермолкѣ и такъ-то важно курить свою копѣечную сигарку! — Ну хоть-бы видъ сдѣлалъ, что хочетъ спрятаться — нѣтъ! такъ и лезетъ вонъ изъ окна! — наглець этакой! нахаль!... А все, Прокофій, твое несмотрѣнье!... Ну какъ не видѣть съ перваго взгляду....

ПРОКОФІЙ.

Помилуйте, ваше превосходительство! вѣдь жильцы-то всякіе бываютъ — не узнаешь. Вотъ если-бъ намъ попался еще такой-же жилецъ, какъ этотъ живописецъ, который нанимаетъ внизу другую половину....

АННА ИВАНОВНА.

Да, нечего сказать, учтивый человекъ! Третьяго-дня, какъ я приѣхала отъ моей сватьи, онъ изъ кареты меня высадишь, и видъ у него такой пріятный! Да чтобы ему вовсе ни переѣхать къ намъ жить? Въдь онъ здѣсь не ночуетъ, Прокофій?

ПРОКОФІЙ.

Нѣтъ, сударыня, никогда не ночуетъ. Онъ живетъ у роднаго дяди на хлѣбахъ, а сюда приходитъ только рисовать. Дядя-то у него человекъ семейный—тѣсненько, не-гдѣ ему съ своимъ инструментомъ расположиться, такъ и нанимаетъ для этаго квартиру. «Ко мнѣ-же—говорить—господа приѣзжаютъ списывать съ себя портреты, а иногда и барыни, такъ надобно-же имѣть для этаго особую квартиру. Вотъ—говорить—и теперь снимаю по секрету портретъ съ одной барыни; хочетъ-дескать въ именины подарить своему жуму.»

АННА ИВАНОВНА.

Это не та-ли, Прокофій, что раза по два въ недѣлю приѣзжаетъ?

ПРОКОФІЙ.

Должна быть та, сударыня; она и теперь здѣсь.

АННА ИВАНОВНА.

Чтожъ онъ такъ долго съ нее списываетъ.

ПРОКОФІЙ.

Да, говоритъ, четыре портрета ужъ испортилъ; не можетъ угодить.

АННА ИВАНОВНА.

А что узналъ-ли ты, кто эта барыня?

ПРОКОФІЙ.

Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство.

АННА ИВАНОВНА.

Какъ-же, я тебѣ приказывала....

ПРОКОФІЙ.

Да въ прошлый разъ, какъ она изво-
лила приѣзжать, меня не было дома.

АННА ИВАНОВНА.

Смотри-же, сего-дня узнай непременно.

ПРОКОФІЙ.

Слушаю, сударыня. (*Входитъ слуга; Про-
кофій уходитъ*).

АННА ИВАНОВНА.

Что ты?

СЛУГА.

Андрей Сергѣевичъ Перебиваевъ. При-
кажете принять?

АННА ИВАНОВНА.

Проси! — Давно онъ ко мнѣ не завер-
тывалъ. То-то чай вѣстей-то привезъ!...
Все знаетъ, что дѣлается и въ своихъ и въ
чужихъ краяхъ; а ужъ объ Москвѣ и го-
ворить нечего: всѣ дома ему приказаны;
и какъ онъ успѣетъ вездѣ побывать, все
вывѣдать....

СТЕПАНИДА ФЕДОРОВНА.

На томъ стойтъ, матушка! И люди-то у него всѣ такъ приметаны, шныряютъ вездѣ, да все пронюхиваютъ.

АННА ИВАНОВНА.

Вотъ охота, подумаешь, мѣшаться въ чужія дѣла; видно, своихъ-то мало! (Входитъ *Перебиваевъ*). А, рѣдкой гость!... Андрей Сергѣевичъ!... Прощу покорно!...

ПЕРЕБИВАЕВЪ, (цалуя руку у *Чокиной*).

Здравствуйте Анна Ивановна! Какъ ваше здоровье?

АННА ИВАНОВНА.

Да такъ, батюшка! Богъ грѣхамъ терпитъ, живу по немногу. Забылъ ты меня старуху! Легко-ли — цѣлыхъ два мѣсяца!

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Да меня въ городъ не было.

АННА ИВАНОВНА.

А гдѣ-жъ ты былъ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Все разъѣзжалъ по разнымъ подмосковнымъ; былъ у графа Яворскаго, у княгини Луцкой, у Дедюнина, ѣздилъ къ Троицѣ....

АННА ИВАНОВНА.

Одинъ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Нѣтъ, насъ ѣзило четырнадцать чело-
вѣкъ, цѣлое общество — въ аеріанѣ.

АННА ИВАНОВНА.

Въ чемъ, батюшка?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Въ аеріанѣ — это родъ большой крытой
линей на лежащихъ ресорахъ. По гладкой
дорогѣ спокойно — очень спокойно!... Не-
ловко только, что сидишь бокомъ и ногъ не-
льзя протянуть, да по сторонамъ ничего не
видно, и если пойдетъ дождь, такъ я вамъ ска-
жу — нитки живой не останется!... А впро-
чемъ пріятно, очень пріятно! Прекрасная
выдумка!... О, Французы на это мастера!

АННА ИВАНОВНА.

Да полно, батюшка, хвалить этихъ Французовъ!... Меня выгнали изъ дому.... Москву сожгли.... разбойники этакіе!... Скажи-ка лучше — что новенькаго?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Не спрашивайте! Я ничего не знаю. Я все ѣздилъ по деревнямъ, иностранныхъ газетъ въ глаза не видѣлъ.... Слышалъ я какъ-то мимоходомъ, что Англичанъ поколотили въ Индіи, да въ Испаніи также дѣла плохо идутъ....

АННА ИВАНОВНА

И, батюшка, что намъ до чужихъ! Ты мнѣ скажи, что въ Москвѣ-то дѣлается?...

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Да ровно ничего. Москва пуста. Въ театрѣ никого, въ Петровскомъ паркѣ очень мало, въ воксалѣ бываетъ человѣкъ по двадцати—тоска да и только!—А, кстати!... Вы знаете Ивана Андреевича Хлынова?

АННА ИВАНОВНА.

Какъ-же, батюшка! съ его покойной женой мы были большія пріятельницы.

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Женился.

АННА ИВАНОВНА.

На комъ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

На мадамъ, которая была при его дочеряхъ.

АННА ИВАНОВНА.

Какъ! на этой Нѣмкѣ Шарлотѣ Карловнѣ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Да, да! я и на свадьбѣ былъ. Вѣнчались у Николы въ Звонаряхъ.

АННА ИВАНОВНА.

Скажите пожалуйста!... Сынъ въ службѣ, дочери невѣсты!... Ахъ онъ старый дуракъ!...

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Посмотрите, они приѣдутъ къ вамъ съ визитомъ.

АННА ИВАНОВНА.

Не приму, батюшка, не приму!

(Входитъ Ольга Николаевна Влонская).

ВЛОНСКАЯ.

Здравствуйте, тетушка!

АННА ИВАНОВНА, *(вставая съ дивана).*

А, Ольга Николаевна!... здравствуйте, матушка!... милости просимъ! прошу покорно садиться!

ВЛОНСКАЯ.

Вы на меня сердитесь, тетушка?

АННА ИВАНОВНА.

За что, Ольга Николаевна?... что вы у меня не были три недѣли?... помилуйте! Да кто нынче за это сердится?... вы-же, матушка, женщина модная, живете въ большомъ свѣтѣ.... Стыдно, племянница, стыдно!... Ну да Богъ съ тобою!... Здравствуй, мой другъ! *(Цалуется съ Влонской и сажаетъ ее подлѣ себя).*

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Какъ ваше здоровье, Ольга Николаевна?

ВЛОНСКАЯ.

Слава Богу, Андрей Сергѣевичъ! — Да съ вами что дѣлается?... я васъ нигдѣ не встрѣчаю.

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Меня не было въ Москвѣ.

ВЛОНСКАЯ.

Вѣдь это ваши дрожки стоятъ на дворѣ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Мои, Ольга Николаевна.

ВЛОНСКАЯ.

А чья-жъ карета?...

АННА ИВАНОВНА.

Это, матушка, какая-то барыня приѣхала къ моему жильцу.

ВЛОНСКАЯ.

Къ вашему жильцу?...

АННА ИВАНОВНА.

Да! портретный живописецъ....

ВЛОНСКАЯ.

Вотъ что! — Такъ у васъ въ дому atelier?... А что, этотъ живописецъ старикъ?

АННА ИВАНОВНА.

Нѣтъ, человѣкъ молодой.

ВЛОНСКАЯ.

Хорошъ собою?

АННА ИВАНОВНА.

Такъ себѣ!... однако-жъ довольно пріятной наружности. Ну что, племянница, что въ вашемъ свѣтѣ новенькаго?

ВЛОНСКАЯ.

Ничего, ma tante; одно только, да, я думаю, вы слышали. Зоринскіе выдали старшую дочь свою за какого-то французскаго графа.

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

А, кстати! Хотите-ли, я расскажу вамъ объ этой сватбѣ престранную исторію?

ВЛОНСКАЯ.

Ахъ, сдѣлайте милость!

АННА ИВАНОВНА, (покачивая головой).

Выдали свою дочь за Француза!... Охъ, напрасно!

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Подлинно напрасно, Анна Ивановна! Да вотъ изволите видѣть: этотъ Французъ обѣщался остаться навсегда въ Россіи; малый ловкой, прекрасный собою — ослѣпилъ!... Третьяго-дня была сватьба, а сего-дня поутру я приѣхалъ ихъ поздравить. Въ слѣдъ за мной приѣзжаетъ Иванъ Ивановичъ Тумаковъ. Ну вотъ этотъ старикъ — вы знаете, Анна Ивановна, у котораго жена такая вертлявая — хорошенькая!... онъ еще возилъ ее лечить прошлаго года въ Карлсбадъ, — ну знаете! — Зоринской, какъ слѣдуетъ, подвелъ къ Ивану Ивановичу молодого — гляжу, мой Тумаковъ смѣшался, покраснѣлъ; а когда хозяинъ назвалъ своего зятя по имени, такъ онъ совсѣмъ растерялся: прошепталъ что-то сквозь зу-

бы, присѣлъ на минуту, да и вонъ. Я думаю: «что такое? тутъ что-нибудь да есть!» Вотъ я вслѣдъ за Тумаковымъ; онъ домой, я къ нему. «Иванъ Ивановичъ» — спросилъ я, — «что вы это были такъ сканфужены?... вы какъ будто-бы испугались этаго Француза?» — Охъ, батюшка, сказалъ Тумановъ, бѣдные Зоринскіе! вѣдь они дочь-то свою погубили! — «Какъ такъ?» — Да такъ! этотъ Французъ воръ... «Воръ! что вы это говорите, Иванъ Ивановичъ?» — Да, батюшка, воръ! Вы знаете, мы прошлаго года ѣздили въ Карлсбадъ; на водахъ обыкновенно бываетъ всякой сбродъ. Вотъ и этотъ Французъ тамъ былъ. Мнѣ онъ съ перваго взгляда показался что-то подозрительнымъ. Графъ!... какой графъ! не графскіе вовсе ухватки.... А дѣлать нечего — на водахъ зала общая. Вотъ этотъ Французъ, танцуетъ съ той, съ другой, танцуетъ и съ моей женою, и этакъ — знаете-ли, куртизанить. Да это мнѣ ничего! Я знаю

мою Катеньку: у нее, батюшка, не много выторгуешь! Вот однажды пригласилъ насъ къ себѣ на вечеръ князь Дунаевъ: онъ также со всѣмъ семействомъ приѣхалъ на все лѣто въ Карлсбадъ; меня посадили играть въ вистъ, а Катенька, которая съ утра еще жаловалась на мигрень, отправилась домой; мы сѣли играть — этакъ часу въ десятомъ. На второмъ робертъ съ хозяиномъ сдѣлалось дурно; во всемъ домѣ поднялась такая суматоха: жена плачетъ, дѣти въ тревогѣ; послали за докторомъ. Ну, разумѣется, какой ужъ тутъ вистъ! Всѣ гости по домамъ; отправился и я. Мы нанимали домикъ у самага выѣзда. Вотъ я подошелъ къ дверямъ, началъ звонить въ колокольчикъ; вдругъ вижу — прыгъ кто-то изъ окна! Я закричалъ: «воры, воры»!... бросился за мошенникомъ, поймалъ его за фалду; онъ обернулся — глядь: французской графъ!... У меня такъ руки и опустились!... Слышу, и въ домѣ кричитъ Катенька: «во-

ры, воры!»... Я совсѣмъ потерялъ голову... Межъ-тѣмъ этотъ самозванецъ графъ вырвался, да и давай Богъ ноги!... Я кричу: «держи, держи!» Кому держать: на улицѣ пусто. Вотъ наконецъ выбѣжали изъ моего дома люди, а я поскорѣй къ женѣ; вхожу въ спальню — бѣдная Катенька лежитъ безъ чувствъ!... Представьте себѣ: только-что хотѣла она раздѣваться, вдругъ слышитъ, что окно потихоньку растворилось и какой-то человѣкъ шмыгъ прямо въ комнату. Въ эту самую минуту я позвонилъ у дверей, а воръ и назадъ той-же дорогою. Катенька говоритъ, что видѣла у него въ рукѣ ножъ и такъ испугалась, что не могла никакъ разсмотрѣть его въ лице. Видно, этотъ разбойникъ не успѣлъ путемъ оглядѣться: на бюро стоялъ ящикъ съ ея брилліантами, лежалъ кошелекъ съ деньгами — все осталось цѣло. Пропало только любимое ея колечко съ брилліантикомъ, которое она только-что сняла съ пальца

и положила на туалетный столикъ. — «Разумѣется, батюшка!» — прибавилъ Тумаковъ, — «этотъ подложный графъ въ ту-же ночь ускакалъ изъ Карлсбада. Только бѣдная моя жена такъ перепугалась, что послѣ этаго недѣли три была въ непрерывной истерикѣ съ утра до вечера, — плачетъ да и только!

АННА ИВАНОВНА.

Ну, батюшка, какая, въ самомъ дѣлѣ, странная исторія!

ВЛОНСКАЯ, (смѣется).

Да, очень странная! — И Тумаковъ точно увѣренъ, что этотъ Французъ воръ?

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Да хоть зарѣжь его! стойтъ въ томъ, да и только.

ВЛОНСКАЯ.

Бѣдняжка!...

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

А что всего-то забавнѣе: онъ это дѣло

такъ не оставилъ и жаловался на другой день тамошнему правительству.

ВЛОНСКАЯ

Нѣтъ, шутите!

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Право! — «Представьте себѣ» — говорить — «судья не хотѣлъ меня и слушать! «Вы-дескать какъ-нибудь осмотрѣлись. Этотъ графъ человѣкъ извѣстный; ну можетъ-ли онъ быть воромъ?» — «Да помилуйте!» закричалъ я, — «какъ-же онъ не воръ? Катенька видѣла у него въ рукѣ ножъ, онъ вылезъ изъ окна ея спальни; я самъ это видѣлъ своими глазами!» — И что-жъ вы думаете? Судья такъ и померъ со смѣху! — Вотъ оно, батюшка,» прибавилъ Тумаковъ, «славны бубны за горами. Вотъ оно правосудіе-то въ чужихъ краяхъ—ищи его!»

АННА ИВАНОВНА.

Да, батюшка, да! Конечно, лучше-бы

сидѣть дома; и мужья-то-бы меньше въ-треничали и жёны-то были-бы върнѣе.

ВЛОНСКАЯ.

Ну этаго, тетушка, не говорите! Кто не бережеть своей репутаціи, тотъ будетъ вести себя дурно и въ Парижѣ, и въ Карлсбадѣ, и въ Москвѣ....

АННА ИВАНОВНА.

Извините, матушка! Мы еще, благодаря Господа, не дошли въ этомъ до иностранцевъ. У насъ есть и стыдъ и совѣсть. Не побоимся Бога, такъ добрыхъ людей постыдимся; а тамъ вѣдь это не почемъ. У насъ въ Москвѣ барыни ѣздятъ въ экипажахъ съ лакеями; пѣшкомъ пойдутъ — слуга позади. А вѣдь это, матушка, почетная стража; иная-бы и свихнулась, можетъ быть, да вѣдь нелегко, сударыня, взять себѣ въ конфиденты какого-нибудь Егорку или Андрюшку. А тамъ что?... воля! — Надѣнетъ вуаль, да и пошла себѣ бродить по улицамъ.

ВЛОНСКАЯ.

И, тетушка! женщина безъ правилъ найдеть возможность и въ Москвѣ вести себя дурно.

АННА ИВАНОВНА.

Знаю, матушка, знаю! Бываютъ и услужливыя знакомыя—добрыя вдовушки; есть и модные магазины. Мужъ дожидается въ лавкѣ, а жена пойдетъ платье примѣривать—все знаю! Да вѣдь не у всякой-же есть такая сердобольная пріятельница и не всякая также захочетъ повѣрить свою честь какой-нибудь модной торговкѣ.

ВЛОНСКАЯ.

Васъ, тетушка, не переспорить! (*Вставая*). Однако-жъ прощайте! Я вѣдь къ вамъ заѣхала на минутку: мнѣ до обѣда надобно еще сдѣлать нѣсколько визитовъ.

(*Анна Ивановна и Перебиваевъ встаютъ*).

АННА ИВАНОВНА.

Такъ, такъ! всегда на одну минуту.

ВЛОНСКАЯ.

Я завтра къ вамъ приѣду на цѣлый вечеръ, тетушка.

АННА ИВАНОВНА.

Спасибо, мой другъ, спасибо! Смотри-же, не забудь!

ВЛОНСКАЯ.

Какъ это можно! (*Анна Ивановна провожаетъ Влонскую, которая, взглянувъ мимоходомъ въ окно, останавливается*). А! вотъ уѣзжаетъ эта дама, что списываетъ съ себя портретъ.

АННА ИВАНОВНА.

Постой-ка, матушка, и я взгляну — что она, какова собою. (*Всѣ подходятъ къ окну*).

ВЛОНСКАЯ.

Вотъ она вышла садиться.... Ахъ! да это Марья Васильевна!

АННА ИВАНОВНА.

Какая Марья Васильевна?

★

ВЛОНСКАЯ.

Чернозерская.

АННА ИВАНОВНА.

Какая Чернозерская?

ВЛОНСКАЯ.

Урожденная княжна Долина. Да вы, я думаю, были знакомы съ ея матерью.

АННА ИВАНОВНА.

Давно, матушка, еще до Французовъ. Такъ это ея дочь?... Не дурна собою!

ВЛОНСКАЯ.

Вотъ, тетушка, вы сей-часъ спорили.... Да хоть эта Чернозерская — что, какъ вы думаете, она списываетъ съ себя портретъ, для кого?

АННА ИВАНОВНА.

Для мужа, матушка, я это знаю.

ВЛОНСКАЯ.

Вотъ то-то и есть, что не знаете! Они съ мужемъ никогда не были за границею,

а посмотрите какъ живутъ! Мужъ разоряется на какую-то актрису, а жена влюблена въ графа Сицкаго. Я думаю, вы также слыхали объ немъ? Человѣкъ холстой, ни отца, ни матери, семь тысячъ душъ....

АННА ИВАНОВНА.

Скажите пожалуйста — этакой женихъ!... Чѣмъ-бы выбрать себѣ невѣсту, а онъ.... то-то-бы сѣкъ, да сѣкъ!

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Всѣхъ не пересѣчете, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА.

Да еще правда-ли это?... Я, матушка, не слишкомъ вѣрю этимъ сплетнямъ. Бабачка молоденькая, — можетъ быть, немножко и вѣтреная.... не остереглась, покетничала, а ужъ тутъ и пойдутъ!...

ВЛОНСКАЯ.

Да объ этомъ вся Москва говоритъ.

АННА ИВАНОВНА.

Москва говори́тъ! Да о чемъ наша матушка Москва не болтаетъ? Пусти лишь только въ ходъ какую-нибудь злость, она, моя голубушка, и пойдетъ плести!... Такая кружевница, что не приведи Господи!

ВЛОНСКАЯ.

Ну если вы, тетушка, этому не вѣрите....

АННА ИВАНОВНА.

Не вѣрю, матушка! А если-бъ это была и правда, такъ вѣрно-бы она не выбрала моего дома, чтобъ списывать съ себя портреты для любовниковъ.... А вотъ и мой жилецъ идетъ!...

ВЛОНСКАЯ.

Кто? этотъ молодой человѣкъ съ портфелемъ?... Такъ онъ-то списываетъ портретъ съ Чернозерской?

АННА ИВАНОВНА.

Да, мой другъ! Онъ портретный живописецъ.

ВЛОНСКАЯ.

Хорошъ живописецъ!... Андрей Сергѣевичъ, посмотрите, посмотрите!...

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Что это?... Графъ Сицкой!...

АННА ИВАНОВНА.

Кто, батюшка, — кто?...

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Графъ Сицкой, Анна Ивановна.

АННА ИВАНОВНА.

Какъ! тотъ самый?...

ВЛОНСКАЯ.

Да, тетюшка! тотъ самый. (Смѣется).

ПЕРЕБИВАЕВЪ.

Ну, какая исторія!... Ужъ какъ-же я распотѣшу князя Григорія и Марью Власьевну!... Извините, Анна Ивановна! я вспомнилъ, мнѣ надобно ѣхать. Честь имѣю кланяться! (Уходитъ).

ВЛОДСКАЯ, *(продолжал смѣяться)*.

Ну, тетушка! какіе у васъ живутъ въ домѣ художники!... Прощайте!... До завтраго. *(Уходитъ)*.

(Анна Ивановна въ совершенномъ оцѣпеніи падаетъ на кресла. Двери потихоньку растворяются и входитъ Прокофій).

ПРОКОФІЙ.

Узналъ, сударыня: эта барыня Марья Васильевна Чернозерская.

АННА ИВАНОВНА, *(вскакиваетъ)*.

Пошелъ вонъ!... Постой!... Всѣ пожитки этаго живописца выкинь на дворъ! Двери на замокъ и чтобъ съ этой минуты ноги его въ моемъ домѣ не была!

ПРОКОФІЙ.

Какъ, ваше превосходительство?... Да помилуйте, срокъ еще не вышелъ!

АННА ИВАНОВНА.

Срокъ!... Какой тутъ срокъ?... Вонъ

его, вонъ! Самозванецъ мерзской.... осмѣ-
литься... въ моемъ домѣ!... Ахъ, смерть
моя!... душно!... Аксютка!... Матрешка!...
капель, капель!...

(Опускается опять въ кресла. Дѣвушки около
нее суетятся: экономка даетъ нюхать спиртъ,
а Прокофій стоитъ какъ вкопанный у дверей и
смотритъ съ удивленіемъ на эту картину).

IX.

МАРЬИНА РОЩА.

Вы можете смѣяться; но утверждаю смѣло, что одно просвѣщеніе рождаетъ въ городахъ охоту къ народнымъ гульбищамъ, о которыхъ не думаютъ грубые Азіяты и которыми славились умные Греки.

КАРАМЗИНЪ.

Куда, подумаешь, какъ богата наша матушка Москва садами, бульварами и всякими другими частными и народными гульбищами. Чего другаго, а ужъ въ этомъ мы вовсе не нуждаемся. Взойдите лѣтомъ на Ивана Великаго, взгляните кругомъ, и вы увидите передъ собою не городъ, а безпредѣльное зеленое море, усыпанное домами. Увѣряю васъ, это вовсе не пяти-

ческая выходка, а самое вѣрное выраженіе истины. Исключая средину города, гдѣ строеніе, по большой части, сплошное, вы рѣдко встрѣтите домъ, при которомъ не было-бы хотя маленькаго садика, или по-крайней-мѣрѣ нѣсколькихъ кустовъ бузины и акаціи. Въ Москвѣ считается садовъ публичныхъ шесть, ботаническій одинъ, частныхъ *тысяча двадцать четыре* и пятнадцать бульваровъ, изъ которыхъ иные могутъ назваться садами. Изъ городскихъ садовъ, открытыхъ для публики, самыя лучшіе: Дворцовый садъ за Москвою рѣкою, Нескучное, Лафертовской или Слободской садъ и Прѣсненскіе пруды. Кремлевскіе сады прекрасны; но они болѣе походятъ на затѣйливыя бульвары, чѣмъ на сады. Весною лучшее московское общество гуляетъ до обѣда на Тверскомъ бульварѣ, а купцы, послѣ обѣда, въ Кремлевскихъ садахъ. Въ этихъ-же садахъ есть довольно обширный лугъ, который такъ-же,

какъ и Гверской бульваръ, можетъ назваться аристократическимъ гуляньемъ, но только не взрослыхъ, а дѣтей. Всякой разъ, когда мнѣ случается проходить Кремлевскими садами, весной, часу въ двѣнадцатомъ утра, я останавливаюсь и смотрю иногда по цѣлому часу на веселыя игры и бѣготню этихъ милыхъ крошекъ; люблю ихъ прелестными нарядами и гляжу также съ нѣкоторымъ удовольствіемъ на этихъ, по большой части молодыхъ и щеголевато одѣтыхъ, нянюшекъ, которыя, играя въ горѣлки и мячики съ своими малютками, посматриваютъ украдкою на проходящихъ и, обдергивая измятыя платица дѣтей, не забываютъ приглаживать собственные свои волосы и оправлять свои газовыя косынки.

Не знаю, существуетъ-ли еще въ Петербургѣ знаменитый садъ г-на Ганина; если ужъ онъ опустѣлъ и заросъ, если его досчатая башня *древлянка* развалилась и

деревянный Волтеръ пересталъ кланяться всѣмъ гуляющимъ, то я могу сказать его поклонникамъ: «утѣшьтеся! типъ этихъ садовъ не вовсе погибъ: у насъ въ Москвѣ есть также садъ, который едва-ли еще не затѣйливѣе сада г-на Ганина. Онъ не великъ — это правда, но сколько въ немъ необычайныхъ и особеннаго рода красотъ! Какое дивное смѣшеніе истины съ обманомъ! Вы идете по крытой аллеѣ, въ концѣ ея стоитъ огромный солдатъ во всей формѣ. Не бойтесь! онъ алебастровый. Вотъ на небольшой лужайкѣ, посреди аранжерейныхъ цвѣтовъ, лежитъ корова.... Какая неосторожность!... Успокойтесь! она глиняная. Вотъ китайскій домикъ, греческій храмъ, готическая башня, крестьянская изба; вотъ гуси и павлины, вотъ живая горная коза, вотъ деревянный русскій баранъ; вотъ прудъ, мостики, плоты, шлюбки и даже военный корабль! Однимъ словомъ: вы на каждомъ шагу встрѣчаете что-

нибудь неожиданное и новое, и все это, если не ошибаюсь, на одной десятинѣ земли. Этотъ садъ можно также причислить къ разряду публичныхъ садовъ, потому-что онъ, благодаря радушному хозяину, открытъ для всѣхъ, желающихъ полюбоваться его затѣйливымъ разнообразіемъ.

Наши загородныя гульбища такъ-же очень многочисленны; у насъ есть свой *прагеръ*, свое *тиволи*; оба эти названія вы можете прочесть въ афишкахъ, въ которыхъ съ такимъ краснорѣчіемъ приглашаютъ васъ, за тридцать копѣекъ серебромъ, гулять, сколько вамъ угодно, по тѣнистымъ дорожкамъ, смотрѣть безденежно на *чрезвычайныя* представленія эквилибристовъ, быть зрителемъ морскихъ сраженій, происходящихъ на покрытыхъ зеленью прудахъ и узенькихъ канавахъ; восхищаться пятидесяти-рублевымъ фейерверкомъ, или дивиться изобрѣтательности ума

человѣческаго, смотря на воздушный шаръ изъ китайской бумаги, который, какъ извѣщаютъ обыкновенно въ афишахъ, *будетъ пущенъ при звукахъ военной музыки.* Петровскій паркъ, Останкино, Сокольники, Марьиная роща и Петровское-Разумовское—вотъ загородныя гулянья, болѣе другихъ посѣщаемыя московскими жителями. Я не говорю уже о прогулкахъ въ Коломенское, Кусково, Кунцово — и еще нѣсколько далѣе отъ Москвы, въ Царицыно, Архангельское, Спасское, Братцово, Марфино, Кузминки—всѣ эти царскіе потѣшные дворцы и подмосковныя русскихъ бояръ, очаровательныя или мѣстоположеніемъ своимъ или роскошью своихъ садовъ, открыты для всѣхъ посѣтителей.

Я люблю вообще противоположности: вѣчное лѣто мнѣ точно также—бы надотло и сдѣлалось несноснымъ, какъ и безпрерывная зима. Мнѣ пріятно иногда провести ночь на пышномъ балѣ, въ кругу луч-

шаго московскаго общества, полюбоваться великолѣпнымъ убранствомъ и освѣщеніемъ нашихъ аристократическихъ гостиныхъ, посмотрѣть на этотъ роскошный цвѣтникъ московскихъ красавицъ, на ихъ воздушные и легкіе наряды, подчасъ довольно тяжелые для мужей и отцевъ. Но я люблю также иногда просидѣть вечерокъ у какой-нибудь замоскворѣцкой барыни, у которой домъ освѣщенъ рублевыми кенкетами и сальными свѣчами; люблю попить на свадьбѣ русскаго купца, у котораго cadaго гостя встрѣчаютъ молодые при звукѣ трубъ и литавръ, гдѣ, во время бала, васъ угощаютъ брусничной водою, чаемъ, винограднымъ виномъ, шеколадомъ, финиками, сладкой водкою и балыкомъ, и гдѣ за ужиномъ хозяинъ и хозяйка просятъ васъ кушать непременно за четверыхъ, приговаривая: «да ужъ сдѣлайте милость, батюшка, поневольтесь!» — Мнѣ случалось также и, право не безъ удоволь-

ствія, трапезничать у русскаго мужичка, когда онъ справляетъ храмовый праздникъ своего селенія, пить вмѣстѣ съ нимъ сычѣную брагу, кушать вареную баранину или пирогъ съ капустою и лакомится калеными орѣхами. Я люблю особенно этѣ противоположности тогда, когда между ими нѣтъ никакихъ постепенныхъ переходовъ, и онѣ, такъ сказать, встрѣчаются межъ собою, и вотъ почему рѣшился, въ послѣднее воскресенье прошлаго Іюля мѣсяца, побывать въ одинъ и тотъ-же день въ Марьиной рошѣ и въ Петровскомъ паркѣ. Этѣ два загородныя гулянья не въ дальнемъ разстояніи другъ отъ друга; но общества, ихъ посѣщающія, до такой степени различны межъ собою, что даже Цыгане, которые поютъ въ Петровскомъ вокзалѣ, не хотятъ знаться и водить хлѣбъ-соль съ Цыганами и Цыганками, забавляющими посѣтителей марьиной роши. Время было прекрасное; тихо — нигдѣ ни облачка. Я ве-

лѣлъ заложить мои пролѣтки и отправил-
ся.

Отъ Прѣсененской заставы до Марьиной
рощи я ѣхалъ Ходынскимъ полемъ, мимо
лѣтняго бѣга и скачки; потомъ, оставивъ
на лѣвой рукѣ Петровскій паркъ и Бу-
тырки, доѣхалъ по дорогѣ, проложенной
между огородовъ и луговъ до березовой
рощи, перерѣзанной во всю ея длину ши-
рокой просѣкою.

Я приказалъ кучеру дожидаться меня у
большой рощи, а самъ пошелъ пѣшкомъ.
Эта роща отдѣляется отъ другой, не очень
обширной, которая примыкаетъ къ Лаза-
реву кладбищу, широкимъ и продолгова-
тымъ лугомъ. На немъ бываетъ въ Се-
микъ одно изъ лучшихъ годовыхъ москов-
скихъ гуляній. Марьиная роща или Марьи-
ны рощи, бывшія нѣкогда Нѣмецкимъ
кладбищемъ, принадлежатъ теперь графу
Шереметеву. Олеарій, въ своемъ путеше-
ствии по Россіи при Царѣ Михаилѣ Оеодо-

ровичъ, упоминаетъ о нѣмецкомъ кладбищѣ за Покровскими воротами, слѣдовательно должно было-бы полагать, что въ Марьиной рошѣ погребали иновѣрцевъ еще при Царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ; но надпись на одномъ могильномъ камнѣ, на которомъ вырѣзанъ тысяча шесть сотъ шестьдесятъ осьмый годъ, противурѣчитъ этой догадкѣ; впрочемъ можно сказать утвердительно, что въ царствованіе Петра Великаго это кладбище было вовсе оставлено, и судя по названію: «Нѣмецкіе ста-ны», которое и до нынѣ еще старики даютъ Марьиной рошѣ, вѣроятно превратилось въ загородное гулянье иноземцевъ, жившихъ тогда въ Нѣмецкой слободѣ.... Въ большой рошѣ гуляющихъ было не-много; кой-гдѣ сидѣли отдѣльными группами семейства купцевъ и ремесленниковъ. Одни пили чай на каменныхъ могильныхъ плитахъ, изъ которыхъ многія совсѣмъ уже вросли въ землю; другіе курили трубки и

бесѣдовали за бутылкой кроновскаго пива. Эти мирныя наслажденія добрыхъ и трудолюбивыхъ людей были въ совершенной противоположности съ тѣмъ, что происходило въ двухъ трактирахъ, которые стоятъ на лугу, между большой и малой рощами. Въ наружной галлерей одного изъ этихъ трактировъ играла музыка, то-есть какой-то краснощекой артистъ, съ затекшими отъ перепоя глазами, заливался на кларнетъ, безобразный старикъ съ небритой бородою колотилъ въ турецкій барабанъ, и полупьяная Нѣмка, примаргивая правымъ глазомъ, отпускала удивительныя трели на скрыпкѣ. Вокругъ этаго оркестра толпились: Цыганки въ запачканныхъ платьяхъ и красныхъ мериносовыхъ платкахъ; записные гуляки въ венгеркахъ, удалые купеческіе сынки въ щеголеватыхъ сибиркахъ и пьяные старики съ такими безпутными и развратными рожами, что гадко и страшно было на нихъ взглянуть. Въ другомъ трак-

тиръ, какъ цѣлая псарня голодныхъ собакъ, съ визгомъ и завываньемъ, ревѣла толпа цыганъ, а передъ дверьми трактира, на песчаной площадкѣ, двое растрѣпанныхъ оборванцевъ отхватывали *трепака*, этотъ классическій танецъ всѣхъ загородныхъ питейныхъ домовъ и трактировъ самаго низшаго разряда. Я замѣтилъ однако-жъ, что большая часть гуляющихъ по лугу или вовсе не обращала никакого вниманія на эти притоны разврата, или смотрѣла на нихъ съ явнымъ отвращеніемъ. Я пошелъ въ слѣдъ за толпами, которыя спѣшили въ небольшую рощу, примыкающую къ Лазареву кладбищу. При самомъ входѣ, въ это средоточіе народнаго воскреснаго гулянья, я былъ пораженъ звуками, которые сильно потрясли мою душу; они воскресили въ ней память о давно прошедшемъ, перенесли меня за семьсотъ верстъ, въ ту деревню, гдѣ я, будучи еще ребенкомъ, слышалъ такъ часто эту самую хороход-

ную пѣсню, которая раздавалась теперь въ одномъ углу рощи. Разумѣется, я пошелъ прямо туда, протерся кой-какъ сквозь густую толпу народа и сталъ въ первомъ ряду зрителей. Почти весь хороводъ былъ составленъ изъ молодыхъ крестьянъ, и только двѣ или три сельскія дѣвушки, въ шелковыхъ повязкахъ и ситцевыхъ сарафанахъ, вмѣшались, какъ будто-бы нечаянно, въ этотъ мужской кругъ. Внутри хоровода ходила пара: краснощекая дѣвушка съ потупленными глазами и молодой, видный собою дѣтина, который отъ времени до времени отпускалъ разныя *ко-льницы*, то-есть: помахивалъ своимъ краснымъ платкомъ, подергивалъ лѣвымъ плечемъ и припадалъ бочкомъ къ своей дамѣ, которая продолжала ходить по прежнему, опустивъ къ низу свои *ясныя очи* и не обращая никакого вниманія на пантомину своего кавалера. Когда кончилась пѣсня, подъ которую происходилъ этотъ

танецъ, по образу пѣшаго хожденія, танцовавшая пара облобызалась и уступила свое мѣсто другой парѣ. Я пошелъ далѣе. Влѣво, за деревьями, подымалось нѣсколько зданій, около которыхъ тѣснился народъ. Въ самомъ большемъ изъ нихъ помѣщается главный трактиръ или, если вамъ угодно, ресторація марьиныхъ рощей; на высокомъ ея крыльцѣ пѣли русскіе пѣсенники, а вокругъ ходили толпами Цыганки и приставали къ каждому гуляющему, хотя нѣсколько похожему на такого чело-вѣка, который можетъ для своей забавы бросить полтину серебра и даже, при случаѣ, не постоятъ за цѣлковый. Одна изъ этихъ Цыганокъ, безобразная какъ смертный грѣхъ, подбѣжала ко мнѣ и проговорила сиповатымъ голосомъ: «Баринъ, голубчикъ! прикажи спѣть пѣсенку!»

— «Спасибо, любезная!» — отвѣчалъ я очень сухо, оборотясь къ ней спиною.

— «Ахъ ты соколъ мой ясный!» про-

должала Цыганка, забѣжавъ съ другой стороны. — «Да прикажи! потѣшь, золотой, и себя и насъ.»

— «Я, душенька, не охотникъ до пѣсенъ; ступай къ другимъ.»

Тутъ подлетѣла ко мнѣ еще Цыганка, также очень смуглая, но довольно мило-видная собою. — «Ахъ, сжалитель надъ нами!» сказала она, устремивъ на меня свои сверкающіе черные глаза. — «Прикажите намъ спѣть!»

— «Хочешь, красное солнышко,» — перервала первая Цыганка, — «мы споемъ тебѣ: «ты не повѣришь» или «общество наше;» ужъ распотѣшимъ — прикажи!»

Къ этимъ двумъ Цыганкамъ присоединилось еще съ полдюжины другихъ. Не зная, куда мнѣ отъ нихъ дѣваться, я вошелъ въ трактиръ, взглянулъ мимоходомъ на буфетъ, въ которомъ чловѣкъ десять прохлаждали себя ерофеичемъ, и остановился послушать разговоръ двухъ мастеровыхъ,

изъ которыхъ одинъ былъ уже подъ хмѣлькомъ. — «То-то, братъ Иванъ!» — говорилъ онъ другому мастеровому, — «раненько ты сталъ погуливать! тебѣ-бы не слѣдъ сюда шататься.»

— «А почему-жъ, Никита Степанычъ? Вѣдь ты пришелъ-же сюда погулять?»

— Я?... Ахъ ты глупая голова! да я-то развѣ ты?»

— «Да что-жъ ты, Никита Степанычъ, такъ кочевряжешься? Ты подмастерье и я подмастерье....»

— «Экъ разсудилъ!... Дурачина ты этакой! да вотъ, примѣромъ сказать, крестьянская кляча лошадь и графской рысакъ лошадь, а развѣ онѣ равны? Я былъ мастеръ и буду мастеромъ; я приѣду домой размертвецки — хозяинъ не посмѣетъ мнѣ слова сказать. А ты что? нахлюстаешься, а тебя завтра и по шеямъ!... Нѣтъ, Ванюха, выучись-ка прежде хорошенько своему мастерству, а тамъ и погуливай!»

Тутъ подлѣ меня началась какая-то ссора; явился городской, и я, какъ человѣкъ миролюбивый, поспѣшилъ выдти изъ трактира, и пошелъ по дорожкѣ, которая вела прямо къ Лазареву кладбищу. Эта усыпанная пескомъ дорожка можетъ назваться мѣстомъ гулянья самаго избраннаго общества марьиной рощи: тутъ на скамейкахъ сидѣло нѣсколько купцовъ съ своими женами, два или три пожилыхъ чиновника въ форменныхъ фракахъ; по этой дорожкѣ ходили взадъ и впередъ какія-то дамы въ щеголеватыхъ бурнусахъ, и даже одинъ франтъ въ альмавивѣ и бѣлой соломенной шляпѣ. Онъ шелъ рука объ руку съ другимъ молодымъ человѣкомъ, который, вѣроятно, такъ-же въ своемъ уголку считался записнымъ денди: его бакенбарды сходились на подбородкѣ, волосы были острижены въ кружечъ, на манишкѣ блистала стразовая булабочка, по бархатному жилету висѣла цѣпочка, вѣроятно бронзовая;

но что болѣе всего изобличало въ этихъ господахъ самыхъ отчаянныхъ львовъ своего квартала, такъ это было то, что отъ нихъ пахло за версту *пачули*, и что они говорили, во услышаніе всѣмъ, на французскомъ діалектѣ; по-крайней-мѣрѣ одинъ изъ нихъ, проходя мимо меня, сказалъ другому: «комъ ву зетъ плезантъ, монъ шеръ!» Пройдя нѣсколько разъ по этой дорожкѣ, я вышелъ опять къ трактиру и остановился противъ досчатаго балагана, у котораго верхняя часть построена въ видѣ сквозной галереи; въ ней съ правой стороны двѣ женскія куклы, въ обыкновенный человѣческій ростъ, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ и съ букетами въ рукахъ, кружились на одномъ мѣстѣ; съ лѣвой стороны другія двѣ куклы, небольшого размѣра, возбуждали непрерывный смѣхъ въ толпѣ любопытныхъ зрителей; одна изъ нихъ, представляющая лысаго старика съ краснымъ носомъ, закидывала

назадъ голову и пила изъ деревяннаго стакана, а другая, которую почтенная публика называла эконолкою, поминутно нюхала табакъ. Посреди галлерей вертѣлись на кругу небольшія лодочки, въ которыхъ сидѣли посѣтителы этаго — по словамъ вывѣски — *машиннаго парохода*. Я подошелъ къ дверямъ и прочелъ на нихъ надпись: *входъ въ ботаническую галлерей*.

— «Ты, братецъ, хозяинъ этой комедіи?» — спросилъ я у русскаго мужичка, который сидѣлъ при входѣ за небольшимъ прилавкомъ.

— «Я, батюшка!» — отвѣчалъ онъ, приподнявъ свою шляпу.

— «А что за входъ?»

— «Пятакъ серебромъ.»

— «Вотъ тебѣ гривенникъ, любезный, только растолкуй мнѣ, почему у тебя написано: входъ въ ботаническую галлерей?»

— «А какъ-же, сударь? вѣдь у меня тамъ вертятся машинные боты.»

— «А, вотъ что!... Такъ, любезный, такъ! — Ты самъ придумалъ эту надпись?»

— «Самъ, батюшка,» — отвѣчалъ русскій механикъ, поглаживая свою бороду. — «Мы ужъ давно въ этомъ упражняемся. Да милости просимъ — пожалуйста, сударь!»

Я не могъ воспользоваться этимъ приглашеніемъ, потому что торопился въ Петровскій паркъ. — «Какъ это странно,» подумалъ я, идучи къ моимъ дрожкамъ, «въ Москвѣ самыя любимыя гулянья простаго народа: Ваганьково и Марьиная роща, Ваганьково кладбище за Прѣсенской заставою, Марьиная роща также старое кладбище, примыкающее къ Лазаревому кладбищу, въ двухъ шагахъ отъ Сущевскаго кладбища; однимъ словомъ, это мѣсто самыхъ буйныхъ забавъ, пьянства и цыганскихъ пѣсенъ, окружено со всѣхъ сторонъ кладбищами. Въ этой Марьиной рощѣ все

кипитъ жизнью и все напоминаетъ о смерти. Тутъ, среди древнихъ могилъ, гремитъ разгульный хоръ цыганокъ; тамъ, на гробовой плитѣ, стоитъ самоваръ, бутылки съ ромомъ и пируютъ русскіе купцы. Здѣсь, у самой насыпи, за которой поднимаются могильные кресты лазарева кладбища, раздается удалая хороводная пѣсня, кругомъ мертвые спятъ непробуднымъ сномъ; а толпа живыхъ, безпечно посматривая на эту юдоль плача, скорби и тлѣнія, гуляетъ, веселится и безумствуетъ, не думая ни мало о смерти. Что за чудная страсть у нашего простаго народа веселиться на кладбищахъ? Отъ чего происходитъ это совершенное равнодушіе къ мѣсту, которое должно-бы возбуждать не веселье, не житейскіе помыслы, но чувство грусти и христіанскаго умиленія? Ужъ не остатокъ-ли это нашихъ языческихъ обычаевъ? Въ древнія времена мы справляли *тризну* по усопшимъ; въ наше время простой на-

родъ пьетъ вино и гуляетъ на поминкахъ почти такъ-же, какъ на свадебномъ пиру; слѣдовательно измѣнилось одно только названіе этаго обычая. Быть можетъ, встарину русской народъ любилъ такъ-же, какъ и теперь, собираться въ извѣстные дни пировать на гробахъ своихъ предковъ и передавать этотъ обычай своимъ потомкамъ. Я скорѣй хочу вѣрить этому, чѣмъ думать, что наши мужички и ремесленный народъ веселятся среди могилъ по какому-то грубому и безотчетному равнодушію къ смерти, свойственному однимъ безсловеснымъ животнымъ.»

Разсуждая такимъ образомъ, я вовсе не думалъ встрѣтить въ этой-же Марьиной рошѣ неоспоримое доказательство, что есть люди, которые, наблюдая обычаи просвѣщенной европы, стоятъ еще ниже, въ моральномъ отношеніи, этихъ развратныхъ мѣщанъ, гулякъ-мастеровыхъ и безграмотныхъ мужиковъ. Пробираясь къ мо-

имъ дрожкамъ, я остановился противъ одного изъ трактировъ, о которыхъ сказалъ уже нѣсколько словъ моимъ читателямъ. На крыльцѣ этаго трактира, въ толпѣ цыганъ, которые пѣли плясовую пѣсню, стоялъ молодой человѣкъ лѣтъ тридцати; онъ присвистывалъ, приплясывалъ и, повидимому, былъ въ совершенномъ восторгѣ отъ пѣсни. Тутъ нѣтъ еще ни чего страннаго, но вотъ что меня поразило: у этаго молодаго человѣка шляпа была обвернута крепомъ, а на обшлагахъ чернаго фрака нашиты широкія плѣрезы, слѣдовательно онъ недавно еще, быть можетъ нѣсколько дней тому назадъ, лишился отца, матери или жены, и не смотря на это, не снимая даже своего глубокаго траура, прибѣжалъ слушать Цыганъ въ Марьину рощу!... Поглядѣвъ нѣсколько минутъ на этаго чудака, я сѣлъ въ мои пролѣтки и велѣлъ кучеру ѣхать въ Петровскій паркъ, о которомъ поразскажу кой-что читате-

лямъ не въ этой, а въ слѣдующей книж-
кѣ моихъ записокъ, если только эта слѣ-
дующая книжка выдетъ, что впрочемъ со-
вершенно зависитъ отъ пріема, который
сдѣлаютъ читатели этому первому опыту
«Московскихъ очерковъ», можетъ быть весь-
ма неискусныхъ; но, если не ошибаюсь,
довольно вѣрныхъ и чуждыхъ всякаго при-
страстія.

Х.

СМѢСЬ.

ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ. — МОСКОВСКІЯ ФАБРИКИ. — ДУ-
РАКИ. — БОЛЬШОЙ КОЛОКОЛЬ И ЦАРЬ-ПУШКА. — БУЛЬ-
ВАРНЫЙ РАЗГОВОРЪ. — КРЕМЛЬ ПРИ ЛУННОМЪ СВѢТѢ. —
ВОРОНЫ.

★ ★
★

Откуда перешелъ въ Европу обычай
посылать по праздникамъ другъ къ другу
визитныя карточки? Ужъ не изъ Китая-ли?
Въ Китаѣ этотъ размѣнъ поздравительныхъ
записокъ, на разныхъ узорчатыхъ и цвѣт-
ныхъ бумажкахъ, принадлежитъ къ числу
самыхъ древнихъ обычаевъ. Мы только
упростили этотъ способъ поздравленія съ
праздникомъ. Мы пишемъ или печатаемъ на

карточкахъ одни имена наши, а все остальное подразумѣвается. Есть люди, которые никогда не посылаютъ карточекъ и даже находятъ этотъ обычай невѣжливымъ; они обыкновенно, вмѣсто визитныхъ билетовъ, рассылаютъ слугъ съ изустными поздравленіями. Да полно лучше-ли это? Карточка можетъ затеряться — это правда; но слуга еще скорѣе забудетъ доложить своимъ господамъ, что такой-то или такая-то присылали ихъ поздравить съ праздникомъ, а вѣдь это не бездѣлица. Не даромъ говорится, что отъ копѣчной свѣчи Москва сгорѣла. — «Да помилуйте! на что это «походить? Я самъ былъ у него съ визитомъ, а онъ даже не прислалъ меня и «поздравить! Да съ чего онъ взялъ, что «можетъ трактовать меня какимъ-нибудь «Кондрашкою?... Да чѣмъ я хуже его?... «Да я въ другой разъ ему и карточки не «пошлю!...» И вотъ люди, которые были въ пріятельскихъ отношеніяхъ, начинаютъ

ссориться между собою, расстаются домами и даже перестают кланяться другъ другу.

Было время визитныхъ карточекъ цвѣтныхъ, тисненыхъ, съ гирляндами, коймами и разными другими затѣями; теперь мода на бѣлыя лакированныя карточки безъ всякихъ украшеній. Другихъ вы не увидите. Очень жаль, что мы, не смотря на нашу охоту подражать во всемъ иностранцамъ, не переймемъ у нихъ обычай печатать или писать свои адреса на визитныхъ карточкахъ. Какъ часто случается, что самого строгаго исполнителя всѣхъ общественныхъ приличій и условій называютъ невѣжей и гордецомъ за то, что онъ — бѣдняжка! не знаетъ, куда ему ѣхать или куда отослать свою карточку. Мнѣ самому случилось однажды обѣгать всѣ гостинницы и перебывать почти во всѣхъ частныхъ домахъ, чтобъ узнать, гдѣ живетъ одинъ провинціалъ, который былъ у меня съ ви-

зитомъ; межъ-тѣмъ какъ я искалъ его по всей Москвѣ, онъ кончилъ дѣла, уѣхалъ въ свою губернію, и теперь, какъ слышно, гнѣвается ужаснымъ образомъ, не только на меня, но даже на всю Москву.—«Хороша столица!» — говоритъ онъ при всякомъ удобномъ случаѣ. — «Вѣжливый народъ эти москвичи!... спѣсивцы этакіе!... невѣжи! Имъ-бы приѣхать къ намъ въ Казань, да поучиться общежитію!...»

Въ Новый годъ и на Святой недѣлѣ бываетъ самый большой расходъ визитнымъ карточкамъ. Лакеи на извозникахъ, верхомъ и пѣшкомъ рыскаютъ по всему городу. Москва такъ велика, что эта развозка билетовъ бываетъ иногда весьма затруднительна и тягостна; напримѣръ: если вы живете у Калужской заставы и должны послать карточку къ Лафертовскому дворцу, то вашему человѣку придется сдѣлать въ два конца, то-есть туда и назадъ, безъ малаго двадцать пять верстъ.

Впрочемъ разносчики билетовъ находятъ средство облегчать свои труды: у нихъ есть сборныя мѣста; главное изъ нихъ въ Охотномъ ряду. Тамъ они сличаютъ свои списки и мѣняются визитными карточками. Разумѣется, это не всегда бываетъ безъ ошибокъ. Иногда вамъ отдадутъ карточку какого-нибудь барина, съ которымъ вы вовсе незнакомы, или заставятъ васъ самихъ поздравить съ праздникомъ человека, съ которымъ вы не хотѣли-бы и встрѣтиться. Я помню одну изъ этихъ ошибокъ, которая имѣла весьма грустныя послѣдствія. Тому назадъ лѣтъ тридцать жили въ Москвѣ двѣ сестры, одна замужняя, другая вдова. Вдова, которую я назову Анной Ивановной Смѣльской, занемогла на Святой недѣлѣ и умерла на Ооминой. Спустя почти годъ послѣ этаго, въ первый день Свѣтлаго праздника, сестра ея отправила, по обыкновенію, лакея развозить визитные билетцы. По ошибкѣ гор-

ничной дѣвушки, слугѣ отданы были билеты, которые остались послѣ умершей сестры, то-есть Анны Ивановны Смѣльской. И вотъ покойница принялась разѣзжать по Москвѣ и дѣлать визиты всѣмъ прежнимъ своимъ знакомымъ. Это-бы еще ничего: подивились-бы, посмѣялись-бы этой ошибкѣ, да и только; но, къ несчастію, этимъ дѣло не кончилось: у покойной Смѣльской была душевная пріятельница, княгиня Д****. Когда-то, во время дружескаго разговора, Смѣльская сказала княгинѣ, что если умретъ прежде ее, то непременно къ ней явится за нѣсколько дней до собственной своей смерти. Представьте же себѣ ужасъ бѣдной княгини, когда ей, въ первый день праздника, подали билетъ съ именемъ умершей ея пріятельницы. Это до того поразило ея воображеніе, что она упала въ обморокъ, — занемогла; съ ней сдѣлалась воспалительная горячка и она точно такъ-же, какъ Смѣльская, умерла на Оо-

миной недѣлъ, повторяя безпрестанно: «Ахъ, Анета! зачѣмъ ты прислала такъ рано за мною? Вѣдь мнѣ еще хотѣлось пожить, мой другъ!»

••

Въ письмѣ моемъ къ издателю этѣхъ записокъ я сказалъ, что въ Москвѣ процвѣтаетъ наша ремесленная промышленность; въ числѣ моихъ читателей найдутся, можетъ быть, и такіе, для которыхъ одни слова безъ фактовъ и положительныхъ цифръ ничего не значать. Чтобы удовлетворить вполнѣ ихъ требованіямъ, я помѣщаю здѣсь краткое, но самое вѣрное исчисленіе всѣхъ московскихъ фабрикъ, заводовъ и ремесленныхъ заведеній (*). Въ Москвѣ различныхъ заводовъ 198, фабрикъ 884, ремесленныхъ заведеній 2989, всего 4071. При нихъ рабочихъ людей 70,209 человекъ, что составляетъ болѣе, чѣмъ

(*) Это писано въ 1840-мъ году.

пятую долю всего народонаселенія Москвы. Кажется, послѣ этаго Москва, если-бъ она не была нашей древней столицею, могла-бы назваться, по всей справедливости, русскимъ Манчестеромъ.

Нѣкоторыя изъ московскихъ фабрикъ (не во гнѣвъ будь сказано русскимъ европейцамъ) могутъ безъ стыда поставить свои произведенія рядомъ съ лучшими произведеніями иноземныхъ фабрикъ. Фарфоръ г-на Попова, хрусталь господъ Орлова и Мальцова, серебряныя издѣлія г-на Сазикова и нѣсколько фабрикъ, на которыхъ выдѣлываются шелковыя матеріи, штофы и парчи, конечно-бы заняли почетное мѣсто вездѣ — не исключая ни Англіи, ни Франціи. Я не назвалъ въ этомъ числѣ фабрику бумажныхъ табакерокъ г-на Лукутина, потому что она — относительно — стоитъ выше всѣхъ другихъ. Табакерки, работанныя на этой фабрикѣ, по своей отличной отдѣлкѣ, изящной формѣ, живопи-

си, а особенно по необычайной прочности своего лака, рѣшительно превосходятъ знаменитыя брауншвейгскія. Этѣ московскія табакерки расходятся не въ одной Россіи: г-нъ Лукутинъ отправляетъ ихъ въ большомъ количествѣ за границу. Многіе этому не вѣрятъ. Не вѣрилъ также этому и одинъ изъ моихъ знакомыхъ, пока не побывалъ въ Парижѣ. Отправляясь назадъ въ Россію, ему вздумалось купить въ Палероялѣ хорошую бумажную табакерку. Онъ выбралъ ту, которая ему понравилась, и, любуясь ею, вѣроятно пожалѣлъ въ душѣ, что у насъ въ Россіи не умѣютъ еще такъ работать. Представьте-же себѣ его удивленіе, когда, желая обновить свою покупку, онъ увидѣлъ на внутренней сторонѣ крышки двуглаваго русскаго орла и подпись фабриканта Лукутина. Знакомый мой этому порадовался, а я знаю людей, которыхъ-бы это весьма огорчило: купить русскую табакерку въ Парижѣ — да

это такой срамъ, что его пережить нельзя!

★ ★

★

У меня былъ пріятель — дай Богъ ему царство небесное! — Ѳедосей Гавриловичъ Прутиковъ — истинно умный и добрый старикъ; но самый отчаянный и упрямый софистъ. Его любимый парадоксъ, который онъ защищалъ съ необыкновеннымъ искусствомъ, покажется для всякаго очень страннымъ. Онъ увѣрялъ, что дураковъ нѣтъ на свѣтѣ; что дуракъ есть существо миѳическое, небывалое; что это просто выдумка, клевета на природу. — «Да съ чего взяли,» — говорилъ онъ всегда, «что есть на свѣтѣ дураки? Чистыхъ, безусловныхъ дураковъ нѣтъ въ натурѣ; все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ каждый былъ на своемъ мѣстѣ, и тогда, повѣрьте мнѣ — дуракъ будетъ такою рѣдкостью, что его стануть за деньги показывать. Вотъ, напримѣръ, природа создала Степана

хорошимъ пастухомъ, а случай и люди сдѣлали его судьею. Ну, разумѣется, Степанъ за своимъ присутственнымъ столомъ будетъ сидѣть дуракъ дуракомъ. Да развѣ онъ въ этомъ виноватъ? Дайте-ка ему подѣ команду коровъ, да кнутъ въ руки, такъ вы посмотрите, откуда у него и умъ возьмется. Или знаете-ли что? Представьте себѣ, что въ каретѣ сидитъ баринъ, который охотникъ до рысаковъ и выѣзжаетъ ихъ самъ на бѣгу; а на козлахъ сидитъ кучеръ, который изъ отличныхъ старость попалъ въ прескверные кучера, потому только, что у него черная окладистая борода и плечи въ косую сажень. Баринъ, который сидитъ въ каретѣ, промоталъ глупымъ образомъ все наслѣдственное имѣніе; заводилъ конскіе заводы тамъ, гдѣ и солома въ чести, сажалъ на пашню безземельныхъ крестьянъ и строилъ фабрики именно въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ много было земли, а мало рукъ; однимъ словомъ:

во всю жизнь свою дѣлалъ глупости. Кучеръ, который сидитъ на козлахъ, вовсе не умѣетъ править лошадьми: одна у него везетъ, другая нѣтъ; ту затянетъ, этой дастъ волю, путается въ возжахъ, то зацѣпитъ за фонарный столбъ, то набѣдетъ на надолбы — ну такое животное, что не приведи Господи! Чтожъ, батюшка? Вы вѣрно скажете: «и въ каретѣ сидитъ дуракъ и на козлахъ дуракъ.» — Анъ нѣтъ, сударь! Имъ стоить только помѣняться мѣстами и они будутъ люди преумные.»

Я обыкновенно, слушая моего пріятеля, улыбался, не спорилъ съ нимъ, дивился его краснорѣчію; но въ душѣ моей никогда не былъ съ нимъ согласенъ. Нѣтъ! есть на свѣтѣ природные дураки, которые во всякомъ состояніи и во всякомъ званіи останутся дураками, только ихъ не такъ много, какъ думаютъ иные. Совершенные умницы и совершенные дураки рѣдки; люди умные и люди простые встрѣчаютъ

ся несравненно чаще. Есть также люди, которые кажутся глупыми, а межъ-тѣмъ ведутъ себя и поступаютъ очень умно, есть и такіе, которые славятся своимъ умомъ, и подлинно, на словахъ города берутъ, а посмотришь—поминутно дѣлаютъ глупости. Послушайте инаго—Господи Боже мой! — начнетъ говорить о политической экономіи, объ умноженіи народнаго богатства, о государственномъ кредитѣ, о погашеніи всѣхъ внутреннихъ долговъ — министръ финансовъ да и только!... А поговорите съ его прикащикомъ, такъ у васъ волосы дыбомъ станутъ! — Другой начнетъ толковать о воспитаніи дѣтей — книга! заслушаешься! А поглядишь, у кого дочка убѣжала съ какимъ-нибудь гусарскимъ корнетомъ? — у него! У кого сыновья всѣ до одного пострѣлы? у него.... Впрочемъ, все это однѣ исключенія. Самая большая часть людей, относительно къ уму — какъ-бы вамъ сказать?... ни то, ни

сѣ: въ нихъ есть довольно здраваго смысла, чтобъ не дѣлать пошлыхъ глупостей; но нѣтъ довольно ума, чтобъ по собственному побужденію рѣшиться на что-нибудь новое или необыкновенное. Они готовы идти всю жизнь свою по той-же самой битой тропинкѣ, по которой шли ихъ отцы и дѣды; собственно своего мнѣнія они почти никогда не имѣютъ: поживутъ съ глупцомъ, а особливо начитаннымъ, тотъ-часъ поглупѣютъ; поживутъ съ умнымъ человекомъ, какъ будто-бы сдѣлаются умнѣе. Однимъ словомъ, эти господа походятъ на безчисленные колеса какой-нибудь огромной и сложной машины; каждое изъ этихъ колесъ вертится очень хорошо на своей оси, но ужъ больше этаго ничего и не требуютъ; — само собою оно не зацѣпитъ другаго колеса, не приведетъ въ движеніе рычага, не заставитъ вертѣться шестерню: для этаго нужна мысль и воля великаго художника, подъ творческой рукой кото-

раго всѣ эти безчисленные колеса будутъ дѣйствовать за-одно: станутъ подымать тяжести, чеканить монету, прѣсть бумагу, ткать узорчатые ковры; какъ птица, полетятъ по желѣзной дорогѣ, и какъ рыба, безъ вѣселъ и парусовъ, вспашутъ волны безпредѣльнаго океана. За-то ужъ къ этой машинѣ какой-нибудь шарлатанъ или мастеръ-самозванецъ и не притрогивайся — все пойдетъ вверхъ дномъ! — А, къ несчастью, это иногда бываетъ. Обыкновенно мнѣніемъ этихъ господъ *ни то, ни сѣ*, то-есть: мнѣніемъ толпы, управляютъ умные люди, но подь-часъ удается забрать эту власть къ себѣ въ руки или бойкому шарлатану или наглому глупцу, и вотъ почему *общее мнѣніе*, которое должно-бы всегда оправдывать русскую пословицу: «гласъ народа гласъ Божій» бываетъ не рѣдко ошибочнымъ, несправедливымъ и даже иногда совершенно нелѣпымъ.

Вообще дураковъ можно раздѣлить на

три разряда: дураки — просто дураки, дураки съ претензіями и дураки ученые. Съ господами перваго разряда жить еще можно; съ тѣми, которые принадлежать ко второму разряду, можно только жить по крайней необходимости, однако-жъ все-таки, хотъ съ трудомъ, да можно. А не приведи васъ Господи, не только жить, но имѣть какое-нибудь дѣло съ ученымъ глупцомъ. Будьте ласковы съ простымъ дуракомъ, не смѣйтесь надъ нимъ въ глаза, погладьте иногда по головкѣ — съ него и довольно. Глупецъ съ претензіями совсѣмъ другое дѣло: за нимъ надобенъ большой уходъ. Онъ чрезвычайно раздражителенъ, всѣмъ обижается, все охуждаетъ, во все мѣшается, хочетъ быть знатокомъ въ изящныхъ искусствахъ, оцѣнщикомъ талантовъ, и если сверхъ того онъ человекъ богатый или знатнаго рода, то любитъ окружать себя льстецами, которые кадятъ ему, обманываютъ, обираютъ, и которыхъ онъ обыкно-

венно называетъ людьми ему преданными. Съ глупцемъ этаго разряда ужиться конечно не легко: тутъ надобенъ и умъ и сноровка; напримѣръ: если онъ отпуститъ какую-нибудь пошлую остроту, тотъ-часъ засмѣйтесь; а если обмолвится и скажетъ что-нибудь не вовсе глупое, такъ начните хохотать до того, чтобъ васъ водой отливали; если онъ похвалитъ какіе-нибудь плохіе стихи, ставьте ихъ тотчасъ рядомъ съ стихами Жуковскаго и Пушкина; если покажетъ вамъ дурную копію съ извѣстной картины — восхищайтесь! если назоветъ ее оригиналомъ — вѣрьте! Однимъ словомъ, что-бъ онъ ни сдѣлалъ, что-бы ни сказалъ, вы все это должны находить разумнымъ, прекраснымъ, и если въ добавокъ къ этому станете почаще и пониже ему кланяться, то ужъ вѣрно съ нимъ поладите. Но ученый дуракъ.... нѣтъ! отъ него вы такъ дешево не отдѣляетесь — что ему ваши поклоны! Онъ требуетъ, чтобъ

ему не кланялись, а *поклонялись*, какъ воплощенной наукѣ. Глупецъ съ обширной памятью, которая дается иногда и пошлымъ дуракамъ, можетъ быть отличной справочной книгою, хронологической таблицей, энциклопедическимъ словаремъ и даже ординарнымъ профессоромъ любого нѣмецкаго университета; но истинно ученымъ человекомъ никогда не будетъ; а онъ-то именно и думаетъ, что онъ свѣтильникъ между людьми. Конечно, дураки этаго разряда попадаются не часто. Но если судьба сведетъ васъ съ однимъ изъ этихъ господъ, то ужъ вы конечно не скажете, что въ здѣшнемъ мірѣ глупцы созданы для забавы умныхъ людей, — а развѣ съ душевнымъ убѣжденіемъ повторите прекрасный стихъ князя Шаховскаго:

«Пѣтъ! глупость не порокъ, а все пороки въ ней.

★ ★
★

Кто изъ приѣзжающихъ въ Москву, а особливо въ первый разъ, не спѣшитъ по-

★ ★

бывать въ Кремль, поклониться московскимъ угодникамъ, взглянуть на царскіе терема, Красное крыльце и Грановитую палату. Если Москва можетъ назваться сердцемъ росіи, то и Кремль заслуживаетъ это названіе, относительно къ самой Москвѣ. Обыкновенно приѣзжіе начинаютъ или оканчиваютъ свою прогулку въ Кремль поклоненіемъ Иверской Божіей Матери, вокругъ часовни которой всегда толпится народъ. Въ самомъ Кремль болѣе всего, разумѣется послѣ святыни, обращаютъ на себя вниманіе простолудиновъ большой колоколъ и царь-пушка. Я думаю, нѣтъ такого отдаленнаго уголка въ Россіи, гдѣ не знали-бы, хотя по рассказамъ, что въ Москвѣ есть колоколъ, которымъ можно, какъ шапкою, накрыть порядочную избу — и толстая пушка, которая такъ велика, что въ ней солдаты въ карты играютъ, и что изъ нее никогда не стрѣляли «затѣмъ — дескать, что если изъ нее выпалить, такъ

«Иванъ Великой покачнется и стѣна кремлевская треснетъ.»

Вотъ, рассказываютъ, однажды ночью большой колоколъ, который стоитъ на своемъ каменномъ подножїи, подъ самыми колоколами ивана великаго, заговорилъ человѣческимъ голосомъ. — «Куда, подумаешь,» сказалъ онъ, — «я великъ и славетъ! Кто на святой Руси не знаетъ большаго московскаго колокола, въ которомъ двѣнадцать тысячъ пудъ вѣсу. Нельзя только мнѣ удалити-то своей показать! замолчали-бы у меня всѣ эти валдайскіе колокольчики, которые величаютъ себя колоколами! Поубавилъ-бы я въ нихъ спѣси; а то туда-жъ звонятъ себѣ, какъ будто путные! — бубеньчики этакіе!... Эхъ, кабы воля, да воля! рывкнулъ-бы я такъ, что у меня-бы вся бѣлокаменная ходуномъ заходила, а Москва-рѣка изъ береговъ выплеснулась! Да что и говорить: много въ Кремль всякихъ коло-

коловъ и пушекъ, а кто мнѣ пара?... Всѣхъ я и больше и тяжелѣе!»

— «Полно сосѣдушка!» заговорила царь-пушка, разинулъ свою огромную пасть. — «Не одинъ ты великъ и тяжелъ; въ тебѣ двѣнадцать тысячъ пудъ вѣсу — ну чтожъ? передъ тобою! За-то, любезный, ты съ изъянцемъ: у тебя край вышибень; а во мнѣ хоть только двѣ тысячи четыреста пудъ, да я цѣлехонька. А годами-то со мной ужъ и не считайся! Тебя вылили на бѣлый свѣтъ при Императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, а меня русской литецъ Андрей Чоховъ отлилъ при Царѣ и Великомъ Князѣ Оеодорѣ Ивановичѣ—такъ я, голубчикъ, въ бабушки тебѣ гожусь. Гнѣваешься ты, что надъ тобою звонятъ такіе мелкіе колокошки.... ну кто говорить — обидно! Да мнѣ-то развѣ легче? Посмотри, какую наклали подлѣ меня мелюзгу — взглянуть не начто! пистолетишки карманные! а еще зовутъ ихъ пушками!.... Хороши пушки!...

Да что, изъ нихъ горохомъ чтоль стрѣляли? — Эхъ, сосѣдушка, сосѣдушка! кабы тебѣ зазвонить, а мнѣ выпалить, такъ ужъ подлинно Москва-бы ходуномъ пошла!»

— «Да что вы такъ расхвастались?» — сказалъ прохожій, который подслушалъ этотъ разговоръ. «Ты колоколъ великъ, да что въ тебѣ толку? — Ты пушка толста, да на что ты годна? Ты колоколъ честишь другіе колокола бубенчиками, да они звонять, а въ тебя звонить нельзя. Ты пушка называешь другія пушки пистолетишками — да изъ нихъ стрѣляли, а изъ тебя стрѣлять не можно. Такъ стойте-ка себѣ оба смирнехонько на своихъ мѣстахъ, да небольно чваньтесь. Пусть простой народъ на васъ зѣваетъ и дивуется вашей толстотѣ и дородству, — а вы себѣ знайте и вѣдайте, что въ людяхъ не тому почетъ, кто великъ тѣломъ, да малъ дѣломъ, дюжъ и дороденъ, да ни начто не пригоденъ; а тому, кто и малъ да удалъ, и хотъ собой

не взраченъ, да на все удаченъ. Малъ золотникъ да дорогъ, велика Федора да дура.»

★ ★
★

Третьяго-дня, гуляя на Тверскомъ бульварѣ, я присѣлъ отдохнуть на скамьѣ противъ самой бесѣдки. Подлѣ меня сидѣли два господина среднихъ лѣтъ, одинъ очень толстый, другой отмѣнно худощавый. Мое сосѣдство не помѣшало имъ продолжать начатый разговоръ, который я передаю своимъ читателямъ во всей его первобытной простотѣ и безъ всякихъ прикрасъ и замѣчаній съ моей стороны.

— «Такъ ты, Иванъ Алексѣевичъ, былъ вчера на этомъ аукціонѣ?»—говорилъ толстый.

— «Былъ, Андрей Степановичъ,» — отвѣчалъ худощавый.

— «Купилъ что-нибудь?»

— «Какъ-же! купилъ картину.»

— «Что, дорого заплатилъ?»

— «Триста двадцать пять рублей ассигнаціями. Славная картина! огромная, братецъ — во весь простѣнокъ.... одна рамка этѣхъ денегъ стоить.»

— «А что она представляетъ?»

— «Да какъ-бы тебѣ сказать? какое-то народное сходбище — фигуръ до тридцати будетъ. Особенно, братецъ, понравилась мнѣ одна фигура: откуда ни зайди — она все на тебя смотритъ — удивительно!»

— «Такъ это, Иванъ Алексѣевичъ, долженъ быть какой-нибудь оригиналъ?»

— «Да, я думаю! знаешь-ли — замѣтна этакъ фламандская замашка.»

— «Ну, любезный, поздравляю! Я самъ сего-дня на этомъ аукціонѣ разорился: накупилъ книгъ.»

— «Какихъ?»

— «Французскихъ, братецъ. Диковинный переплетъ! И все такого большаго формата, съ золотымъ обрѣзомъ; есть и съ картинками. Прекрасныя книги! лю-

бо посмотрѣть, братецъ! а въ шкафу за стекломъ еще будутъ виднѣе! — Однако-жъ, пора обѣдать. Пойдемъ, Иванъ Алексѣевичъ!»

Мои сосѣды встали и пошли скорыми шагами внизъ къ Никитскому бульвару.

★ ★

★

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ тихую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западъ и ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь любоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣ-

сколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы, и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. — Поздно вечеромъ вы ни кого не встрѣтите въ Кремль; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни. Но все это отъ васъ далеко — вы выше всего этаго. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки и всѣ до-

ма подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ — облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ по прежнему и позлащенный крестъ ивана великаго горитъ яркой звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя, какъ стройно и величаво поднимаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнные тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы, — какъ это все отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движеніе и суета, люди или хлопчутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все такъ-же живетъ, — но только другою жизнію. Этѣ высокія стѣны, древнія баш-

ни и царскіе терема не безмолвны, — они говорятъ вамъ о быломъ; они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ—и бѣдствія и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое, такъ быстро и такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ своихъ. Здѣсь вы окружены древнею русской святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы. Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій.... Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете

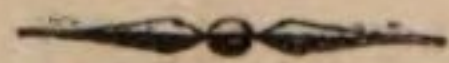
нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вы вѣрно скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому-что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непременно это сдѣлать, — хотя изъ любви къ прекрасному.

★ ★
★

Проходя Петровскою площадью, я иногда останавливаюсь и смотрю съ любопытствомъ на стаи воронъ, которыя безпрестанно вьются надъ кровлею большого театра; меня очень забавляютъ ихъ усилія посидѣть на остроконечной верхушкѣ громоваго отвода. Онѣ дерутся межъ собою, кричатъ, суетятся, и если одной изъ воронъ, побойчее другихъ, удастся на нѣсколько секундъ удержать себя въ равновѣсїи, то другія бросаются на нее цѣлой

гурьбою, бьютъ ее крыльями, щиплютъ и тотъ-часъ сгоняютъ.

— «Вотъ животное-то, какъ ни говорите, а все глупѣе человѣка!» — думаю я всякой разъ, смотря на этѣ воздушныя боища. «Ну что за-охота этѣмъ глупымъ воронамъ хлопотать, мучиться, вытерпывать побои, держаться одной ногой на остромъ безпокойномъ спицѣ, и все это для того только, чтобъ просидѣть четверть минуты повыше другихъ!»

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

	стр.
Отъ издателя.	5
I. Московскій старожиль.	21
II. Взглядъ на Москву.	45
III. Сцены изъ московской домашней и общественной жизни. Сцена 1-я: Выборъ жениха.	75
IV. Московская старина.	110
V. Контора дилижансовъ.	154
VI. Два московскихъ бала въ 1801 году. . .	159
VII. Московскіе балы нашего времени. . . .	192
VIII. Сцены изъ московской домашней жизни. Сцена 2-я: Живописецъ.	229
IX. Марьяна роща.	272
X. Смѣсь. Визитныя карточки. — Московскія фабрики. — Дураки. — Большой колоколь и царь-пушка. — Бульварный разговоръ. — Кремль при лунномъ свѣтѣ. — Вороны.	296

МОГИЗ № 32

Цена 40 р.

СОЛТАНОВ

издательство

I.	Московский словарь	21
II.	Словарь по Москве	48
III.	Словарь по московской промышленности и об- щественной жизни. Словарь 1-й: Выборг	75
IV.	Московский словарь	110
V.	Словарь по Москве	125
VI.	Словарь по Москве	130
VII.	Словарь по Москве	135
VIII.	Словарь по Москве	140
IX.	Словарь по Москве	145
X.	Словарь по Москве	150
XI.	Словарь по Москве	155
XII.	Словарь по Москве	160
XIII.	Словарь по Москве	165
XIV.	Словарь по Москве	170
XV.	Словарь по Москве	175
XVI.	Словарь по Москве	180
XVII.	Словарь по Москве	185
XVIII.	Словарь по Москве	190
XIX.	Словарь по Москве	195
XX.	Словарь по Москве	200

Buchbind
H. Wawrzy
Marktplatz
8011 Kirch

3/9

Zagoskin, Michail N.,

Moskva i moskviči Zapiski Bogdana Il'iča Běl'skago, izdavaemye M. N.
Zagoskinym

Bd.: 1

Moskva 1842

Russ. 332 x-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10784318-5